

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Уильям Гибсон

ВИРТУАЛЬНЫЙ СВЕТ
ИДОРУ

ВСЕ ВЕЧЕРИНКИ
ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

« А З Б У К А »

18+

Уильям Форд Гибсон
Виртуальный свет. Идору. Все
вечеринки завтрашнего дня
Серия «Трилогия Моста»
Серия «Фантастика и
фэнтези. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68519703

Виртуальный свет. Идору. Все вечеринки завтрашнего дня:
ISBN 978-5-389-22467-4

Аннотация

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовала «Трилогия Моста» («Виртуальный свет», «Идору», «Все вечеринки завтрашнего дня»), действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, а фабула триллера, футуристический антураж и виртуозная скупость стиливых приемов порождают

взрывоопасный, но неотвратимо притягательный коктейль. Здесь мощное землетрясение раскололо Калифорнию на Северную и Южную, и пресловутый Мост стал символом этого разделения. Здесь полицейский-неудачник Райделл и велосипедистка-курьер Шеветта-Мари сведены волей случая и вместе пытаются выжить в охоте, устроенной на них владельцами сверхважной информации, хранящейся в солнцезащитных очках системы «виртуальный свет». Здесь Токио заново застроен нанотехнологическими небоскребами, успехом пользуется ночной клуб по мотивам Франца Кафки, а по фанатскому сообществу пронесся слух, что рок-звезда по имени Рез собирается жениться на виртуальной звезде, актрисе и певице Рэй Тоэй. Здесь лучший в мире убийца не оставляет следов во всемирной паутине, а тайный хозяин мира думает, что идет по его следу...

Содержание

Виртуальный свет	9
1	11
2	18
3	69
4	84
5	100
6	104
7	111
8	122
9	134
10	145
11	155
12	168
13	187
14	193
15	196
16	204
17	226
18	237
19	249
20	257
21	271
22	297

23	301
24	314
25	323
Конец ознакомительного фрагмента.	327

Уильям Гибсон
Виртуальный свет.
Идору. Все вечеринки
завтрашнего дня

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 2001, 2003

© Д. С. Борисов (наследники), перевод, 2002

© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Виртуальный свет

*Гэри Газтано Бандьере, крутому пизжону и
нашему другу*

Пламенеющая плоть исполинов

Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет – узкая хищная оса, высматривающая добычу, цепкие лапки тесно прижимают к груди гладкий черный кокон, набитый десятками смертей.

Несколькими часами раньше на один из северных пригородов обрушились ракеты, семьдесят три убитых, никакая группа не взяла еще на себя ответственность. Но здесь, где пламенеющей плотью исполинов плывут зеркальные зиккураты Ласаро Карденаса¹, все кошмары ночи остаются снаружи, на ждущих своего часа *avenidas*² – обыденные заботы, мир, что пребудет.

По милости заоконного воздуха каждый источник света окружен ореолом, желтушным посередине, тускло-коричневым – ближе к краю. Тонкие, почти невесомые хлопья сухого фекального снега, прилетающие с городских отстойников, запорошили око ночи.

Крепко зажмуриться, сосредоточиться на еле слышном шипении кондиционера. Так можно перенестись в Токио,

---

¹ Ласаро Карденас (1895–1970) – мексиканский генерал и политический деятель. Президент Мексики в 1934–1940 гг.

² Улицы (*исп.*).

представить себе, что этот номер расположен в одном из новых корпусов старой гостиницы «Империял». Увидеть себя на улицах Тиода-ку, слышать шелест поездов, пролетающих по эстакаде, прямо над головой. Узкий переулок, цепочка красных бумажных фонариков.

Курьер открыл глаза.

Мехико, снова Мехико.

На кофейном столике аккуратно выстроились восемь пустых пластиковых бутылочек: «Возвращение лосося», название японской водки раздражает даже сильнее, чем прилипчивый, ничем не смоешь и не заешь, привкус.

Нежно-бежевым фризом застыли на экране *девочки*. Ждут приказа. Курьер берет дистанционный пульт; высокие, острые скулы девочек приходят в движение, поворачиваются где-то в его черепе, чуть позади глаз. Мальчики, неизменно проникающие в своих напарниц сзади, щеголяют черными лайковыми перчатками. Славянские лица непрошенно вызывают осколки детских воспоминаний: вонь маслянисто-черного канала, стальной грохот раскачивающегося на рельсах поезда, высокие потолки старой квартиры, окна, выходящие в зимний, промерзший парк.

Вокруг трудолюбиво совокупляющихся русских – рамка из двадцати восьми периферийных кадров. Курьер мельком видит, как выносят трупы с дочерна прокопченной грузовой палубы азиатского парома.

Он откупоривает еще одну маленькую, на один стакан, бу-

тылочку.

Теперь девочки отсасывают у своих высокомерных, самопоглощенных дружков, запрокинутые головы двигаются в едином ритме, словно части хорошо смазанного механизма. Ракурсы съемки приводят на память самозабвенный пыл раннего советского кино.

Взгляд курьера натывается на метеосводку ННК. По Канзасу движется фронт низкого давления. На исламском канале раз за разом с жутковатой монотонностью повторяется нечто вроде сложного, угловатого орнамента – имя Господа во фрактальной каллиграфии.

Курьер пьет водку.

И смотрит телевизор.

Чуть за полночь на перекрестке Ливерпульской и Флорентийской курьер смотрит с заднего сиденья белой «лады» на Сона-Роса. Нанопористый швейцарский респиратор неприятно трет его свежевыбритый подбородок.

Губы и ноздри прохожих укрыты фильтрами. В честь Дня Мертвых некоторые маски украшены серебряными бусинками, они похожи на ухмыляющиеся пасти сахарных голов. Производители всех респираторов дают одни и те же неопределенные обещания насчет защиты от виридов. Неубедительно, но все же успокаивает.

Курьер хотел отвлечься от рутины, от одинаковости, возможно – найти что-нибудь красивое или хотя бы достойное

мимолетного интереса, но здесь были только маски, и уличные огни, и прежний неизбывный страх.

Из-за поворота, с авениды Чапультепек, выползает допотопный американский автомобиль, из-под полуоторванного бампера вырываются густые клубы выхлопа. Зеркальное покрытие, укутывающее весь, за исключением ветрового стекла, корпус, растрескалось и покрыто пылью, сквозь него проглядывает темно-коричневая скорлупа эпоксидной обмазки. Ветровое стекло, черное и блестящее, непроницаемое, как лужица пролитой на бумагу туши, напоминает курьеру смертоносный кокон боевого вертолета. Беспредметный прежде страх конденсируется вокруг «кадиллака», этого карнавального уродца, допотопного (ну надо же – двигатель внутреннего сгорания!) чудища, одетого в грязный, клочкастый серебряный балахон. Кто позволил ему отравлять своей вонью и так непереносимый воздух? Кто скрывается внутри, за черным ветровым стеклом?

Он смотрит вслед нелепой таратайке. Его пробирает дрожь.

– Эта машина...

Подавшись помимо собственной воли вперед, он обращается к толстой, дочерна загорелой шее водителя, чьи большие уши странным образом приводят на память древнюю керамику, точнее – копии с нее, рекламируемые по гостиничному телевидению.

– *El coche*³.

У водителя нет маски. Он поворачивается и словно впервые замечает своего пассажира, «кадиллак» проезжает мимо какого-то ночного клуба, попадает в луч лазера, вспыхивает ярким рубином, исчезает из виду.

Недоуменный взгляд водителя.

Курьер приказывает вернуться в гостиницу.

Он выплывает из глубин сна, наполненного металлическими голосами, из сводчатых переходов какого-то европейского аэропорта, где крошечные, непостижимо далекие фигурки людей застыли в беззвучном ритуале прощания.

Темнота. Шипение кондиционера.

Льняные простыни. Телефон под подушкой. Звуки улицы, приглушенные газовой прослойкой оконных стекол. Все напряжение, вся недавняя паника – все это исчезло. Вспоминается бар на крыше отеля. Музыка. Лица.

Редкая, желанная минута, когда внутренний мир пришел в равновесие. Спокойствие. Никакого другого спокойствия курьер не знает.

И... ну да, очки тоже здесь, рядом с телефоном. Вытаскивая очки из-под подушки, курьер ощущает виноватое наслаждение, почти такое же, как тогда, в полузабытой Праге.

Он любит ее почти уже десять лет, хотя никогда не задумывается над своими чувствами и вряд ли поверил бы, что

---

³ Зд. катафалк (*исп.*).

это – любовь. Но он не покупает другой программы, а черная пластиковая оправка почти утратила свой первоначальный блеск. Надпись на кассете совсем стерлась, ночные прикосновения превратили ее в белое матовое пятно. Сколько их было – комнат, таких как эта.

Пожелтевшие наушники остаются без дела, курьер давно уже предпочитает тишину, а точнее – собственное звуковое сопровождение. Он шепчет ей, своей единственной, ускоренно прокручивая дурацкие титры и вступительную сцену – черный, залитый лунным светом пейзаж, не Голливуд и не Рио, но некое расплывчатое компьютерное подобие их обоих.

Белый домик в конце ущелья. Она ждет его, как и прежде, как и всегда. Свечи. Вино. Черным бисером расшитое платье и белая матовая, невероятная в своей безупречности кожа. Туго обтянутое бедро, гладкое и холодное, как брюхо змеи.

Где-то очень далеко, под простыней, его руки начинают двигаться.

Позднее, когда он готов уже провалиться в новый, не похожий на прежние, сон, из-под подушки доносится негромкий одиночный звонок.

– Да?

– Место на Сан-Франциско заказано.

Голос принадлежит то ли женщине, то ли компьютеру. Курьер трогает клавишу, чтобы записать номер рейса, затем говорит: «Спокойной ночи», смотрит на тусклый свет, соча-

щийся сквозь щель между занавесками, и снова закрывает глаза.

Его обвивают белые как снег руки. Предвечная, неизбывная белизна.

Он спит.

«Громила» в деле

Машины «Интенсекьюра» выходят на патрулирование по щадящему графику: смена рабочая, две смены отдыха. Мыли их исключительно в большом специализированном заведении рядом с Колби – двадцать слоев эмали «свежий мед», ручная шлифовка; к такой роскоши поневоле начнешь относиться бережно.

Тем памятным ноябрьским вечером, когда Держава Желаний положила конец его карьере на поприще вооруженной охраны, Берри Райделл пришел в автомойку чуть раньше времени.

Ему там нравилось. Запах розоватого раствора, которым снимали с машин дорожную грязь, приводил на память последние школьные каникулы, летнюю халтурку, которую он подыскал себе тогда в Ноксвилле. Громадный жилой дом на улице Джефферсона Дэвиса решили переделать в кондоминиум, а для начала полностью раскурочили. Нужно было обдирать шлакоблочные стены, но обдирать не совсем, а чтобы кое-где, на стыках и в углублениях, оставались следы старой розовой краски – такой вот имелся у архитекторов бзик. Архитекторы – приехавшие, к слову сказать, из Мемфиса – все как один щеголяли в черных костюмах и белых хлопковых рубашках. Они никогда не надевали галстуков и никогда не

расстегивали верхние пуговицы рубашек, стоявших побольше, чем костюмы, – или, во всяком случае, не меньше. Райделл решил про себя, что архитекторы всегда так одеваются: последующая жизнь в Лос-Анджелесе подтвердила его догадку. Однажды он нечаянно подслушал, как один из этих героев объяснял прорабу смысл задания. *Нужно подчеркнуть преемственность, выявить непрерывность прохождения материала через время.* Чушь, конечно же, собачья, а все равно здорово. Сразу вспоминаешь, как стареют люди в телевизионных фильмах.

Здорово там не здорово, но на практике все сводилось к тому, что нужно было обдирать долбаную краску со многих тысяч квадратных футов дважды долбаной шлакоблочной стены: делалось это с помощью пульсирующей высоконапорной струи какого-то раствора, берешь в руки брандспойтную головку, прикрепленную к длинной ручке из нержавеющей стали, и – вперед на танки. Если прораб не смотрит, можно развернуть струю в тридцатифутовый павлиний хвост жгучей радуги и смыть с кого-нибудь из ребят всю обмазку. Результат проявлялся мгновенно – австралийская фирма, выпускавшая солнцезащитный крем, окрашивала свою продукцию в яркие, заметные цвета, чтобы не перепутать, какие участки кожи уже намазаны, а какие – нет. Операция требовала осторожности и глазомера – с близкого расстояния да на полную силу струя могла ободрать хромировку с автомобильного бампера. В конечном итоге Райделла и Бадди Криггера

выгнали с работы за хулиганство, каковое событие они отметили на противоположной стороне улицы Джеффа Дэвиса, в пивной, после чего Райделл пошел ночевать к этой девице из Ки-Уэста, что само по себе было событием не меньшим – он впервые уснул рядом с женщиной.

А теперь он в Лос-Анджелесе, крутит баранку «Лихого гусара», покрытого двадцатью слоями лака, да еще с ручной шлифовкой. «Гусаром» назывался бронированный лендровер, способный выдать сто сорок миль в час – если, конечно же, ты найдешь прямой, свободный от машин участок шоссе и успеешь разогнаться. Эрнандес, старший по смене, любил говорить, что англичане органически не способны сделать что-либо крупнее и сложнее шляпы, сделать так, чтобы оно не отказало в самую нужную минуту. Еще он говорил, что «Интенсекьюр» должен был купить израильские машины или хотя бы бразильские и вообще – на хрена это Ральф Лорен⁴ полез изобретать танк, без него, что ли, не обошлись бы?

Райделл не имел своего мнения на этот счет, но вот с краской ребята явно перестарались. Возможно, они хотели, чтобы «Гусар» был похож на большие коричневые грузовики фирмы «Юнайтед Парсел», развозящие товары по домам, –

---

⁴ *Ральф Лорен* (Ральф Лифшиц, р. 1939) – популярный американский модельер и дизайнер. Карьеру начал под псевдонимом Поло. Выпускает преимущественно готовую одежду, и, хотя он американец, его имя часто ассоциируется с английскими материалами (фланель, твид). Выступал художником по костюмам при съемках фильмов «Великий Гэтсби» (1974) и «Энни Холл» (1977).

и в то же самое время напоминал какой-нибудь элемент интерьера епископальной церкви. Никакой показной роскоши, простенько так и со вкусом.

В автомойке работали по преимуществу монголы, недавние иммигранты, не успевшие еще подыскать себе место получше. Они без умолку пели свои бредовые гортанные песни, Райделлу эти песни нравились. Он все время пытался понять, как же это можно выделывать горлом такие штуки – малость похоже на кваканье древесных лягушек, только лягушки квакают однотонно, а тут вроде как два совершенно независимых звука.

Теперь работяги надраивали ряды хромированных шишек, опоясывающие машину. К этим шишкам крепились, если надо, электрифицированная сетка, а хромировали их так, для красоты. В нормальной обстановке электричество ни к чему, а вот для разгона беснующейся толпы – самое милое дело. В Ноксвилле полицейские машины тоже были электрифицированы, но там ставили вдобавок систему увлажнения – мокрая сетка бьет гораздо сильнее.

– Распишитесь, – сказал бригадир, тихий чернокожий парень по фамилии Андерсон. Днем он учился на врача, вечером работал и всегда выглядел сильно невыспавшимся.

Райделл взял блокнот и световой карандаш, расписался на маленьком экранчике. Андерсон протянул ему ключи.

– Ты бы хоть отдохнул когда-нибудь, – посоветовал Райделл. Андерсон тускло улыбнулся. Райделл подошел к «Гро-

миле» и отключил охранную сигнализацию двери.

Внутри машины, прямо над ветровым стеклом, кто-то написал: «ГРОМИЛА». Зеленым маркером, большими буквами. Название прижилось – в первую очередь потому, что оно нравилось Саблетту. Уроженец Техаса, Саблетт вырос в трейлерном поселке какой-то бредовой видеосекты. Повзрослев, он смылся на волю. «Моя мамаша, – говорил он, – готова отдать церкви все, вплоть до собственной жопы». Райделл не очень понимал насчет жопы – это так, для красного словца, или в каком-нибудь там смысле?

Саблетт не любил рассказывать про секту, но Райделл уловил главное: эти придурки считали, что Господь Всевышний предпочитает общаться с потомками Адама посредством телевидения, что экран – нечто вроде перманентно функционирующей неопалимой купины.

– Господь, – сказал как-то Саблетт, – Он в деталях. Нужно смотреть очень внимательно, и тогда ты Его узришь.

В какой бы там форме ни общались эти психи со своим Богом, ясно было одно: Саблетт наглотался всякой телевизионной хрени по самое это место, в первую очередь – старых фильмов, транслируемых по каналам, которые только тем и занимаются, что их транслируют. Он сообщил Райделлу, что «Громила» – имя танка-робота из какого-то там японского фильма про чудовищ. У Эрнандеса было подозрение, что Саблетт сам и написал это слово над ветровым стеклом. Саблетт яростно отпирался. Эрнандес сказал: «Тогда возьми

тряпку и сотри». Саблетт проигнорировал приказ. Надпись так и осталась на месте, но Райделл знал, что такой законопослушный парень, как Саблетт, никак не мог совершить акта вандализма, к тому же чернила из маркера уложили бы его без сознания, а могли б и вовсе убить.

Аллергия. Мельчайшая капелька какого-нибудь растворителя или моющего вещества вызывала у Саблетта аллергический шок, так что он не заходил в автомойку никогда, ни под каким видом. Ко всем прочим радостям, аллергия вызывала у несчастного парня болезненную чувствительность к свету, так что он постоянно носил зеркальные контактные линзы. Черная интенсекьюровская форма, сухие светло-сломенные волосы да плюс еще эти долбанные линзы – Саблетт выглядел самым натуральным фашистом, придурком ку-клукс-клановским. Что могло привести к определенным недоразумениям, особенно в негритянской лавочке на бульваре Сансет. Особенно если время, скажем, три часа ночи, а тебе вдруг прямо позарез потребовалось купить бутылку кока-колы или там минералки. И все же Райделл искренне радовался, когда расписание сводило его с долговязым те-хасцем. Саблетт ненавидел насилие, черта характера редчайшая, а у наемного копа так и вовсе невероятная. Сумасшедший? Самое интересное, что даже не сумасшедший. С точки зрения Райделла, и то и другое было вполне определенными плюсами. Ведь в Южной Калифорнии, как любил говорить Эрнандес, очень строго расписано, кто может и кто не может

работать парикмахером, а вот полицейских нанимают прямо с улицы, безо всякой, считай, проверки.

Многие теперешние коллеги Райделла пришли в «Интенсекьюр» из полиции, некоторые из них успели даже поработать в ДПЛА, Департаменте полиции Лос-Анджелеса. Судя по строгим, подробно детализированным правилам, запрещающим выходить на работу с каким-либо оружием, кроме табельного, фирма почти не сомневалась, что только дай этим ребятам волю – и они под завязку нагрузятся всякими противозаконными железяками. Двери диспетчерской были снабжены металлодетектором, и совсем не напрасно – стол Эрнандеса буквально ломился от ножей выкидных и ножей засапожных, от нунчаков, кастетов, парализующих пистолетов и прочей хурды-мурды. Ну прямо как в школе. После смены полицейские получали свое хозяйство назад, но при выездах по вызову они должны были ограничиваться глоками и чанкерами.

Глоки – древние, двадцатилетней давности, полицейские пистолеты – «Интенсекьюр» закупал у полицейских департаментов, которые могли позволить себе перейти на оружие с безгильзовыми боеприпасами, закупал навалом, чуть ли не целыми грузовиками. Согласно инструкции каждый глок должен был находиться в пластиковой кобуре, кобуру же прищипливали к центральной консоли машины, на липучке. Выходя по вызову, ты отдирали кобуру с пистолетом от консоли и вешал ее на себя, при помощи все той же липуч-

ки. Единственная ситуация, когда ты вооружен и находишься вне машины, — это выход *по вызову клиента*.

Чанкеры не были настоящим оружием, во всяком случае с точки зрения закона. Однако десятисекундная очередь из этой штуки могла обглодать чью-нибудь физиономию до костей, особенно если с близкого расстояния. Пневматические, израильского изготовления устройства для борьбы с толпой, чанкеры стреляли дюймовыми кубиками из твердой резины. Выглядели они как убудочный плод насильственного скрещивания автомата схемы «буллпап» с клепальным пистолетом — хотя какой же идиот станет делать автомат из ярко-желтого пластика? Нажимаешь на спуск, и машинка выдает почти непрерывную струю кубиков. Немного наловчившись, можно стрелять даже из-за угла, была бы только подходящая отражающая поверхность. Длинная очередь в упор способна перепилить лист фанеры, а человеку, словившему одиночный кубик с расстояния в тридцать ярдов, гарантирован приличный синяк. Основополагающая теория заключалась в том, что вооруженные бандиты — большая редкость. Работайте чанкерами, чтобы поменьше калечить клиента и его имущество. Ну а если уж нарвался на вооруженного бандита — у тебя есть глок. О том, что оружие этого бандита почти наверняка имеет плавающий затвор и безгильзовые боеприпасы, теория скромно умалчивала. И еще один факт, забытый теорией: выходя на дело, серьезный бандит почти наверняка примет дозу «плясуна», приобретет нечеловеческую

скорость реакции, а заодно превратится в самого настоящего, клинического психа.

В Ноксвилле «плясуна» этого тоже хватало – почему, собственно, Райделл и был отстранен от работы. Он приполз на карачках в квартиру, где механик по имени Кеннет Терви держал в заложниках свою подружку и двоих ее детей. Этот костлявый, белобрысый, месяц не мывшийся парень хотел побеседовать с президентом. На его груди красовалась свеженькая – даже кровь не успела подсохнуть – татуировка, Тайная вечеря. Райделлу бросилось в глаза, что ни у Иисуса, ни у апостолов нет лиц, только слепые овалы.

– Да мать вашу так, – сказал Терви. – Я всего-то и хочу, что поговорить с президентом.

Он сидел, скрестив ноги, на диване. Совершенно голый. На коленях у него лежала толстая, сплошь обмотанная изоляционной лентой труба.

– Мы пытаемся с ней связаться, – объяснил Райделл. – Ты уж извини за задержку, но только дело это очень сложное, инстанции всякие промежуточные, никак не пробиться.

– Кой хрен, – покачал головой Терви. – Да неужели никто не может понять, что я действую по указаниям Господа?

В голосе его не было никакой злобы, только усталость и отчаяние. Через открытую дверь спальни Райделл увидел девушку. Она лежала на полу ничком, так что лица не было видно. Правая нога неестественно вывернута, сломана, что ли? А где же дети?

– Что это у тебя за штука? – спросил Райделл, указывая на обмотанную скотчем трубу.

– Ружье, – устало объяснил Терви. – Потому-то мне и нужно поговорить с президентом.

– В жизни не видел таких ружей, – признался Райделл. – А чем оно стреляет?

– Консервные банки, залитые бетоном.

– Не брешь?

– Смотри.

Терви поднес свою пушку к плечу. Теперь Райделл рассмотрел замысловатый затвор, спуск (*наверное*, спуск), похожий на ручки хирургического зажима, и два гибких шланга. Шланги тянулись к тяжелому – такие возят на тачке – газовому баллону.

Все это время Райделл стоял на коленях. Синтетический ковер, устилавший комнату, насквозь пророс пылью. Ствол идиотского оружия описал широкую дугу, какую-то долю секунды он смотрел Райделлу прямо в лицо. Круглая черная дыра, огромная, дюйма четыре в диаметре. Кулак просунуть можно. Терви взял на мушку дверь стеного шкафа, видневшуюся в глубине спальни.

– Терви. – Собственный голос показался Райделлу чужим. – Терви, а где эти долбанные дети?

Терви потянул спусковую ручку и прошиб в двери стеного шкафа рваную дыру размером с блюдце. В шкафу сидели дети. Они завопили. *Наверняка* завопили, хотя Райделл это-

го и не запомнил. Мой подзащитный, говорил позднее адвокат, не только лишился на время слуха, но и пришел в состояние акустически индуцированной каталепсии. Изобретение этого вонючего придурка грохнуло лишь на пару децибел слабее, чем шумопарализующая граната. Короче говоря, Райделл не помнил, как вопили дети, не помнил, как прострелил Кеннету Терви голову, не помнил вообще ничего. Очнулся он в больнице. Рядом с койкой сидела женщина из телевизионного шоу «Копы влипли». Женщина сказала Райделлу, что ничего не может обсуждать с ним, пока не поговорит с его адвокатом. Нет у меня никакого адвоката, сказал Райделл. Знаю, сказала женщина. Нет, так будет, мы уже об этом позаботились, подожди немного, адвокат скоро придет.

«Копы влипли»... Райделл лежал и вспоминал, как любили они с папашей смотреть эту передачу. Особенно папаша: его, бывало, и вообще от телевизора не оторвешь.

– А что, – спросил он через пару минут, – крупно я влип?

– Мало не покажется, – улыбнулась женщина.

Райделл присмотрелся к ней повнимательнее. Симпатичная.

– Как тебя звать?

– Карен Мендельсон.

Столичная штучка, в Ноксвилле таких не встретишь. Да и в Мемфисе – тоже.

– Так ты что, с телевидения? «Копы влипли»?

– Да.

– И чем же ты у них занимаешься?

– Я юрист.

За всю свою жизнь Райделл не видел еще ни одного юриста – зато теперь ему предстояло встречаться с ними чуть не каждый день.

Райделл вставил ключ, набрал на клавиатуре пароль, прогнал через систему тестовую программу, и серые прямоугольники дисплеев ожили. Ему очень нравились камеры, установленные под задним бампером «Громилы»: это ж какое удобство при парковке, когда подаешь машину задом и точно видишь – куда. Связь со «Звездой Смерти» пока что отсутствовала, слишком уж много металла в стенах и перекрытиях автомойки. Ничего, у Саблетта в ухе капсульный приемник, вот пусть и слушает, все равно ему делать нечего.

«Звезда Смерти» – только так и называли этот спутник, хотя в диспетчерской «Интенсекьюра» и висела бумажка, призывавшая сотрудников компании воздерживаться от употребления нехорошей клички. Да что там наемные копы, если и в ДПЛА тоже иначе не говорили. Ну а официально это «Геостационарный спутник южнокалифорнийских органов охраны правопорядка», язык сломать можно.

Райделл дал задний ход, внимательно глядя на экраны боковых камер. Керамические двигатели «Громилы» не успели еще износиться и работали довольно тихо, сквозь их мирное урчание доносился шелест покрышек по мокрому бетону.

Саблетт ждал снаружи, на парковочной площадке; по серебряным бельмам его глаз ползли рубиновые мошки – отражения хвостовых фонарей. Солнце уходило за горизонт; судя по расцветке закатного неба, коктейль атмосферных загрязнений был сегодня даже крепче обычного. Техасец торопливо отскочил от приближающейся машины – одна-единственная крошечная брызга из-под колес гарантировала ему веселую жизнь. Райделл тоже старался разворачиваться поаккуратнее, а то свалится этот красавец с аллергическим шоком и тащи его тогда в «Кедры», большая радость.

Ну вот, а теперь это чудо морское натягивает одноразовые хирургические перчатки. Райделл терпеливо ждал.

– Привет, – сказал Саблетт, забираясь на сиденье. Он хлопнул дверцу и начал осторожно снимать перчатки, чтобы тут же кинуть их в застегивающийся пластиковый мешочек.

– Смотри, на себя не капни, – ухмыльнулся Райделл, наблюдая за этим священнодействием.

– Смейся, смейся, – беззлобно откликнулся Саблетт. Он вытащил пакет антиаллергической жевательной резинки, закинул пластинку в рот. – Ну и как там старик «Громила»?

Райделл окинул взглядом дисплей:

– Ничего, на здоровье не жалуется.

– Надеюсь, у нас не будет сегодня этих долбучих стелсов, – заметил, не переставая жевать, Саблетт.

Стелсы, дома-невидимки, занимали в его личном каталоге неприятных вызовов чуть не самое первое место. Воздух

там, видите ли, токсичный. Райделл в это не верил, но давно перестал спорить. Скучно и бесполезно. Стелсы, говорил он когда-то, больше обычных домов, больше и дороже. И уж как-нибудь хозяин такой халупы позаботится о чистоте воздуха, не станет экономить по мелочам. Саблетт упрямо возражал, что в стелсах живут исключительно психи, построить себе такой дом – это все равно что громко заявить: «У меня мания преследования». И психи эти затыкают в своих жилищах каждую дырку, так что воздух не может циркулировать, в нем накапливается всякая отравы.

В Ноксвилле стелсов не было, а если даже и были, то Райделл о них ничего не слышал. Он и сейчас считал, что это чисто лос-анджелесские закидоны. Саблетт работал на «Интенсекьюр» уже два года, по преимуществу – в Венеise, на дневном патрулировании, он-то и рассказал своему напарнику о домах-невидимках. А потом Райделл попал в стелс по вызову и почти не поверил своим глазам. Снаружи, на поверхности, виднелось нечто похожее на фабрику химчистки, сильно пострадавшую при бомбежке, – ну не то чтобы совсем было похоже, но что-то вроде. А под этой убогостью – шахта, уходившая вглубь и вглубь, а совсем внизу – комнаты, а уж в комнатах чего только не было. Бревенчатые стены, белая штукатурка, турецкие ковры, большие – *огромные* – картины, изразцовые полы, мебель, какую нигде и не увидишь. А вызов был странный и не очень приятный, семейное насилие – так, во всяком случае, показалось Райделлу. Ну вроде как

муж шарахнул жену, жена шарахнула по кнопке, а потом они опомнились и решили сделать вид, что ничего такого не было, случайная накладка, вот и все. Только никакая это была не накладка, не сама же кнопка нажалась. И случайно нажать ее тоже не могли – ровно через три и восемь десятых секунды был проверочный звонок, подняли бы трубку, сказали бы: «Мы это нечаянно», назвали бы пароль – и дело с концом, а тут ведь никто и не подошел. Скорее всего, жена перебила все телефоны, а потом уже нажала на кнопку. В тот раз напарником Райделла был «Большой Джордж» Кечакмадзе, и грузину (грузины живут где-то там на Кавказе, и столица у них называется Тбилиси) эта история тоже не понравилась. «Ни хрена не поделаешь, – сказал потом Большой Джордж. – Эти люди – подписчики, так что убедился, что ни трупов, ни крови нет, и мотай на все четыре стороны, да поскорее». Но Райделл долго еще вспоминал напряжение, стоявшее в глазах женщины, и как она сжимала воротник роскошного белого халата – горло прикрывала, что ли? Ее муж был в таком же халате и в дорогих очках, а из-под халата высывались толстые волосатые ноги. Что-то там было не так, сильно не так, но что именно – этого Райделл так и не узнает. И он совершенно не понимал, как строится жизнь таких людей, жизнь, очень похожая на то, что показывают по телевизору, и в то же самое время – совсем другая.

Вот чуть присмотришься и видишь, что Лос-Анджелес полон тайн, и нет этим тайнам конца.

И все же ему нравилось кататься по этому городу. И не обязательно, чтобы спешить в какое-то определенное место, а просто так, колесить по улицам на «Громиле», вот как сейчас. Он свернул на Ла-Сьенту; крошечный зеленый курсор на экране сделал то же самое.

– «Запретная зона», – сказал Саблетт. – Херв Виллечез, Сюзан Тирелл, Мари-Паскаль Эльфман, Вива.

– Вива? – переспросил Райделл. – Вива *что?*⁵

– Просто Вива. Актриса.

– А когда это его сняли?

– Тысяча девятьсот восьмидесятый.

– Меня еще и на свете не было.

– На телевидении, Райделл, всегда *одно и то же* время.

– А мне-то казалось, что ты стараешься бороться со всей этой хренью, которую в тебя с детства вдалбливали. – Райделл выключил зеркальный фильтр бокового окошка, чтобы полюбоваться рыжей девицей, проезжавшей мимо в розовом открытом «дайхацу сникере». – Как бы там ни было, я этого фильма не смотрел.

По не совсем ясной причине на закате лос-анджелесские автомобилистки выглядели невероятно красивыми. А главный врач США все пытается запретить машины с открывающимся верхом, говорит, что они увеличивают заболеваемость раком кожи.

– «Эндшпиль». Эл Кливер, Мойра Чен, Джордж Истмен,

---

⁵ Viva (*исп.*) – да здравствует.

Гордон Митчелл, тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

– Тогда мне было уже два года, – откликнулся, не отрывая глаз от дороги, Райделл, – но этого фильма я тоже не видел.

Саблетт погрузился в унылое молчание. Райделл искренне ему сочувствовал: вот не знает парень другого способа завязать разговор, и все тут, а был бы он среди тех, своих, в трейлерном лагере, так они и эти фильмы смотрели по десять раз, и миллион других.

– А я вот тоже вчера смотрел один старый фильм, – сказал Райделл, чувствуя, что теперь его черед поддерживать светскую беседу.

– Да? – заинтересованно вскинулся Саблетт. – И какой?

– Не знаю, – покачал головой Райделл. – Там этот парень, он в Лос-Анджелесе, и он только что познакомился с этой девушкой. А потом он слышит, что таксофон звонит и звонит, и берет трубку. А время уже позднее, совсем ночь. И вот этот другой парень, он сидит где-то в ракетной шахте, и он знает, что мы только что запустили в них свои ракеты – в них, в русских то есть. И он пытается дозвониться до своего папаши, или брата, или хоть до кого. И он говорит, что миру приходит конец и времени почти не осталось. А потом парень – ну тот, который трубку взял, – слышит, как вбегают солдаты, и они тут же парня этого пристрелили. Это, значит, того парня, который дозванивался.

Саблетт прикрыл глаза, просматривая свои внутренние банки данных.

– Да? И чем же все кончилось?

– Не знаю, – признался Райделл. – Потом я уснул.

– А кто там снимался? – поднял голову Саблетт.

– Спроси чего полегче.

Серебряные глаза Саблетта изумленно расширились.

– Господи, Берри, да ты просто *не имеешь права* смотреть телевизор. Если уж смотришь, то смотри внимательно.

В тот раз, пристрелив Кеннета Терви, он провалялся в больнице совсем недолго, каких-то два дня. Адвокат Райделла, знаменитый Аарон Персли, устроил шум, что его не должны были выписывать так быстро, что нужно было лучше оценить уровень посттравматического шока, но сам Райделл ненавидел больницы, да и вообще он чувствовал себя совсем неплохо, просто не мог вспомнить точно, как там и что там случилось, вот и все. И у него имелась теперь надежная помощница, та самая Карен Мендельсон, а кроме того – Веллингтон Ма, агент, взявший на себя общение с другими людьми из «Влипших копов»; только Карен была очень хорошенькая, одни длинные темно-каштановые волосы чего стоят, а все эти другие ей и в подметки не годились. Веллингтон Ма, чистокровный китаец, жил в Лос-Анджелесе; его отец состоял в банде «Большой Круг»⁶, это Карен так сказала, а

---

⁶ «Большой Круг» (Big Circle Gang) – одна из наиболее крупных гонконгских триад. Строго говоря, не гонконгская, а зародилась в материковом Китае и руководится оттуда же. С начала 1990-х гг. активно проникает в Америку (преимущественно через Канаду).

потом сразу прикусила язык и посоветовала Райделлу никогда об этом пикантном обстоятельстве не упоминать.

Визитная карточка Веллингтона Ма представляла собой тончайшую, почти как бритвенное лезвие, прямоугольную пластинку розового кварца с лазерной гравировкой, первая строчка – имя и фамилия, вторая – «Агентство Ма – Мариано», а дальше – адрес по бульвару Беверли и уйма всяких адресов электронной почты и еще каких-то номеров. Серый замшевый конверт с пижонской визиткой доставил Райделлу курьер «Глобал Экспресса» прямо в больницу.

– Это ж порезаться можно, – сказал Райделл.

– Можно, – согласилась Карен Мендельсон. – А если положить ее в бумажник и сесть, она разлетится вдребезги.

– Зачем это все? Какой смысл?

– А такой, чтобы получатель относился к ней бережно, с почтением. Другой тебе никто не даст.

Райделл так и не встретился с Веллингтоном Ма лично – встретился, конечно, но это произошло потом, гораздо позже, – зато Карен приносила иногда маленький чемоданчик с наглазниками на проводке, и тогда можно было связаться с лос-анджелесской конторой, поговорить с великим человеком. Райделл никогда еще не пользовался аппаратами телеприсутствия с таким разрешением, эффект был потрясающий, словно и вправду перенесся в Лос-Анджелес. За окном кабинета виднелась темно-синяя сильно скособооченная пирамида. Он спросил у Ма, что это такое, и Ма сказал: старый

конструкторский центр, только теперь это молл, торгующий с уценкой, вот приедет Райделл в Лос-Анджелес – а это будет совсем скоро, – пусть туда забежит.

Подружка Кеннета Терви, Дженни-Рей Клайн, возбудила целую кучу отдельных хитроумно переплетенных исков против Райделла, против департамента полиции, против города Ноксвилл и даже против сингапурской компании, владевшей домом, в котором все и случилось. В сумме так миллионов на двадцать.

Короче говоря, Райделл крупно влип, слава еще богу, что у него нашлись такие союзники, как эти, из «Влипших копов», телевизионщики. Для начала они наняли Аарона Персли, а уж кто такой этот Аарон Персли, Райделл знал прекрасно, не зря же они с отцом смотрели чуть не каждую передачу. У адвоката была благородная седая шевелюра, ярко-голубые глаза и тонкий, хоть коли им лучину, нос. Обычная его одежда состояла из джинсов, ковбойских сапог и ковбойской же, египетского хлопка рубашки с галстуком-шнурком, украшенным серебряными индейскими бусинами. Персли был весьма знаменит и часто защищал копов вроде Райделла от личностей вроде Кеннетовой подружки и ее адвоката.

Адвокат этой самой Дженни-Рей Клайн не моргнув глазом утверждал, что Райделлу вообще нечего было делать в ее квартире, что, незаконно проникнув в жилище его клиентки, преступный полицейский зверски умертвил Кеннета Терви, а заодно поставил невинную женщину и ее малолетних детей

в смертельно опасное положение. Мистер Терви описывался в исках как квалифицированный механик, усердный труженик, любящий приемный отец маленьких Рембо и Келли, истовый христианин, вернувшийся к вере после искуса сомнений, человек, сумевший избавиться от пагубного пристрастия к тетрагиобускалину, а также единственный кормилец семьи.

– Сумевший избавиться? – переспросил Райделл.

Готовясь к отъезду, он переселился в один из служебных номеров аэропорта, сюда-то Карен Мендельсон и принесла полученный от адвоката Кеннетовой подружки факс.

– Как выясняется, – пожала плечами Карен, – в тот самый день он участвовал в собрании.

– И что же он там *делал*? – прищурился Райделл, живо припомнивший кровавую, со слепыми лицами Тайную вечерю.

– Согласно *нашим* источникам, он открыто, у всех на виду, занюхал целую столовую ложку своего излюбленного препарата, после чего силой занял кафедру и разразился тридцатиминутной речью о колготках президента Миллбэнк, а также о предполагаемом состоянии ее половых органов. Затем он заголился, некоторое время мастурбировал, однако эякуляции не достиг, с чем и покинул зал собраний Первой баптистской церкви.

– Господи Иисусе, – поразился Райделл. – Так это что же, происходило на одном из собраний бывших наркоманов –

ну, которые вроде «Анонимных алкоголиков»?

– Именно так, – кивнула Карен. – И насколько я понимаю, выступление Терви стало побудительным толчком для целой серии крайне прискорбных рецидивов. Мы высылаем сюда бригаду юристов, пусть побеседуют с участниками этого собрания.

– Хорошая мысль, – согласился Райделл.

– Собранный ими материал очень пригодится мистеру Персли – в том, конечно же, маловероятном случае, если дело это дойдет до суда.

– Хорошенькое «сумел избавиться», – продолжал кипеть Райделл. – Да он уторчавшийся был как не знаю что. Занюхать столовую ложку этой дури – это ж вообще сумасшедший дом.

– Так-то оно так, – пожала плечами Карен, – только тут есть еще одно обстоятельство. Терви принадлежал к Дожившим Сатанистам, и уже прошел слухок, что они заинтересовались этим делом. Исходя из чего мистер Персли и мистер Ма пришли к выводу, что нам, Берри, нужно линять отсюда, и поскорее. Нам – тебе и мне.

– А как же судебные иски?

– Ты всего лишь временно отстранен от работы. Тебе не предъявлено никаких обвинений, а адвоката твоего звать Аарон – с двумя «а» – Персли. Ты уезжаешь отсюда, Берри.

– В Эл-Эй?

– Видишь, какой ты догадливый.

Райделл задумался о Лос-Анджелесе – Лос-Анджелесе, каким его показывали по телевизору.

– А он мне понравится?

– Вначале, – улыбнулась Карен. – Вначале *ты* понравишься *ему*. Я сужу по тому, что *мне* ты понравился.

Так вот и вышло, что Райделл оказался в одной постели с юристкой – юристкой, верткой, как угорь, и не стеснявшейся никаких самых непристойных слов, юристкой, от чьего запаха кружилась голова, чье белье было изготовлено в Милане, это такой город в Италии.

– «Смертельная доза». Сиринда Бурдетт, Гудрун Уивер, Дин Митчелл, Синобу Сакамаки. Тысяча девятьсот девяносто седьмой.

Райделл допил последние капли охлажденного декофеинизированного кофе со сливками, взглянул на грязновато-молочные кубики льда, болтавшиеся на дне пластиковой чашечки термоса, и помотал головой.

– В жизни о таком не слышал.

– А вот мама видела Сиринду Бурдетт живьем. В Уэйко, в молле каком-то. Даже автограф взяла. На самое почетное место положила на телевизоре, вместе с молельными платочками и голограммой преподобного Уэйна Фаллона. У нее же для каждой хрени свой молельный платочек. Один для арендной платы, другой от СПИДа, третий от туберкулеза...

– Правда? И что же она с ними делает?

– Да просто держит их *на телевизоре*, – объяснил Саблетт.

Немного подумав, он достал хрустально прозрачную бутылку и вытряхнул в рот последние капли четырехкратно дистиллированной воды. До единственного на Сансете магазина, торговавшего столь экзотическим напитком, было довольно далеко, однако Райделла это ничуть не волновало. Ну сделаем лишний крюк, чего тут такого страшного? И парковочная площадка там удобная, прямо за углом, и кофейный бар совсем рядом, можно будет термос наполнить. Отличный, кстати, мужик этот, который за парковочной площадкой следит, – всегда вроде как радуется, когда нас видит.

– Молельным платочком от СПИДа не убережешься, – сказал Райделл. – Сделал бы ты лучше прививку, как все нормальные люди. И мамаше бы своей посоветовал.

За прозрачным (после той рыжей Райделл так и не включил зеркальный фильтр) стеклом виднелся уличный алтарь Джей-Ди Шейпли, пристроенный к полуобвалившейся бетонной стене – жалкому остатку вполне, вероятно, приличного дома. В западном Голливуде такое не редкость. На стене красовались трехфутовые буквы, наклеенные ядовито-розовой аэрозольной краской: «ШЕЙПЛИ В РОТ ДОЛБАНЫЙ ПИДОР» – и большое, тоже ярко-розовое сердце. Прямо под надписью стена была облеплена открытками с портретом Шейпли и фотографиями людей, обреченных когда-то на смерть. Таких людей миллионы и миллионы. Еще ниже, на тротуаре, валялись увядшие цветы, огарки свечей

и прочая дребедень. Странное все-таки, подумал Райделл, у этого парня лицо, страшновато даже, прямо мурашки по коже. Нечто среднее между Элвисом и каким-нибудь католическим святым – костлявое, почти бесплотное, и глаза как блюдца.

– А то, – повернулся он к Саблетту, – что ты до сих пор не вакцинировался, так это все твоя деревенская тупость, упрямство ослиное.

– Да это же, – виновато забубнил Саблетт, – даже хуже *живой* вакцины, там же одного вируса вышибают другим, и он в тебе *остается*.

– Ну да, – кивнул Райделл, – а что тут такого? Он же ничего тебе не сделает. А того, старого, СПИДа в мире еще ой-ё-ёй сколько. Будь моя воля, я бы *заставлял* делать прививки.

Саблетт зябко поежился.

– Преподобный Фаллон всегда говорил...

– А в рот я твоего преподобного и в ухо, – разозлился Райделл. – Этот ублюдок попросту зашибает деньги, втюхивая моленные платочки людям вроде твоей мамочки. Да что я тебе объясняю, ты же и сам прекрасно понимаешь, что все это хрень собачья, иначе сидел бы ты сейчас не здесь, а в своем трейлерном лагере, сидел бы и молился на телевизор.

Он шархнул по кнопке зажигания, затем врубил скорость и бросил «Громилу» в поток машин. Удобно все-таки ездить на «Лихом гусаре» – прочие водители всегда пропускают тебя, дают вклиниться в ряд.

Уныло свешенная голова, сутулая спина и высокие плечи делали Саблетта удивительно похожим... на кого? На орла, наверное, только на орла обеспокоенного, затюканного какими-то своими орлиными невзгодами.

— Не так это все просто, — вздохнул он. — Ведь это вера, в которой меня воспитывали, которая сделала меня таким, как я есть. Ну не может же все в ней быть хреню собачьей, вот ты сам подумай, ведь не может?

Райделл искоса взглянул на Саблетта и сжалился.

— Нет, — согласился он, — конечно не может. Я и не говорю, что все в ней хрень, просто...

— Слушай, Берри, а тебя-то в какой вере воспитывали?

Райделл надолго задумался.

— В республиканской.

В жизнь Райделла вошло много нового, вроде кредитной карточки Южнокалифорнийского отделения Мексикано-американского банка, выданной ему «Влипшими копами», или возможности летать не туристским, а бизнес-классом, но лучшей из всех этих приятных новинок была, пожалуй, Карен Мендельсон.

В тот первый раз, в служебном номере ноксвиллского аэропорта, он не имел при себе ничего предохранительного и пытался показать Карен свои справки о прививках (без справок этих департамент полиции не выписывал страховой полис). Карен только расхохоталась и сказала, что обо всем по-

заботится немецкая нанотехника. Потом она показала Райделлу нечто вроде портативной скороварки, и там, под прозрачной крышкой, лежала эта штука. Райделл слышал про такие, но никогда прежде их не видел; еще он слышал, что они стоят жутко дорого, ну, примерно, как среднего класса автомобиль. А хранить их нужно при температуре человеческого тела. Обязательно – это он прочитал в какой-то газете или журнале.

Белесая такая штука, вроде небольшой медузы и вроде как шевелится, а может, и нет. Райделл спросил: а правда, что они живые? Карен улыбнулась и сказала, что не то чтобы совсем, но почти, а в основном это шарики Баки и субклеточная автоматика. И что он совсем не почувствует, что эта штука там, и что она ни в коем случае не станет вставлять ее здесь, у него на глазах.

Карен ушла в ванную и вернулась в этой самой рубашке, миланской, но тогда он еще не знал, что рубашка миланская, это она позже сказала. Ну и правда, он совсем не чувствовал эту штуку и никогда не догадался бы, что она там, но он все равно про нее *знал*, но очень скоро забыл. *Почти* забыл.

На другое утро они наняли маленький конвертиплан до Мемфиса, а там пересели на «эр-магеллановский» лайнер, направлявшийся в LAX⁷. Бизнес-класс отличался в первую очередь изобилием примочек, смонтированных в спинке сиденья, которое перед тобой; Райделл сразу же увлекся аппа-

---

⁷ LAX – главный аэропорт Лос-Анджелеса.

ратом телеприсутствия, который можно было подключить к управляемым камерам на обшивке самолета. Карен такими глупостями не занималась, она очень не любила пользоваться крошечным карманным виртуфаксом, а потому с облегчением вызвала на откидной дисплей свою лос-анджелесскую контору и начала просматривать свежепоступившую почту. Затем она говорила по телефону, рассылала какие-то факсы, работала ловко и сосредоточенно, не обращая внимания на восхищенные охи и ахи крутого ноксвиллского копа, увлекшегося новой игрушкой.

Нет, что ни говори, а на самолетах местной линии, которыми Райделл летал иногда во Флориду, к отцу, все выглядело гораздо скромнее, здесь же и сиденья просторнее, и кормежка лучше, и за выпивку денег не берут. Райделл и сам не заметил, как высосал три или четыре фужера, а потом задремал и очнулся уже где-то над Аризоной.

Аэропорт поразил его странным незнакомым запахом, да и свет здесь был какой-то не такой. Райделл знал, что в Калифорнии большая плотность населения, и все же никак не ожидал такой толчеи и гомона. Представитель «Влипших копов» держал над головой мятую картонку с надписью «Мендельсон», криво накорябанной красным маркером, и растерянно озирался. Буква «S» была написана задом наперед. Райделл улыбнулся, представился и пожал парню руку. Тот, похоже, очень обрадовался и сказал, что его звать Сергей. Карен спросила: а где же твоя долбаная машина? – и тогда

Сергей густо покраснел и сказал: подождите минутку, сейчас я ее подгоню. Нет уж, сказала Карен, большое спасибо, мы уж лучше сами дойдем до стоянки, вот только вещи с самолета выдадут. Ты что же, думаешь, я вот так вот и буду торчать в этом обезьяннике, и чтобы меня каждую секунду толкали, и шум тут такой, что оглохнуть можно. Сергей покорно кивнул, он все пытался сложить свою картонку и засунуть в карман, но картонка была очень большая и никак не помещалась. И чего это, удивлялся Райделл, Карен на него так окрысилась? Устала, наверное, после полета, а то с чего бы? Он подмигнул Сергею, надо же подбодрить парня, но тот, похоже, ничуть не успокоился, а стал, наоборот, еще больше нервничать.

У Карен были две черные кожаные сумки, а у Райделла – мягкий синий «самсонит», купленный по новой кредитной карточке. Они с Сергеем потащили багаж сперва к выходу из аэропорта, а затем через большую круглую площадь, опоясанную кольцевой дорогой. Наружный воздух ничем не отличался от того, что внутри аэропорта, вот только жарко было тут как в пекле. Динамики непрерывно орали, что площадки, покрашенные в белый цвет, предназначены исключительно для погрузки и разгрузки. На площади был форменный сумасшедший дом – сотни людей, груды багажа, детский рев, автомобили всех на свете марок, слава еще богу, что Сергей точно знал, куда нужно идти – к гаражу на противоположной стороне.

Машина у Сергея была немецкая, черная и длинная, и выглядела она так, словно всю ее минуту назад протерли носовым платочком. Давайте, предложил Райделл, я сяду впереди, вроде как охранником, и тогда Сергей снова задержался и засунул его на заднее сиденье, к Карен. Глядя на эту сцену, Карен засмеялась, и Райделл почувствовал себя немного лучше.

Когда машина выезжала из гаража на площадь, Райделл заметил под огромной, составленной из отдельных стальных букв вывеской «МЕТРО» двух копов. Здоровенные мужики в сферических, с прозрачными пластиковыми визорами шлемах-кондиционерах. Они лениво лупили дубинками какого-то старика. Лупили как простыми палками, не включая разрядников, а потому старик, одетый в грязные, продранные на коленях джинсы, реагировал довольно вяло. На обеих скулах дочерна загорелого – даже и не поймешь, белый он или какой еще, – лица ярко выделялись большие нашлепки из лейкопластыря, верный признак рака кожи. Людской поток, стремившийся ко входу в метро, раздваивался, равнодушно обтекал старика и копов, снова смыкался.

– Добро пожаловать в Лос-Анджелес, – провозгласила Карен. – Цени, что едешь на машине, а не подземкой.

Ужинали они в обществе самого Аарона Персли, в Голливуде, как объяснила Карен, а точнее – на Норт-Флорес-стрит. Ресторан был техасско-мексиканский, и кормили там просто здорово, все блюда вроде бы и знакомые, но как-то особенно

вкусно приготовленные. Месяц спустя у Саблетта был день рождения, и Райделл повел его в этот же самый ресторан – пусть парень поест родной, как у себя дома, пищи, может, и взбодрится немного. Однако ничего не вышло.

– Все столики заняты, – сказал швейцар.

Райделл взглянул в окно и увидел, что ресторан почти пуст – потому, наверное, что время было совсем раннее.

– А как же эти? – спросил он, указывая на свободные столики.

– Заказаны, – отрезал швейцар.

– Пошли, – сказал Саблетт. – Да и вообще зря мы сюда сунулись, тут же все будет переперченное, а у меня изжога.

А лучше всего было объезжать на «Громиле» горы и каньоны, особенно если лунной ночью.

Там иногда видишь такие вещи, что даже и не понять, видел ли ты их или нет. Один раз – тогда было как раз полнолуние – Райделл вел «Громилу» по ущелью и вдруг за поворотом увидел обнаженную женщину; она застыла в лучах фар, ну точно как олень, выбежавший из леса на просеку, – дрожит, а с места сдвинуться не может. Словно примерзла. Так вот она и стояла добрую секунду, достаточно долго, чтобы Райделл увидел – а может, ему это просто почудилось, – что у нее на голове то ли серебряные рога, то ли какая-то такая шляпа в виде полумесяца концами вверх, и она вроде бы японка. И вот это-то – что японка – поразило его больше

всего. Затем она увидела Райделла – то есть это он отчетливо увидел, что она его видит, – и улыбнулась. И тут же пропала.

Саблетт же впал в священный ужас и разразился неудержимым, как понос, потоком слов. Он извел недельный запас своей антиаллергической жвачки и все говорил и говорил; фильмы ужасов – все, наверное, какие он видел в жизни, – дико мешались с бредовыми рассказами преподобного Фаллона о ведьмах и колдуньях, о дьяволопоклонниках и могуществе Князя Тьмы, и так оно продолжалось, пока Райделл не озлился вконец и не сказал своему экстатическому компаньону: «Заткни хлебало».

Теперь, когда женщина исчезла, ему хотелось не слушать всякую хренотень, а спокойно подумать. Подумать о том, как она выглядела, что она тут делала, да и о том, кстати, каким это образом она *исчезла*. Не обращая внимания на Саблетта, уныло поникшего на соседнем сиденье, Райделл пытался вспомнить, как же это было: вот она здесь, на шоссе, а потом вдруг ее *нет*. Забавно, он же вроде и помнил все, помнил отчетливо, но только в двух разных вариантах одновременно, тоже заморочка, но совсем иная, чем с Кеннетом Терви, – вот тут в голове не осталось ровно ничего: ни как стрелял, ни что потом, хотя за последующие дни он столько наслушался, как эту историю пережевывают сценаристы и адвокаты, что иногда начинало казаться, что он все-таки видел ее – в версии «Влипших копов» (которая так и не пошла в эфир). Так вот, Райделл помнил, что женщина вроде как спустилась

вниз по склону налево, хотя бежала она при этом или парила в воздухе – этого он сказать не мог. А еще он помнил, как она прыгнула – плохое слово, слабое, тут бы надо было выразиться как-то по-другому, но только как? – прыгнула *вверх* по склону, примыкавшему к дороге справа, каким-то образом перебежала через посеребренные луной деревья, взметнулась вверх на сорок футов с такой же легкостью, как, скажем, на пять, а затем невозможным образом *исчезла*, растворилась в воздухе.

И разве бывают у японок такие вот длинные волнистые волосы? А курчавый, еле различимый в тени кустик – он действительно был подбрит в форме восклицательного знака?

Кончилось все тем, что Райделл завернул в Уилшир, в круглосуточную русскую аптеку, и купил Саблетту в утешение четыре пакета его хитрой жвачки – и страшно поразился, как дорого стоит эта отравка.

Насмотрелся он в каньонах и многого другого, особенно когда выпадала смена от полуночи до шести утра, самая глухая. Чаще всего это были огоньки, совсем маленькие, ничего вроде особенного, только горели они в таких местах, где никаких огоньков не могло быть. Иногда попадались огни поярче, висевшие прямо в небе, но мозги Саблетта были настолько засраны этой ихней, из телевизионного лагеря, хренью про пришельцев и блюдца, что Райделл просто боялся указать техасскому красавчику на эти огни – и никогда не указывал.

Патрулируя каньоны, он часто думал об этой женщине. Он понимал, что не знает, кто она такая или что такое, и никогда не узнает, но это его совсем не волновало; странно сказать, но ему было наплевать даже, человек она или нет. И ему ни разу не пришло в голову, что она какая-нибудь там плохая – просто другая, не такая, как мы, вот и все.

А сегодня, в последнюю ночь своей работы на «Интенсекьюр», Райделл попросту крутил баранку и трепался с Саблеттом. Луны не было, зато на поразительно ясном небе сверкали яркие, как лампочки, звезды. Еще пять минут пути, затем первая за смену проверка дома клиентов и – назад, в Беверли-Хиллз.

Трепались они об этой сети японских гимнастических залов, чья реклама висела на каждом углу, о «Боди Хаммере». «Боди Хаммер» не шибко-то упирал на традиционные физические упражнения, скорее уж, если можно так выразиться, наоборот – там делали деньги на подростках, желающих получить инъекцию бразильской зародышевой ткани, чтобы укрепить свои скелеты «стойким, надежным материалом», так это называлось в рекламе.

Саблетт сказал, что это – дело рук Сатаны.

Райделл сказал, что это – франчайзинговая операция с головной фирмой в Токио.

– Тяжкое убийство нескольких лиц, – сказал «Громила». – Захват заложников, среди которых могут оказаться и малолетние дети клиента. Бенедикт-Каньон. «Интенсекьюр»

санкционирует неограниченное, повторяю: неограниченное применение силы.

Приборная доска полыхнула россыпью разноцветных огней, не хуже древнего игрального автомата.

В результате Райделл так и не успел толком привыкнуть ни к Карен Мендельсон, ни к сиденьям бизнес-класса, ни ко всей остальной роскоши.

Карен жила на хренадцатом этаже Сенчури-Сити-II, то бишь Пузыря, третьего по росту здания во всем Лос-Анджелесском бассейне; по виду Пузырь очень смахивал на сиську, только сиську зеленоватую и полупрозрачную, каких в природе не бывает (и слава богу, что не бывает). Иногда, при нужном освещении, эта штука просматривалась почти насквозь, тогда можно было различить три подпорки, на которых она держалась; подпорки настолько огромные, что в каждую из них свободно влез бы обычный небоскреб. В этой-то треноге и располагались лифты, двигались они, естественно, под углом – к чему Райделл тоже так и не успел привыкнуть.

Сиська имела бронзовый, вроде как покрытый патиной сосок, в котором поместилась бы пара футбольных стадионов; именно здесь и располагалась квартира Карен – вместе с сотнями других, а также теннисным клубом, барами, ресторанами и небольшим моллом, куда пускали за покупками только тех, кто заплатил вступительный взнос и получил би-

лет, а жилье в этом соске было страшно дорогое – и жизнь тоже. Квартира Карен находилась на самом краю, а потому имела огромные, чуть искривленные окна, посаженные в зеленую – та самая патина – стену.

Все здесь было различных оттенков белого, кроме одежды – Карен носила исключительно черное – и чемоданов, тоже черных. А длинные махровые халаты – дома Карен ходила только в них – были цвета вроде как засохшей овсянки.

Карен сказала, что этот стиль называется «агрессивное ретро семидесятых» и что он начинает ее малость утомлять. Райделл подумал, что и немудрено, но говорить ничего не стал, здраво размыслив, что получится не очень вежливо.

Телевидение сняло ему комнату в Западном Голливуде, в отеле, более-менее похожем по виду на нормальный дом, но только Райделл почти туда не заглядывал, жил все время у Карен – пока в Огайо не появился Медведь-Шатун.

Уже начальный эпизод, когда были обнаружены тридцать пять жертв Медведя-Шатуна, почти оборвал карьеру Райделла на непыльном поприще влипшего копа. В довершение всех прочих несчастий первыми на место преступления прибыли сержант Чайна Вальдес и капрал Норма Пирс, самые хорошенькие девушки во всем цинциннатском департаменте полиции («Взглянешь на такую, и прямо как серпом по яйцам», – сказал один из телерепортеров, но никто вокруг даже не улыбнулся; обстоятельства придавали этой шуточке нехорошее, даже зловещее звучание). Счет возрастал с

немыслимой быстротой; вскоре Медведь-Шатун далеко опередил самых знаменитых маньяков прошлого. Затем стало известно, что все его жертвы – дети. Затем сержант Вальдес, не совсем еще оправившаяся от посттравматического шока, зашла в некое сомнительное питейное заведение и прострелила обе коленные чашечки известному педофилу – на удивление тошнотворному типу по кличке Мармелад, никаким боком не причастному к убийствам.

В результате роскошный, без единой металлической детали самолетик уносил Аарона Персли в Цинциннати, Карен нацепила очки и обсуждала ситуацию чуть не с десятком собеседников одновременно, а Райделл сидел на краешке огромной снежно-белой кровати, начиная проникаться идеей, что что-то такое вроде бы изменилось.

– У них есть подозреваемые? – спросил Райделл.

Карен окинула его недоуменным взглядом, словно незнакомый предмет, неведомо как оказавшийся в комнате.

– Подозреваемые? Да они уже сознались.

Райделл поразился, какой старой выглядела она в этот момент. А правда, подумал он, сколько же ей лет? Карен встала и вышла из комнаты.

Вернулась она минут через пять, уже одетая в безупречный черный костюм.

– Собирайся. Ты не можешь здесь больше оставаться.

И ушла. Ушла без поцелуя, без «до свидания», без ничего, ушла – и все.

Райделл встал, включил телевизор и увидел Медведя-Ша-туна, только это оказался не один человек, а трое. Выглядели они так, что и не подумаешь, – серенькие, безобидные, почти симпатичные парни – одним словом, именно так, как и выглядят всегда по телевидению гниды, способные на любые, самые тошнотворные мерзости.

Так вот он и сидел на кровати Карен, в одном из ее махровых халатов, когда на пороге комнаты появились – появились безо всякого там стука или «разрешите войти» – два рентакопа. У них была черная униформа и такие же высокие черные ботинки, в каких совсем еще недавно Райделл патрулировал улицы Ноксвилла, – ну те самые, с дополнительной кевларовой стелькой, на случай если кто-нибудь изловчится выстрелить тебе в пятку.

Один из рентакопов грыз яблоко. Второй помахивал электрошоковой дубинкой.

– Слышь, друг, – сказал первый, – нам приказано выпроводить тебя отсюда.

Рот его был полон недожеванного яблока, и слова звучали не очень разборчиво.

– У меня тоже были такие ботинки, – сообщил Райделл. – Изготовлены в Портленде, Орегон. Двести девяносто девять долларов в мелкооптовом магазине, а в обычном еще дороже.

– Ясненько, – ухмыльнулся второй, который с дубинкой. – Так ты шмотки свои будешь собирать или как?

«Черного и белого не выбирайте», – вспомнилась Райделлу детская игра; он собрал по комнате все предметы, кроме черных и белых, а также серых, цвета засохшей овсянки, и побросал их в синий «самсонит».

Рентакоп с дубинкой наблюдал за его действиями, а второй, с яблоком, слонялся по комнате и дожевывал яблоко.

– На кого, ребята, работаете? – поинтересовался Райделл.

– «Интенсекьюр», – сказал тот, что с дубинкой.

– Хорошая шарага? – спросил Райделл, застегивая сумку.

Дубиноносец пожал плечами.

– Сингапурская, – сообщил второй, заворачивая огрызок яблока в мятую бумажную салфетку, выуженную из кармана брюк. – На нас все большие здания, все общины, установившие себе заборы и охранные системы, ну, в общем, ты понимаешь.

Он аккуратно засунул огрызок в нагрудный карман черной, безукоризненно выглаженной форменной рубашки, в тот самый карман, на котором красовалась бронзовая бляха.

– Деньги на метро есть? – спросил мистер Дубина.

– Конечно, – откликнулся Райделл, вспомнив про свою кредитную карточку.

– Видишь, какой ты богатый, – ухмыльнулся рентакоп. – Обычно у засранцев, которых мы отсюда выпроваживаем, вообще ни гроша за душой.

Карточку Мексикано-американского банка Райделлу обнулили на следующий день.

А ведь не прав Эрнандес насчет английских полицейских броневинов, подумал Райделл, врубая впервые в жизни овердрайв на все три оси. Он ожидал услышать визг проскальзывающих покрышек, однако «Громила» вцепился в мостовую намертво, как пиявка. Трехтонная, с двумя керамическими моторами пиявка.

Саблетт, расхлябанно обвисший на соседнем сиденье, испуганно вскрикнул – автоматически затянувшиеся ремни безопасности вздернули его в вертикальное положение.

Скорость – семьдесят миль в час, впереди – музейной кондиции «бентли». Правый, по обочине, обгон, под колеса «Громилы» летит чахлая, черная от пыли трава. Ужас, застывший в глазах пассажирки «бентли», еще мгновение – и взвыла сирена, вспыхнули мигалки: Саблетт дотянулся наконец до большой красной кнопки.

Прямой участок. И ни одной, абсолютно ни одной машины. Райделл вышел на осевую и до упора вдавил педаль газа, вой спаренных «киоцеров» перешел в пронзительный визг. Странное, даже жутковатое поскуливание Саблетта заставило Райделла на секунду подумать, что техасец не выдержал напряжения, сломался и то ли молится, то ли поет на некоем трейлерлагерном языке, не известном никому, кроме сдуревших последователей преподобного Фаллона.

Нет, ничего подобного. Скосив глаза направо, он увидел, что Саблетт до предела – и как только зеркальные линзы

не сваятся – выпучил глаза на экран, высветивший данные о клиенте, что губы его непрерывно шевелятся, руки же быстро и словно сами по себе заряжают потертый, бог знает сколько хозяев сменивший глок. Длинные белые пальцы двигались ловко и, как бы это сказать, *буднично* – ну, словно намазывая бутерброд или сворачивая газету.

И вот это действительно вызывало ужас.

– «Звезда Смерти»! – крикнул Райделл.

Саблетт не имел права ни на секунду вынимать из уха капсульный приемник; в экстренной ситуации небесный голос – голос настоящих копов, переданный через спутник, – мгновенно заставит замолчать все прочие передачи.

Техасец вставил обойму и повернулся; на его бледном лице играли отсветы разноцветных огоньков приборной доски.

– Вся прислуга убита, – сказал он. – Эти типы загнали троих *детшиек* в *детскую комнату*.

Могло показаться, что Саблетт выражает сдержанное неудовольствие чем-то увиденным по телевизору – ну, скажем, увечной версией хорошего старого фильма, изготовленной для нужд какого-нибудь там местного национально-го рынка.

– И они, Берри, говорят, что убьют их.

– Ну а что там думают долбанные *копы*? – крикнул Райделл. Охваченный бессильной яростью, он колотил по мягкому, в форме восьмерки рулевому колесу.

Саблетт тронул правое ухо пальцем. Казалось, еще секун-

да – и он тоже начнет кричать.

– Молчат. – Ровный, на удивление спокойный голос. – Вырубилась.

Передний бампер «Громилы» снес чей-то антикварный, сороковых годов прошлого века, придорожный почтовый ящик, купленный, надо думать, на Мелроуз-авеню, за бешеные деньги.

– Да какого хрена *вырубилась*, – чуть поспокойнее сказал Райделл. – Не могут эти раздолбаи вырубиться. Они же *полиция*.

Саблетт вытащил капсулу из уха, протянул Райделлу.

– Ничего не слышно, только помехи.

Райделл взглянул на экран и вспомнил игру в дартс. Ярко-зеленый дротик курсора неся по бледно-зеленой горной дороге, неумолимо приближался к мишени – девственно-белому кружку размером с обручальное кольцо. В правом окошке высвечивались жизненные показатели трех детей клиента. Пульс учащенный, у всех. В нижнем окошке – телевизионный, снятый в инфракрасных лучах кадр. Главные ворота. Похоже, что крепкие. Целенькие и, если судить по телеметрии, запертые. Охранная система тоже в порядке.

Вот тогда-то, наверное, он и решил идти на прорыв.

Через неделю, когда пена сошла и события немного прояснились, Эрнандес проявлял даже нечто вроде сочувствия. Конечно же, такая накладка, да еще в его собственную сме-

ну, не доставляла начальнику особой радости, однако он честно признал, что не может – если учесть все обстоятельства – винить Райделла особенно строго.

Прискорбное происшествие тщательно скрывалось от журналистов. Для этого, а также для того, чтобы полюбовно договориться с клиентами, с Шонбруннами, из сингапурского головного отделения «Интенсекьюра» спешно прилетела чуть не целая дивизия экспертов – так, во всяком случае, слышал Райделл. Он не имел ни малейшего представления об окончательных условиях этой договоренности, не имел, да и не хотел иметь: телевизионную программу «Рентакопы влипли» никто еще пока не придумал, а одни только шонбрунновские ворота стоили побольше его полугодовой зарплаты.

Ворота «Интенсекьюр» починит без труда, хотя бы уж потому, что он их и ставил. Мощные, кстати, ворота: японский пластик, армированный углеродным волокном, термоустановка в бетонных опорах; вся эта мутотень чуть не на чисто соскребла с морды «Громилы» нежно лелеемый «свежий мед».

Далее – ущерб, нанесенный дому, по большей части окнам (сквозь которые «Громила» проехал) и мебели (по которой он проехал).

– Ну и, – закончил Эрнандес, – придется подкинуть Шонбруннам что-нибудь сверху. За эмоциональные страдания, – пояснил он, вытаскивая из-за стола большой железный тер-

мос и наливая Райделлу чашку мерзкого, перестоявшего кофе. На термосе была оптимистичная наклейка: «Я НЕ О'КЕЙ, ТЫ НЕ О'КЕЙ – ПЕЙ, ВОТ И БУДЕТ О'КЕЙ».

Время близилось к десяти утра, обсуждаемые события покryлись уже двухнедельной плесенью, а лицо их главного героя – пятидневной то ли бородой, то ли, тут вопрос спорный, щетиной. На Райделле были мешковатые оранжевые, сильно выгоревшие шорты, ветхая футболка с надписью: «НОКС-ВИЛСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ», начинавшая уже расползаться на плечах, черные ботинки, оставшиеся от интенсекьюровской формы, и прозрачная надувная хирургическая шина на левой руке.

– Эмоциональные страдания, – повторил Райделл.

Эрнандес, чуть ли не такой же широкий, как его стол, передал Райделлу чашку.

– Легко ты отделался, больше тут и не скажешь. Прушник.

– Вылетел с работы, рука сломана – и это ты называешь «прушник»?

– Нет, точно, – кивнул головой Эрнандес. – Тебя же могли там замочить. Ребята из ДПЛА, они же тебя чуть не уложили. Да и потом, мистер и миссис Шонбрунн повели себя на удивление сдержанно, особенно если учесть расстройство миссис Шонбрунн и все прочее. Рука – ну да, рука, жаль, конечно... – Он пожал непомерно огромными плечами. – Да и к тому же никто тебя и не увольнял, ведь так? Мы только сняли тебя с патрулирования. Если хочешь на стационарную

охрану – пожалуйста, никаких проблем.

– Нет, спасибо.

– Магазины, склады? Будешь работать в ночь. Ну, скажем, «Энсино Фэшн молл».

– Нет.

– Бабу-то видел, которая там работает? – прищурился Эрнандес.

– Не-а.

– Слушай, – вздохнул Эрнандес, – а как там со всем этим говном, которое вываливают на тебя в Нэшвилле?

– В Ноксвилле. Департамент потребовал полного отстранения от должности с полным запретом на работу в правоохранительных органах. Проникновение в частную квартиру без санкции и без поддержки.

– А что эта сучка, которая таскает тебя по судам?

– Их со старшим сыночком повинтили в Джонсон-Сити за вооруженное ограбление магазина, это последнее, что я слышал...

Райделл тоже пожал плечами – и сморщился от боли.

– Ну вот, – расплылся в улыбке Эрнандес. – Я же говорю – прушник.

Проламывая «Громилой» шонбрунновские бронированные ворота, Райделл испытал мгновенное ощущение чего-то очень высокого, очень чистого, клинически пустого – деланье, лишённое всякого думанья, бредовое адреналиновое

возбуждение с утратой всех прочих аспектов своего «я».

И в это время – когда он боролся с рулем, прорываясь через японский сад камней, когда пробивал тугое бронестекло, рассыпавшееся со второго удара, и осколки падали медленно, как во сне, – в это время он вспомнил, что примерно то же самое ощущал и тогда, выхватывая револьвер, нажимая курок, выплескивая мозги Кеннета Терви на бесконечный, как звездное небо, простор белой, загрунтованной под краску стены, которую так никто никогда и не покрасил.

Райделл поехал в «Кедры» навестить Саблетта.

«Интенсекьюр» расщедрился на отдельную палату – чтобы держать его подальше от лезущих в каждую щель журналистов. Техасец полусидел на кровати, уставившись в жидкокристаллический экран маленького CD-плеера, и жевал резинку.

– «Воины двадцать первого века», – сказал он вошедшему Райделлу. – Джеймс Уэйнрайт, Энни Макэнроу, Майкл Бек.

– И когда же это его сняли? – ухмыльнулся Райделл.

– Тыща девятьсот восемьдесят второй. – Саблетт приглушил звук и оторвал глаза от экрана. – Только я его уже пару раз смотрел.

– А вот я только что из конторы, говорил с Эрнандесом. Говорит, чтобы ты не беспокоился за свою работу.

В пустых серебряных глазах – нечто похожее на озабоченность.

– Свою – а как насчет твоей, Берри?

Обтянутая пузырем рука нестерпимо чесалась. Райделл нагнулся, выудил из мусорной корзины, стоявшей у изголовья кровати, пластиковую питьевую соломинку, запустил ее под шину и начал крутить. Помогло, хотя и не слишком.

– Я для них – история, далекое прошлое. За руль меня больше не пустят.

– Не нужно было брать *использованную*, – огорчился Саблетт. – В больнице это запрещено.

– Да уж ты-то, Саблетт, какой же ты заразный? Ты, может, самый чистый, стерильный раздолбай ныне живущего поколения.

– Так что же ты будешь делать? Есть-то тебе надо.

– Пока не знаю. – Райделл уронил соломинку в корзинку, по принадлежности. – Я только знаю, что не буду сторожить ничьи дома и не буду сторожить никакие там моллы.

– А что там с этими хакерами? Ты как думаешь, сумеют их накрыть – тех, что нас подставили?

– Хрен там сумеют. Слишком уж их много. Держава Желаний резвится уже очень давно. У федералов есть список из трех сотен подозреваемых, но они не имеют возможности загresti их всех, потряхуть и выяснить, кто в чем виноват. Слава еще богу, что эти пидоры любят стучать друг на друга, иначе никого бы из них в жизни не повинтили.

– Но мы-то им зачем? Чего они нас-то кинули?

– Спроси чего попроще.

– *Гадить* они любят, вот, наверное, и все, – решил Саблетт.

– Любят, это уж точно. А еще Эрнандес говорит, что, по мнению ДПЛА, кто-то там хотел, чтобы *миссис* Шонбрунн накрыли с голой жопой.

Ни Саблетт, ни Райделл не видели упомянутую жопу, так как *миссис* Шонбрунн находилась в детской. Детей в детской не было, они улетели с папочкой в штат Вашингтон, чтобы полюбоваться с воздуха на три новорожденных вулкана.

Ничто появившееся на экранах «Громилы» после автомойки не соответствовало действительности. Кто-то залез в бортовой компьютер «Лихого гусара» и ввел в коммуникационный блок здоровый пакет умело сфабрикованных – и абсолютно липовых – данных, заодно отрезав Райделла и Саблетта от «Интенсекьюра» и даже от «Звезды Смерти» (которая, конечно же, и не думала вырубаться). Райделл сильно подозревал, что монгольские ребята из автомойки – ну, если не все, то двое-трое из них – могли бы рассказать эту историю со значительно большими подробностями.

И может быть, в эти мгновения ослепительной ясности, когда изуродованный, с помятой мордой «Громила» все еще пытался взобраться на раздолбанные в капусту останки двух больших кожаных диванов, когда пробудились наконец воспоминания о смерти Кеннета Терви, в эти мгновения Райделл понял, понял с той же ослепительной ясностью, что

вряд ли стоит всегда и во всем доверяться самозабвенному, чистому в своем бешенстве порыву: «Вперед – и ни о чем не думай».

– Слышь, – Саблетт говорил тихо и недоуменно, словно сам с собой, – они же *убьют* этих *детшек*.

С этими словами он отщелкнул ремни безопасности и выскочил наружу, с глоком на изготовку, а Райделл не успел еще даже пошевелиться. Где-то на полпути Райделл вспомнил про сирену и мигалки и велел Саблетту их выключить, но уж теперь-то каждый находящийся в доме знал, что отважные интенсекьюровцы прибыли на место происшествия.

– Работаю, – сказал Райделл, и даже вроде не говорил, а услышал свой голос, пришлепывая на бедро кобуру с глоком и хватаясь за чанкер – самое, пожалуй, подходящее оружие для перестрелки в помещении, где содержат детей, вот только скорострельность у него, заразы, больно уж могучая.

Он пинком распахнул дверцу и вывалился прямо на кофейный столик, кованные ботинки с мелодичным звоном прошли сквозь дюймовой толщины стекло (двенадцать швов, но это ерунда, порезы). Саблетт куда-то исчез. Райделл пошел вглубь комнаты, к двери, выставив перед собой желтый неуклюжий чанкер, и понемногу осознал, что с левой рукой что-то вроде не так.

– *Замри, заеба*, – сказал самый громкий в мире голос. – ДПЛА! Бросай свою желтую говешку, а то, на хрен, замочим!

Плечью хлестнул луч резкого, мучительно яркого света. Райделлу показалось, что в глаза ему льется расплавленный металл.

– *Ты слышишь, заеба?*

Райделл повернулся, прикрывая глаза рукой, и увидел раздутое бронированное брюхо садящегося вертолета. Поток от винта прижимал к земле то небольшое, что осталось от японского садика после броска «Громилы».

Райделл уронил чанкер на пол.

– *И пистолет, мудила!*

Райделл взялся двумя пальцами за рукоятку гlockа и оторвал его от бедра вместе с кобурой. Скрипнула липучка, было непонятно, как такой тихий звук сумел прорваться сквозь рев боевой машины.

Он уронил гlock и поднял руки. *Руку*, вторая была сломана.

Саблетта нашли футах в пятнадцати от «Громилы». Лицо и руки тхасца раздулись, как розовые воздушные шарики, он задышался. Босниец, работавший у Шонбруннов дворецким, смывал недавно с маленького дубового столика детские каракули каким-то средством, содержащим ксилол и четыреххлористый углерод.

– А хрен ли это с ним? – удивился один из копов.

– Аллергия, – с трудом выговорил Райделл. Полицейские надели ему наручники, да к тому же не спереди, а за спиной, боль была страшная. – Нужна «скорая».

Саблетт открыл глаза. *Попытался* открыть.

– Берри...

И тут Райделл вспомнил название того фильма, который он смотрел, но не досмотрел.

– «Чудесная миля».

– Никогда не видел, – сказал Саблетт и вырубился.

В этот день миссис Шонбрунн развлекала своего ландшафтного садовника, поляка. Копы нашли ее в детской. Взбешенная и беспомощная, она была засупонена более чем пикантным образом с применением английского латекса, северокалифорнийской кожи, а также антикварных наручников фирмы «Смит и Вессон», любовно отшлифованных и покрытых черной хромировкой, – неслабая упряжь, тысячи на две, а то и на три. Ну а садовник – садовник, судя по всему, услышал, как Райделл паркует «Громилу» в гостиной, и тут же дернул в горы.

Нехорошая вечеринка

Шеветта никогда не воровала – во всяком случае, у людей и уж точно не при разноске. И если в плохой, надолго запомнившийся понедельник она прихватила у этого засранца очки, так он просто ей не понравился.

А было это так: она стояла на девятом этаже, у окна, и просто смотрела вверх серых пустых скорлупок, бывших когда-то роскошными магазинами, на мост, и тут он как раз и подошел сзади. Она почти уже нашла комнату Скиннера – там, высоко, среди ржавых тросов – и вдруг почувствовала на своей голой спине кончик пальца. Он тронул ее за спину, залез и под Скиннерову куртку, и под футболку.

Она всегда ходила в этой куртке, вроде как в доспехах. Дураку понятно, что, когда на байке, да еще в такое время года, нужно носить нанопору и только нанопору, но она все равно предпочитала старую Скиннерову куртку из жесткой лошадиной, что ли, кожи и намертво прицепила к ее лацканам значки с полосатым кодом «Объединенной». Шеветта крутнулась, чтобы сбросить этот палец, дать нахалюге по грабкам, цепочки ее зипперов тоже крутнулись и звякнули.

Налитые кровью глаза. Морда – ну сейчас расплывется в кисель. В зубах – короткая зеленоватая сигарка, только не зажженная. Он вынул сигарку, поболтал мокрым концом в

небольшом стакане прозрачной, как вода, жидкости, сунул в рот и жадно к ней присосался. И лыбится при этом от уха до уха, как только репа пополам не треснет. Словно знает, что она тут не на месте, что не полагается ей быть ни на пьянке такой, ни вообще в старом крутом отеле на Гири.

Это была последняя на сегодня разноска, пакет для юриста, и мусорные костры Тендерлойна⁸ горели совсем близко, а вокруг них, скрючившись на корточках, все эти безжизненно-тусклые, безвозвратно, химически погибшие лица, освещенные призрачными вспышками крошечных стеклянных трубок. Глаза, завернутые жутким, быстро улетающим кайфом. Мурашки по коже, посмотришь на таких вот – и мурашки по коже.

Она поставила велосипед на гулкую подземную стоянку «Морриси», заперла его, насторожила и поднялась служебным лифтом в холл, где охранные хмыри попытались освободить ее от груза, но хрен там. Она отказалась отдавать пакет кому бы то ни было, кроме вполне конкретного мистера Гарро из восьмьсот восьмого, как указано в сопроводилке. Тогда они проверили сканером полосатый код «Объединенного» значка, просветили пакет рентгеном, прогнали ее через металлодетектор и наконец пустили в лифт, обвешанный розовыми зеркалами и отделанный бронзой что твой банков-

---

⁸ *Тендерлойн* (от *англ.* tenderloin – филе) – район Нью-Йорка, известный преступностью; название происходит от того, что полиция может здесь очень хорошо кормиться на взятках. Позднее так же стали называть аналогичные кварталы других американских городов.

ский сейф.

Ну и – вверх, на восьмой, в коридор, где стояла такая ватная тишина, словно он и не настоящий вовсе, а только при-
снился. Рубашка на мистере Гарро была белая, а галстук –
цвета свинца, расплавленного и едва начинающего твердеть.
Он взял пакет, расписался в сопроводилровке и закрыл перед
ее лицом дверь с тремя бронзовыми цифрами – так ни разу в
это лицо и не посмотрев. Шеветта проверила свою прическу,
смотрясь в зеркально отполированный курсивный нуль. Сза-
ди все о'кей, хвост торчит как надо, а вот спереди – спереди
не очень. Перья слишком уж длинные. Клочкастые. Она дви-
нулась назад, позванивая прибабасами Скиннеровой курт-
ки, новенькие штурмовые ботинки глубоко утопали в свеже-
пропылесосенном ковре цвета влажной терракоты.

А когда открылась дверь лифта, оттуда выпала эта япон-
ская девица. Почти выпала. Шеветта ухватила ее под мышки
и прислонила к косяку.

– Где тут вечеринка?

– И кто же это позвал *тебя* такую? – поинтересовалась
Шеветта.

– Девятый этаж! *Крупная* пьянка!

Зрачки у девицы были огромные, во весь глаз, челка бле-
стела, как пластиковая.

Вот так вот и вышло, что стояла теперь Шеветта с настоя-
щим стеклянным бокалом настоящего французского вина в
одной руке и самым крохотным бутербродом изо всех, встре-

чавшихся ей на жизненном пути, в другой, стояла и думала, скоро ли гостиничный компьютер сообразит, что слишком уж долго она здесь задерживается. Здесь-то, конечно, искать ее не станут, кто-то выложил очень и очень хорошие деньги, чтобы спокойно и без помех оттянуться, это ж и дураку понятно.

Весьма интимная вечеринка, никто и ничего не боится, решила Шеветта, глядя в распахнутые двери ванной, где голубое трепещущее пламя мощной, как паяльная лампа, зажигалки высвечивало плавные обводы дутого стеклянного дельфина и лица людей, куривших через него – через *кальян* – опиум.

И не одна комната, а уйма, все связанные друг с другом, и людей тоже уйма, все больше мужчины в пиджаках на четырех пуговицах, в крахмальных рубашках с высокими, наглухо застегнутыми воротничками, а вместо галстуков – маленькие булавки с камнями. Платья, какие на женщинах, Шеветта видела прежде только в журналах. Богатенькие люди, точно, богатенькие и иностранцы, не наши. А может, богатые – они все не наши, а иностранцы?

Она доволокла японскую девушку до длинного зеленого дивана и придала ей горизонтальное положение. Девушка сразу засопела в две дырки – пусть полежит, теперь-то она в полной безопасности, разве что кто-нибудь не заметит и сядет.

Присмотревшись получше, Шеветта обнаружила, что она здесь не одна такая, не по общей форме одетая. Вот для на-

чала парень в ванной с этим здоровым желтым «Биком», но он – случай особый. И еще – пара вполне очевидных тендер-лоинских девушек, возможно их затащили сюда для местного колорита, что бы это словосочетание ни означало.

А теперь тут еще этот засранец, лыбится своей противной пьяной рожей. Шеветта положила руку на складной нож – тоже, как и куртка, позаимствованный у Скиннера. У ножика этого была выемка в лезвии, под большой палец, чтобы можно открыть одной рукой. Керамическое лезвие в три дюйма длиной, широкое, как столовая ложка, и жутко зазубренное. *Фрактальный* нож, как выражается Скиннер, режущий край вдвое длиннее лезвия.

– Вы, я вижу, не очень веселитесь, – сказал этот тип. Европейец, но откуда – не понять. Не француз. И не немец.

Кожаная куртка, но совсем не такая, как у Скиннера, табачного цвета и сделана из шкуры какого-то невероятно тонкокожего животного; можно подумать, что и не кожа это совсем, а плотный, тяжелый шелк. Шеветта вспомнила запах скиннеровской комнаты, запах пожелтевших журналов, некоторые из них такие старые, что картинки даже не цветные, а разных оттенков серого; вот такой же серый, без красок, бывает иногда город, если смотреть с моста.

– Все было прекрасно, пока *ты* не появился, – сказала Шеветта, решив про себя, что пора и сматывать – от этого мужика жди неприятностей.

– Скажи мне, пожалуйста, – не отставал тип, внимательно

оглядывая ее куртку, и футболку, и ездовые брюки, – какие *услуги* ты предлагаешь?

– Что-то я ни хрена тебя не понимаю.

– Абсолютно очевидно, – говорит засранец, указывая в противоположный угол комнаты на тендерлойнских девушек, – что ты имеешь предложить нечто значительно более *интригующее*, – слово перекачивается у него во рту, как камешек, – чем эти особы.

– Шел бы ты в жопу, – говорит Шеветта. – Я рассыльная.

Засранец молчит и смотрит как-то странно, словно что-то до его пьяных мозгов понемногу доходит. Потом он закидывает голову и хохочет – можно подумать, Шеветта рассказала самый смешной в мире анекдот. Перед ней пляшут очень белые, очень качественные и, конечно же, очень дорогие зубы. У богатых, говорил Скиннер, никогда не бывает во рту никакого железа.

– Я что, смешное что сказала?

Засранец вытирает выступившие слезы.

– Да у нас же с тобой много общего.

– Сомневаюсь.

– Я тоже рассыльный, – заявляет он; только какой же из такого хилака рассыльный, думает Шеветта.

– Курьер, – говорит он таким голосом, словно сам себе это напоминает.

– Ну и двигай ногами, – говорит Шеветта, обходя его, и в тот же момент гаснет свет и врубается музыка, и она по пер-

вым же аккордам узнает, что это «Крутой Коран», последний ихний хит «Подружка Господа Всевышнего». Шеветта торчит на «Крутом Коране» как ни на чем и всегда врубает их, когда на байке и нужно гнать побыстрее, и сейчас она двигается под музыку, и все вокруг тоже танцуют, и даже эти, подкуренные, в ванной, – тоже.

Избавившись от засранца – или, во всяком случае, временно о нем забыв, – она замечает, насколько лучше выглядят эти люди, когда не слоняются просто так, а пляшут. Напротив нее оказывается девушка в кожаной юбке и коротких черных сапогах с побрякивающими серебряными шпорами. Шеветта улыбается, девушка тоже улыбается.

– Ты из города? – спрашивает девушка, когда музыка смолкает.

Это она в каком же смысле? – думает Шеветта. В смысле, что я работаю на мэрию? Теперь, когда девушка – вернее будет сказать: женщина – не танцует, она выглядит заметно старше, ей, наверное, лет под тридцать и уж всяко больше, чем самой Шеветте. Симпатичная, и не так, как это бывает, когда вся красота из косметички выужена, – темные большие глаза, темные, коротко подстриженные волосы.

– Из Сан-Франциско?

Шеветта кивает.

Следующая мелодия постарше ее самой – это вроде бы тот черный парень, который переделался в белого, а потом его лицо сморщилось и облезло. Она ищет свой бокал, но разве

тут найдешь, они все одинаковые. Японская куколка уже очнулась и лихо отплясывает, ее глаза безразлично скользнули по Шеветте, не узнаёт.

– В Сан-Франциско Коди всегда умеет найти все, что ему нужно, – говорит женщина; в ее голосе какая-то беспросветная усталость, а еще как-то так чувствуется, что все происходящее кажется ей очень забавным. Немка. Да, точно, немецкий акцент.

– Кто?

– Наш гостеприимный хозяин.

Женщина чуть приподнимает брови, но улыбается все так же широко и непринужденно.

– Я тут, в общем-то, случайно зашла...

– Если бы я могла сказать такое про себя! – смеется женщина.

– А что?

– Тогда бы я могла выйти.

– А тебе что, здесь не нравится?

Вблизи чувствовался ее дорогой запах. А как же, наверное, от меня-то воняет, забеспокоилась Шеветта. После целого дня верхом – и ни разу в душе. Но женщина взяла ее под локоть и отвела в сторону.

– Так ты *не знаешь* Коди?

– Нет.

Шеветта снова заметила того пьяного, засранца значит, в соседней комнате, где свет все еще горел. Засранец смотрел

прямо на нее.

– И мне, наверное, лучше уйти? Я пойду. О'кей?

– Да нет, ты что придумала, оставайся. Просто я завидую, что у тебя есть выбор.

– Ты немка?

– Падуанка⁹.

Это вроде бы часть того, что было когда-то Италией. Северная вроде бы часть.

– А кто такой этот Коди?

– Коди *любит* вечеринки. Коди любит *эту* вечеринку. Она продолжается уже несколько *лет*. Если не здесь, то в Лондоне, Праге, Макао...

Сквозь толпу движется парень с бокалами на подносе. Он не смотрит ни на Шеветту, ни на никого – из гостиничного, наверное, персонала. Крахмальная рубашка парня утратила все свое великолепие – смята, расстегнута до пупа, выбилась из брюк и болтается сзади, и теперь видно, что сквозь левый его сосок пропущена стальная такая хреновинка вроде маленькой гантели. А крахмальный воротничок, тоже, конечно, расстегнутый, торчит за затылком на манер соскользнувшего нимба. Женщина берет с подноса бокал белого вина и смотрит на Шеветту. Шеветта мотает головой. Кроме бока-

---

⁹ *Падуания* (или Падания) существует уже в наше время. Это – самопровозглашенная республика, состоящая из северных районов Италии. Падуания имеет гимн, герб, знамя и даже выборный парламент. Центральное правительство Италии не обращает внимания на падуанских сепаратистов, все их государственные учреждения не имеют никакой реальной власти.

лов, на подносе есть еще белое блюдо с колесами и вроде бы с закрутками «плясуна».

Парень подмигнул Шеветте и потащил свой арсенал дальше.

– Тебе все это странно?

Женщина выпивает вино и бросает пустой бокал через плечо. Шеветта слышит звон бьющегося стекла.

– А?

– Коди с его вечеринкой.

– Да. Пожалуй. То есть я случайно зашла и...

– Где ты живешь?

– На мосту.

Шеветта ждет реакции.

Женщина улыбается:

– Правда? Он выглядит так... таинственно. Я хотела бы туда сходить, но экскурсий таких нет, и, говорят, там опасно...

– Ничего там опасного, – говорит Шеветта. – Только... – добавляет она после секундного колебания, – не одевайся... ну, вот так – вот и все. И там совсем не *опасно*, здесь вот, в окрестностях, и то гораздо хуже. – (Перед глазами – эти, во-круг мусорных костерков.) – На Остров Сокровищ, вот туда не надо. И не пытайся дойти до конца, до самого Окленда, держись подвесной части.

– А тебе это нравится, жить там?

– Еще как. Я бы нигде больше не хотела.

– Счастливая ты, – улыбается женщина. – Точно.

– Ну ладно. – Шеветта чувствует себя как-то неловко. –
Надо мне идти.

– Меня звать Мария...

– Шеветта.

Шеветта пожимает протянутую руку. Имя – почти как ее собственное: Шеветта-Мари.

– Пока, Шеветта.

– Ну, всего тебе хорошего.

– Ничего тут хорошего нет.

Шеветта расправляет плечи, кивает Марии и начинает проталкиваться через толпу, уплотнившуюся за это время на пару порядков, – знакомые этого Коди все подходят и подходят. Много японцев, все они в очень строгих костюмах, на ихних женах, или секретаршах, или кто они уж там есть, жемчуга. Но все это ничуть не мешает им врубаться в атмосферу. Шум в комнате нарастает. Публика быстро косеет или там балдеет, кто что, Шеветта хочет убраться отсюда как можно скорее.

У двери в ванную, где эти подкуренные, только теперь дверь закрыта, она застревает. Куча французов, они говорят по-французски, смеются, размахивают руками, а в ванной – Шеветта отлично это слышит – кого-то рвет.

– Дай-ка пройти, – говорит она седоватому, коротко стриженному французу и проталкивается мимо него. Вино из бокала француза плещет вверх, прямо ему на бабочку, он

что-то говорит по-французски, но Шеветта не обращивается.

У Шеветты самый настоящий приступ клаустрофобии, вроде как бывает у нее иногда в конторах, когда приходится ждать, пока принесут отправляемый пакет, и она смотрит, как конторские шныряют туда-сюда, туда-сюда, и не понимает, они это по делу или просто шныряют туда-сюда. А может, это от вина: Шеветта пьет редко и мало, и сейчас она чувствует вкус не вкус, но что-то такое неприятное в горле.

И тут вдруг она видит этого своего европейца сраного, со все той же нераскуренной сигарой, его вспотевшая харя нависла над туповатым, чуть обеспокоенным лицом одной из тендерлойнских девушек. Он зажал ее в угол. И в этом месте, совсем рядом с дверью, коридором и свободой, такая толчея, что Шеветту на мгновение притискивают к его спине, а он ее и не замечает, продолжает себе засирать девице мозги, только шарахнул локтем назад, прямо Шеветте под ребра, чтобы, значит, место освободила, а так – не замечает.

А из кармана табачной этой кожаной куртки что-то торчит.

А потом это «что-то» не торчит уже ни из какого кармана, а лежит в руке Шеветты, и она запихивает это за брючный ремень и выскакивает в коридор, а засранец так ничего и не заметил.

Здесь, в коридоре, шум уменьшается сразу наполовину, а по мере того, как Шеветта приближается к лифту, он стано-

вится еще слабее, почти исчезает. Ей хочется бежать. И смеяться тоже хочется, а еще ее охватывает страх.

Иди спокойно, не торопясь.

Мимо горы подносов, грязных стаканов, тарелок.

Помни об охранных хмырях внизу, в холле.

И эта штука, заткнутая за пояс.

В конце коридора, но не этого, а поперечного она видит широко распахнутую дверь служебного лифта. В лифте – центральноазиатского вида парень со стальной тележкой, нагруженной плоскими прямоугольными хреновинами. Телевизоры, вот это что. Он внимательно оглядывает проскользнувшую в кабину Шеветту. У него выпирающие скулы, блестящие, с тяжелыми веками глаза, волосы подбриты и собраны в узкий, почти вертикальный пучок – любимая у этих ребят прическа. На груди чистой серой рубахи – значок «секьюрити», через шею переброшен красный нейлоновый шнурок, на шнурке висит виртуфакс.

– Подвал, – говорит Шеветта.

Факс негромко гудит. Парень поднимает его, нажимает на кнопку, смотрит в глазок. Эта, что за поясом, штука становится огромной, как... как что? Шеветта не находит сравнения. Парень опускает факс, подмигивает Шеветте и нажимает кнопку П-6. Двери с грохотом захлопываются, Шеветта закрывает глаза.

Она прислоняется спиной к мягкой амортизирующей стенке и страстно желает быть сейчас не здесь, а в Скиннеро-

вой конуре, слушать, как скрипят тросы. Пол там из брусьев два дюйма на четыре, поставленных на ребро, а по самой середине из пола высовывается верхняя часть каната – конура, она не подвешена, а прямо сидит на канате, как на насесте. В нем, в канате этом, говорит Скиннер, семнадцать тысяч четыреста шестьдесят четыре жилы, стальные, в карандаш толщиной каждая. Если прижать к нему ухо, можно услышать, как мост поет, не всегда, но при подходящем ветре – можно.

Лифт останавливается на четвертом. И зря – дверь открывается, а никто не входит. Шеветте очень хочется нажать кнопку П-6, но она себя сдерживает, пусть этот, с факсом, сам. Нажал наконец-то.

П-6 – это не стоянка, куда ей так страстно хочется, а лабиринт древних, столетних наверное, бетонных туннелей, пол здесь покрыт растрескавшимся асфальтом, по потолкам тянутся толстые железные трубы. Пока парень возится со своей телегой, Шеветта выскальзывает наружу. Громадные, войти внутрь можно, холодильники, дверцы закрыты на всякие замки. Полсотни пылесосов, подзаряжающихся в нумерованных гнездах. Рулоны ковров, наваленные как бревна. Люди кто в робе, кто в белом поварском халате; Шеветта изо всех сил старается выглядеть как рассыльная – а кто же она еще, если не рассыльная, пусть думают, что она здесь по делу, на доставке.

Она находит узкую лестницу, поднимается. Воздух горячий и стоялый. Мертвый воздух. Сенсоры услужливо вклю-

чают перед ней свет на каждом новом пролете. А сзади – выключают, но Шеветта этого не видит, не оборачивается. Она чувствует огромную тяжесть, словно все это древнее здание навалилось ей на плечи.

П-2, и вот он, ее байк, за щербатым бетонным столбом.

– *Отойди*, – говорит ей байк, когда Шеветта подходит к нему на пять футов. Не орет во весь голос, как автомобиль, но говорит оч-чень серьезно.

Строгая геометрия углеволоконной рамы, проглядывающая через имитированную ржавчину, и серебристые ленточные проводники вызывают у Шеветты обычную, почти сексуальную дрожь. Она просовывает руку в опознающую петлю.

А потом – все вроде одновременно – сдавленный щелчок снятых тормозов, Шеветта прыгает в седло и – вперед.

По раскаленному, в масляных пятнах пандусу, вверх и наружу, и этот вес свалился наконец с плеч, и никогда еще не была она такой легкой и счастливой.

Проблема трудоустройства

Райделлов сосед по комнате, Кевин Тарковский, работавший в виндсерфинговом магазинчике «Раздвинь пошире ноги», носил в ноздре косточку.

В понедельник утром, узнав, что Райделл не работает больше на «Интенсекьюр», Кевин предложил подыскать ему какое-нибудь место в торговле, по линии пляжной субкультуры.

– Сложен ты, в общем-то, прилично, – сказал он, оглядывая голую грудь и плечи Райделла. На Райделле все еще были те самые оранжевые шорты, в которых он ходил к Эрнандесу. Шорты принадлежали Кевину. Надувная шина, спущенная и скомканная, успела уже отправиться в пятигаллонное пластиковое ведро из-под краски, заменявшее им мусорную корзинку. Кевин украсил ведро большой самоклеящейся ромашкой. – Стоит, конечно, качать мышцу малость порегулярнее. И наколки бы тоже не помешали. Племенной обычай.

– Кевин, я ровно ничего не понимаю ни в серфинге, ни в виндсерфинге, ни в ничем. Я и в море-то, считай, не бывал. Пару раз в заливе Тампа – вот и все.

Время шло уже к десяти. У Кевина был выходной.

– Понимаешь, Берри, главное в нашей торговле – давать

живое соприкосновение. Клиенту нужна информация – ты даешь информацию. Но заодно ты даешь ему *живое соприкосновение*. – Для иллюстрации Кевин постучал по двухдюймовой веретенообразной косточке. – И он покупает у тебя комплект.

– Да у меня и загара нет.

Глядя на Кевина, Райделл часто вспоминал коричневые мокасины, подаренные ему тетей на пятнадцать лет, – ну точно такая же кожа, что по цвету, что по текстуре. И ни при чем тут хромосомы, ни при чем ультрафиолет, вся эта роскошь получена и поддерживается уколами, таблетками и специальными лосьонами.

– Да, – согласился Кевин. – Загар – загар тебе потребуется.

Райделл знал, что Кевин не серфует и никогда не серфовал, зато он регулярно приносит из своего магазина диски и проигрывает их на гляделку, совершая одновременно полагающиеся телодвижения, а потому может предоставить клиенту любую информацию в наилучшем виде. Ну и конечно же, *живое соприкосновение*. Дубленая кожа, накачанные в зале мышцы и эта самая кость в носу привлекали к Кевину много внимания, особенно со стороны женского пола, другой бы на его месте истаскался по бабам, а этот вроде воспринимает все спокойно.

Основным в магазинчике товаром была одежда. Дорогая, которая, считается, защищает и от ультрафиолета, и от всякой дряни в воде. На нижних полках стенного шкафа стоя-

ли две картонки, битком набитые этим барахлом; Райделлу, оставившему в Ноксвилле почти весь свой гардероб, позволялось копаться в коробках и брать оттуда все, что угодно. Выбор был не ахти – виндсерфинговые модельеры тяготели к люминесцентным тканям, черной нанопоре и зеркальной пленке. Некоторые костюмы, прикольные, имели чувствительную к ультрафиолету надпись: «РАЗДВИНЬ ПОШИРЕ НОГИ». Стоило озоновому слою скинуть посильнее обычного, как невидимая при нормальных условиях надпись начинала полыхать ярким оранжевым светом – в чем Райделл убедился во время вчерашнего похода на овощной рынок.

Они с Кевином занимали одну из двух спален маленького, в шестидесятых еще годах построенного домика. Располагался этот домик на Мар Виста; говоря нормальным языком, это значит «Вид на море», только никакого вида здесь не было, и моря – тоже. Кто-то когда-то разгородил спальню пополам листами сухой штукатурки. С Райделловой стороны перегородка была сплошь залеплена такими же, как на ведре, самоклеящимися ромашками и сувенирными стикерами из местечек вроде Мэджик Маунтин, Ниссан Каунти, Диснейленд и Скайуокер-парк. В доме было еще двое постояльцев – трое, если считать и китайскую девушку, но она жила малость на отшибе, в гараже, и ванная у нее тоже была там, отдельная.

Большую часть первой своей интенсекьюровской зарплаты Райделл истратил на надувной диван. Купил он его на

рынке, в ларьке; там диваны были дешевле, к тому же ларек назывался «Надуйте нас» – смешно. Надувальная продавщица рассказала Райделлу, что надо в метро сунуть дежурному по платформе двадцатку и тогда он пустит тебя в вагон со свернутым диваном. Диван был запакован в зеленый пластиковый мешок, вроде тех, которые для трупов.

Позднее, когда на руке у Райделла была эта самая шина, он провел на диване уйму времени – просто лежал и смотрел на стикеры. И думал: а вот тот парень, который их сюда прилепил, он и вправду бывал во всех этих местах? Эрнандес как-то предлагал Райделлу работу в Ниссан Каунти, у «Интенсекьюра» была лицензия на эту зону. А Диснейленд – там провели свой медовый месяц родители. Скайуокер-парк – это в Сан-Франциско, раньше он назывался Голден-гейт. Райделл видел когда-то по телевизору, как его приватизировали – мордобой был, но небольшой.

– А ты пробовал какое-нибудь бюро по трудоустройству? Райделл помотал головой.

– Этот звонок за мой счет, – сказал Кевин, подавая ему гляделку; белый шлем, какими пользуются дети для игр, и отдаленно не напоминал маленькие изящные очки Карен. – Надень, номер я сам наберу.

– Спасибо, – кивнул Райделл, – только зря ты беспокоишься, мне даже как-то неловко.

– Ну-у... – Кевин потрогал свою кость, – я же тоже заинтересован. А то чем ты за квартиру платить будешь?

И то верно. Райделл надел шлем.

– Итак, – вздернула носик Соня, – согласно нашим данным, вы закончили высшие курсы...

– Академию, – поправил Райделл. – Полицейскую.

– Правильно, Берри. Так вот, согласно тем же нашим данным, вы проработали затем всего восемнадцать дней и были отстранены от несения службы.

Соня выглядела как хорошенькая девушка из мультфильма. Ни единой поры на коже. Никакой текстуры, нигде. Зубы у нее были очень белые и казались монолитным объектом, чем-то, что можно вынуть целиком для серьезного изучения. Ни в коем случае не для прочистки – двумерные картинки не едят. И потрясающая грудь – именно такие сиськи и нарисовал бы ей Райделл, будь он гением мультипликации.

– Понимаете, – сказал Райделл, вспомнив невменяемые глаза Кеннета Терви, – я патрулировал и попал в неприятную историю.

– Понимаю, – бодро кивнула Соня.

И что же это она такое понимает? – подумал Райделл. А вернее – что может тут понять экспертная программа, использующая ее как балаганную куклу? А еще вернее – *как* она это понимает? Как выглядит такой вот, вроде Райделла, тип в глазах компьютерной системы бюро по трудоустройству? Хреново, наверное, выглядит.

– Затем вы переехали в Лос-Анджелес, и здесь, Берри, со-

гласно нашим данным, вы проработали десять недель в корпорации «Интенсекьюр», отдел вооруженной охраны жилых кварталов. Водитель, имеющий опыт обращения с оружием.

Райделл вспомнил набитые ракетами обтекатели под брюхом полицейской вертушки. У них же, надо думать, и пушка была – эта, которая пятьсот снарядов в секунду.

– Да, – кивнул он.

– А затем вы уволились по собственному желанию.

– Ну, вроде.

Соня расплылась в радостной улыбке, словно Райделл стеснялся, стеснялся, а потом взял да и рассказал, что имеет докторскую степень и получил недавно приглашение работать в аппарате конгресса.

– Ну что ж, Берри, – сказала она, – дайте-ка я секунду пораскину мозгами, – а затем подмигнула и закрыла огромные мультяшные глаза.

Ох, господи, подумал Райделл. Он попробовал посмотреть в сторону, но Кевинов шлем не давал периферийного зрения, так что ничего там, в стороне, не было. Только Соня, да голый прямоугольник ее стола, да всякая мелочь, должствующая изображать интерьер кабинета, да стена, украшенная логотипом бюро по трудоустройству. С этим логотипом за спиной Соня напоминала ведущую телеканала, который передает только *очень* хорошие новости.

Соня открыла глаза. Теперь ее улыбка не просто лучилась, а ослепляла.

– Ведь вы родом с Юга.

– Ага, – кивнул Райделл.

– Плантации, Берри. Акации. Традиции. Но кроме того – некоторая *сумеречность*. Готический оттенок. Фолкнер.

– Фолк?.. Как?

– «Фольклорный КошмАрт», Берри, вот что вам нужно. Бульвар Вентура. Шерман-Оукс.

Кевин внимательно смотрел, как Райделл снимает шлем, как он пишет адрес и телефон на обложке последнего номера «Пипл». Журнал принадлежал Монике, китайке из гаража, она неизменно печатала все свои газеты и журналы таким образом, что в них не было никаких скандалов и бедствий, но зато тройная порция описаний красивой жизни. С особым упором на быт и нравы британской аристократии.

– Ну как, Берри, – с надеждой спросил Кевин, – есть что-нибудь?

– Может, и есть, – пожал плечами Райделл. – Место одно такое, в Шерман-Оукс. Зайду посмотрю.

Кевин задумчиво потрогал свой бивень.

– Если хочешь, я тебя подвезу.

В витрине «Фольклорного КошмАрта» было выставлено большое «Отрешение от скорбей земных». Такие картины Райделл видел чуть не каждый день, чуть не у каждого торгового центра: христианские проповедники украшали ими свои фургоны. Уйма автомобильных катастроф и про-

чих несчастий, уйма крови, души спасенных устремляются в небо, к Иисусу, чьи глаза, это уж правило, сверкают излишне ярко, смотришь на них, и вроде как мурашки по коже. Но эта картина, фольклорно-кошмарная, была написана с большими подробностями, чем все, какие он видел прежде. Каждая из спасенных душ имела свое, индивидуальное лицо, похоже даже не просто из головы придуманное, а чье-то, реального какого-то человека – вон, тут же и знаменитости разные попадают, кого по телевизору видишь. Жуткая картина и вроде как, ну, детская, что ли, неумелая. Вроде как рисовал все эти ужасы то ли пятнадцатилетний ребенок, то ли некая почтенная леди, возмнившая себя на старости лет художницей.

Райделл попросил Кевина остановиться на углу Сепульведы и прошел два квартала назад, высматривая магазин. Рабочие в широкополых касках заливали основания для пальм. Райделл не знал, были тут до вируса настоящие пальмы или нет. Имитации вошли в моду, их теперь тыкали везде, где надо и не надо, может, и на Вентуре тоже так.

Вентура – одна из этих лос-анджелесских магистралей, у которых нет ни начала, ни конца. Райделл наверняка проезжал на «Громиле» мимо «Фольклорного КошмАрта» бесчисленное число раз, но когда по улице идешь пешком, она выглядит совсем иначе. Во-первых, ты находишься в полном, считай, одиночестве; кроме того, так вот, на малой скорости, начинаешь замечать, сколько здесь обшарпанных, по-

трескавшихся зданий, сколько на них грязи.

За пыльными стеклами – пустота, груды пожелтевшей рекламной макулатуры, лужи, очень *подозрительные* лужи, ведь дождю туда не попасть. Минуешь пару таких развалюх, и на тебе пожалуйста – заведение, предлагающее солнечные очки по цене всего-то чуть большей, чем полугодовая квартплата за райделловские полкомнаты на Мар Виста. Судя по всему, очковая лавочка охранялась рентакопом.

«Фольклорный КошмАрт» располагался между почившим в бозе салоном по наращиванию волос и еле живой риелтинговой конторой, прирабатывавшей заодно и страховкой. Белая по черному вывеска: «ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОШМАРТ – ЮЖНАЯ ГОТИКА» – явно написана от руки, буквы бугристые и волосатые, как лапки комара в мультфильме. Однако перед магазином стоят две очень неслабые машины – серебристо-серый «рейнджровер», нечто вроде «Громилы», приодевшегося для школьной вечеринки, и антикварный двухместный «порше», сильно смахивающий на жестяную игрушку, из которой вывалился заводной ключик. Райделл обогнул «порше» по широкой дуге – такие хреновины чаще всего оборудованы сверхчувствительными охранными системами. Сверхчувствительными и сверхагрессивными.

Сквозь армированное стекло двери на него смотрел рентакоп – не интенсекьюровский, а какой-то другой фирмы. Райделл одолжил у Кевина плотные хлопчатобумажные брюки цвета хаки, тесноватые, но зато во сто раз более прилич-

ные, чем те оранжевые шорты. Еще на нем была черная интенсекьюровская рубашка с еле заметными следами от споротых нашивок, стетсон и штурмовые ботинки. Райделл не был уверен, что черный с хаки – такое уж гармоничное сочетание. Он нажал кнопку. Рентакоп открыл дверь.

– У меня назначена беседа с Джастин Купер, – сказал Райделл, снимая солнечные очки.

– У нее клиент.

Рентакоп, плотный мужик лет тридцати, выглядел как фермер из Канзаса или еще откуда. Райделл посмотрел через его плечо и увидел костлявую женщину с темными волосами. Женщина разговаривала с толстым мужчиной, не имевшим вообще никаких волос. Пыталась ему что-то продать. Наверное.

– Я подожду, – сказал Райделл.

Ноль реакции. На поясе неразговорчивого фермера болталась мощная электрошоковая дубинка в потертом пластиковом чехле, законы штата запрещали ему иметь более серьезное оружие. И все-таки есть у красавчика ствол, как пить дать есть. Ну, скажем, эта самая гуманитарная помощь России американским хулиганам – маленький такой пистолетик с диким калибром и еще более дикой убойной силой, предназначенный, по идее, для борьбы с танками. Русское оружие, не слишком безопасное в обращении, но зато простое, дешевое и эффективное, буквально затопило черный рынок.

Райделл огляделся по сторонам. Похоже, это самое «От-

решение» было главным коньком «Фольклорного КошмАр-та». Такие вот христиане, говорил всегда Райделлов папаша, их же просто жалко. Ждали-ждали конца тысячелетия, а оно кончилось, и новое наступило, и никаких тебе особенных от-решений не произошло, а эти все долдонят свое, все лупят во все тот же старый, дырявый барабан. То ли дело сопле-менники Саблетта – сидят себе в тexasском трейлерном по-селке и глазуют под водительством преподобного Фаллона в телевизор; над ними хоть посмеяться можно.

Он хотел посмотреть, что же это такое втюхивает дамоч-ка своему жиряге, но встретился с ней глазами, смутился и начал слоняться по магазину, вроде как изучать товар. Да уж, товар... Целую секцию занимали тошнотворные ве-ночки, сплетенные то ли из паутины, то ли из седых волос; вся эта мерзость была прикрыта стеклышками и помещена в овальные золоченые, сильно потертые рамки. Рядом – ши-рокий ассортимент проржавевших детских гробиков, из од-ного такого, наполовину наполненного землей, свешивались плети плюща. Кофейные столики, изготовленные из могиль-ных плит – очень старых, с едва различимыми следами букв. Райделл задержался у кровати со столбиками из четырех же-лезных негритят – в Ноксвилле такие, прости господи, ста-туи стояли когда-то перед многими домами, но потом их за-претили. На черных, словно ваксой надраенных, лицах на-малеваны широкие краснотубые улыбки, лоскутное покры-вало сшито в виде конфедератского флага. Ценника Райделл

не нашел, одну из негритянских задниц украшала желтоватая наклейка: «ПРОДАНО».

– Мистер Райделл? Ничего, если я буду называть вас Берри?

Узкий, как карандаш, подбородок, крошечный ротик, заставляющий серьезно задуматься: да сколько же у этой дамы зубов? Нормальный, в тридцать две штуки, комплект не забьешь туда никакой йогической силой. Коротко стриженные волосы похожи на коричневую, до блеска начищенную каску, черный просторный костюм, не слишком успешно скрывающий насекомое телосложение. На Юге таких не встретишь – да чего там, они вообще не водятся к югу от чего бы то ни было. А уж напряжена-то, напряжена-то, прямо как рояльная струна.

Жирный вышел из магазина и остановился. Ну да, дезактивирует защиту своего «ровера».

– Ради бога.

– Вы из Ноксвилла. – Джастин Купер дышала медленно и размеренно, словно опасаясь гипервентиляции легких.

– Да.

– У вас почти нет акцента.

– Хорошо бы все так думали. – Райделл улыбнулся, ожидая встречной улыбки. И не дождался.

– А ваши *родители*, они тоже из Ноксвилла, мистер Райделл?

(Кой хрен, так что же ты не называешь меня Берри?)

– Отец вроде да, а мать откуда-то из-под Бристоля.

Выглядела Джастин Купер лет на сорок с небольшим; ее темные, почти без белков, глаза глядели прямо на Райделла, но как-то странно, безо всякого выражения, было даже не понять, видит она его или не видит.

– Миссис Купер?

Миссис Купер дернулась, словно в задницу укушенная.

– Миссис Купер, а что это за штуки такие, в старых рамках, ну, которые вроде венков?

– Памятные венки. Юго-Западная Виргиния, конец девятнадцатого – начало двадцатого века.

Пусть, подумал Райделл, поговорит о своем товаре, может, в чувство придет. Он подошел к венкам и стал их рассматривать.

– Похоже на волосы.

– Конечно волосы, – дернула костлявым плечиком Джастин. – А что же еще?

– Человеческие волосы?

– Конечно.

– Так это что же, волосы *умерших*?

Теперь он заметил, что волосы разделены на пряди, завязаны крошечными, на манер цветочков, узелками. Тусклые, неопределенного цвета волосы...

– Боюсь, мистер Райделл, что я напрасно трачу ваше время. – Джастин осторожно шагнула в его сторону. – Беседуя с вами по телефону, я находилась под впечатлением, что в

вас... ну, как бы это получше сказать... больше *южного*.

– Что вы имеете в виду?

– Мы продаем людям не только товар, но и определенное *видение*. А также некий мрак, тьму. Готическую атмосферу.

Мать твою так и разэтак. Ну точно как та кукла резиновая из бюро, то же самое дерьмо собачье, чуть не слово в слово.

– Скорее всего, вы не читали Фолкнера. – Она резко взмахнула рукой, отмахиваясь от чего-то невидимого, пролетевшего, похоже, мимо самого ее носа.

(Ну вот, опять за рыбу деньги!)

– Нет.

– Как я и думала. Понимаете, мистер Райделл, я пытаюсь найти человека, способного *передать* ощущение этой атмосферы, этой тьмы. Самую *суть* Юга. *Лихорадочный бред* сенсуальности.

Райделл недоуменно сморгнул.

– К сожалению, вы не внушаете мне такого ощущения.

И снова – охота на невидимую паутинку. Или зеленого чертика?

Райделл взглянул на рентакопа, но тот ничего не видел и не слышал. Кой хрен, он там что, совсем уснул?

– Леди, – осторожно начал Райделл, – да из вас же торговый менеджер, как из моей жопы – соловей. У вас же совсем крыша съехала.

Брови Джастин Купер взлетели на середину лба.

– Вот!

– Ну что – вот?

– Краски, мистер Райделл. Жар. Сумеречная полифония, вербальное многоцветие немислимых глубин распада.

Вот это, наверное, и называется «лихорадочный бред». Взгляд Райделла снова остановился на негрокойке.

– У вас же тут, думаю, и черные тоже бывают. Они как, не жалуются на такие вот штуки?

– Отнюдь! – Сумеречная Джастин презрительно дернула плечиком. – Наши клиенты, в числе которых есть несколько весьма богатых афроамериканцев, прекрасно понимают, что такое ирония. А куда им без этого деться.

Интересно, какая тут ближайшая станция метро – и сколько до нее тащиться, до этой «ближайшей»? А Кевину Тарковскому так все и объясним – не вышел я, значит, рылом. Хреновый я южанин, не южный какой-то.

Рентакоп открыл дверь.

– Простите, миссис Купер, но не могли бы вы сказать, откуда вы такая родом? – обернулся напоследок Райделл.

– Нью-Гэмпшир.

Дверь за его спиной закрылась.

– Долбанные янки, – сказал Райделл жестяному «порше». Любимое папашино выражение неожиданно заиграло свежими, яркими красками. Такое вот, давись оно конем, вербальное многоцветие.

Мимо прополз немецкий грузовик, длинный и суставчатый, словно гусеница. Только что не мохнатый. Райделл

ненавидел эти машины, ходившие на растительном масле, — ну как это можно, чтобы выхлопные газы воняли жареной курицей?!

Бессонница

Сны курьера состоят из обжигающего металла, вопящих и мечущихся теней, тусклых, как бетонные надолбы, гор. Склон холма, похороны. Сироты лежат в пластиковых светло-синих гробах. Цилиндр священника. Первая мина была полной неожиданностью, никто не заметил, как она прилетела с бетонных гор. Мина пробила все – холм, небо, синий гроб, женское лицо.

Звук слишком огромен, чтобы вообще считаться звуком, и все же он не мешает им слышать запоздалые, только теперь долетевшие хлопки минометов; они смотрят на серую гору, там вспухают белые, аккуратные шарики дыма.

Словно подброшенный пружиной, курьер садится посреди широкой, как поле, кровати, в его горле застрял немой оглушительный крик, слова языка, на котором он давно запретил себе говорить.

Голова раскалывается от боли. Он берет с тумбочки стальной графин и пьет тепловатую безвкусную воду. Комната качается, расплывается, снова становится резкой. Курьер заставляет себя встать, идет, не одеваясь, к высокому старомодному окну. Раздвигает тяжелые занавески. Сан-Франциско. Рассвет, похожий на старое, потемневшее серебро. Сегодня вторник. Это не Мехико.

В белой ванной он жмурится от неожиданной вспышки света, плещет на онемевшее лицо холодной водой, трет глаза. Сон отступает, но оставляет после себя какой-то мерзкий осадок. Курьер зябко подергивает плечами, кафельный пол неприятно холодит босые ноги. Пьянка, шлюха. Ну уж этот Харвуд! Декадент. Курьер осуждает декаданс. По роду работы он соприкасается с настоящим богатством, настоящей властью. Он встречается со значительными людьми. Харвуд – богатство, лишенное значительности.

Он выключает свет и бредет к кровати, все его внимание поглощено пульсирующей в голове болью.

Подтянув полосатое покрывало к подбородку, он вспоминает вчерашний вечер. В цепи событий обнаруживаются неприятные провалы. Вседозволенность. Курьер не любит вседозволенности. Вечеринка. Голос в телефонной трубке, инструкция, нужно идти к Харвуду. Он успел уже выпить несколько порций. Лицо девушки. Ярость, презрение. Короткие темные волосы скручены в острые, вздернутыеверху шипы.

Глаза стали огромными, не помещаются в глазницы. Курьер трет их и сразу же тонет в море ярких тошнотворно-зеленых вспышек. В желудке перекачивается холодный ком воды.

Он вспоминает себя за широким, красного дерева столом со стаканом под рукой. Это еще до вечеринки. До звонка по телефону. На столе лежат два футляра. Открытые, почти

одинаковые. В одном хранится она. Другой – для того, что ему доверили. Дорогой способ, но ведь хранящаяся в кассете информация просто бесценна, это курьер знает с абсолютной достоверностью. Он складывает графитовые наушники и защелкивает футляр. Затем трогает пальцем футляр, хранящий все ее тайны, – и белый дом в горах, и блаженное, пусть и недолгое спокойствие. Он рассовывает футляры по карманам куртки...

Курьер вздрогнул и напрягся, его желудок стянуло тугим узлом.

Он ходил в этой куртке к Харвуду. На вечеринку, почти не отложившуюся в памяти. Нет, отложившуюся, но с большими провалами.

Почти забыв о болезненных ударах в голове, он слезает с кровати, ищет куртку, находит ее на полу, скомканную.

Бешено стучит сердце.

Вот. Тот, который нужно доставить. Во внутреннем, застегнутом на молнию кармане. Остальные карманы, остальные карманы... Пусто.

Она исчезла. Курьер роется в одежде. Едва не теряя сознания от головной боли, он становится на четвереньки, заглядывает под кресло. Исчезла.

Ничего, утешает он себя, эта потеря восполнима. Он стоит на коленях, комкая в руках куртку. Нужно только найти дилера, специализирующегося на подобном софте. К тому же последнее время она стала терять резкость.

Думая о ней, он смотрит на свои руки, расстегивающие внутренний карман, вынимающие футляр. В этом футляре хранится их собственность. Они доверили эту собственность ему. Он должен ее доставить.

Он открывает футляр.

Черная поцарапанная пластиковая оправа, кассета со стертым до полной неразборчивости ярлыком, желтые полупрозрачные наушники.

Курьер слышит, как в глубине его гортани образуется высокий, почти свистящий звук. Такой же, как много-много лет назад, когда упала первая мина.

6

Мост

Ямадзаки аккуратно отсчитал тридцать процентов чаевых, расплатился, открыл заднюю дверцу машины и с облегчением покинул бугристое, продавленное сиденье. Таксер, прекрасно знавший, какие они богатые, эти японцы, мрачно пересчитал грязные, потрепанные купюры, а затем опустил три пятидолларовые монетки в треснутый термос, примотанный скотчем к облезлой приборной доске. Ямадзаки, никогда не бывший богачом, вскинул сумку на плечо, повернулся и зашагал к мосту. Лучи утреннего солнца косо прорезали прихотливое сплетение вторичных конструкций – картина, неизменно заставлявшая его сердце сжиматься.

Структура пролетов была строгой и гармоничной, как современная компьютерная программа, но на ней выросла иная реальность, ставившая перед собой иные задачи. Реальность эта образовалась по кусочку, без единого плана, с использованием всех, какие только можно себе представить, техник и материалов. В результате получилось нечто аморфное, расплывчатое, поразительно органичное. Ночью эти строения, освещенные цветными лампочками, факелами и старыми неоновыми трубками, обретшими в руках местных умельцев вторую жизнь, клубились какой-то странной средневековой энергией. Днем, издалека, они напоминали

Англию, развалины Брайтонского пирса, перемешанные в некоем треснутом калейдоскопе местного стиля.

Стальной костяк моста, его туго напряженные сухожилия полностью терялись в коралловом нагромождении горячечных снов. Татуировочные салоны, игорные ряды, тускло освещенные лотки, торгующие пожелтевшими, рассыпающимися на листки журналами, лавки с рыболовной наживкой и лавки с пиротехникой, крошечные, безо всяких лицензий работающие ломбарды, лекари-травники, парикмахерские, бары. Сны о коммерции затопили уровни моста, по которым двигались когда-то транспортные потоки. Выше, поднимаясь до самых вершин вантовых устоев, повисло невообразимое в своем разнообразии хитросплетение баррио¹⁰, птичьи гнезда никем не исчисленных, да, пожалуй, и неисчислимых людей.

Первое знакомство Ямадзаки с мостом произошло ночью, три недели назад. Он стоял в тумане, среди торговцев, среди фруктов и овощей, разложенных на одеялах, стоял и с гулко бьющимся сердцем смотрел в широкий зев пещеры. Рваная, скособоченная арка неоновых ламп окрашивала пар, поднимающийся над котлами торговцев супом, в адские огненные тона. Туман размывал все очертания, люди и предметы плавно переходили друг в друга, сплавлялись воедино. Телеприсутствие лишь в очень малой степени передавало магию, необычность, невозможность этого места; полный

---

¹⁰ *Баррио* – бедный (как правило, латиноамериканский) квартал.

благоговения, Ямадзаки медленно углубился в неоновый лабиринт, в безудержный карнавал неведомо где найденных – или украденных – поверхностей, слепленных в калейдоскопически пестрое одеяло. Волшебная страна. Высеребренная дождями фанера, обломки мрамора со стен давно позабытых банков, покореженный пластик, сверкающая бронза, раскрашенный холст, зеркала, хромированный металл, потускневший и облезший в соленом воздухе. Так много всего, роскошный пир для ненасытных глаз; путешествие сюда не было напрасным.

Во всем мире нет и не может быть более великолепного томассона.

Сегодня утром он снова вступил в этот мир, в знакомую уже толчею тележек с мороженым и жареной рыбой, оглашаемую столь же знакомым дребезгом машины, пекущей мексиканские лепешки, и пробрался к кофейной лавке, напоминающей своим интерьером древний паром – темный исцарапанный лак по гладкому массивному дереву, словно кто-то и вправду отпилил эту лавку целиком от заброшенного корабля. Что совсем не исключено, подумал Ямадзаки, садясь за длинную стойку. Подальше, к Окленду, за этим опасным островом, в бесконечной туше «Боинга-747» дружно обосновались кухни девяти тайландских ресторанчиков.

На запястьях официантки (хозяйки?) ярко синели татуированные браслеты в виде стилизованных ящериц. Кофе здесь подавали в чашках из толстого, тяжелого фаянса. Все

чашки были разные. Ямадзаки вынул из сумки записную книжку, включил ее и бегло набросал свою чашку; сетка трещин на белой глазури напоминала миниатюрную кафельную мозаику. Отхлебывая кофе, он просмотрел вчерашние заметки. Сознание человека по фамилии Скиннер удивительно напоминало мост. К некоему изначальному каркасу постепенно прилипали посторонние разношерстные и неожиданные элементы; в конце концов критическая точка была пройдена, и появилась совершенно новая программа. Новая – но какая?

Ямадзаки попросил Скиннера объяснить, каким образом происходило обрастание моста, создавшее вторичную структуру. Чем мотивировался каждый конкретный, индивидуальный строитель? Записная книжка зафиксировала, транскрибировала и перевела на японский язык путанные, невнятные объяснения.

Вот тут этот мужик, он раз рыбу ловил, ну и крючок вроде как зацепился. Тянул-тянул, вытащил мотоцикл. Весь ракушками обросший. Люди смеялись. А он взял этот мотоцикл и построил закусочную. Бульон из ракушек, холодные вареные мидии. Мексиканское пиво. Повесил мотоцикл над стойкой. Всего три табуретки и стойка, и он выставил свою халупу футов на восемь за край, закрепил суперклеем и скобами. Стенки внутри заклеил открытками, вроде как дранкой. Тут же и спал, за стойкой. Раз утром смотрим, а его нет. Только и осталось что лопнувшая скоба да на стене цирюльни –

несколько щепок приклеены. У него там хорошо было, можно было смотреть вниз и видеть воду. Вот только слишком уж далеко он высунулся.

Ямадзаки смотрел на поднимающийся от кофе пар и пытался представить себе обросший ракушками мотоцикл – тоже, кстати сказать, весьма примечательный томассон. «А что это такое – томассон?» – заинтересовался Скиннер; пришлось объяснить американцу происхождение, современный смысл и область применения этого термина, что и было зафиксировано записной книжкой.

Исходный Томассон был игроком в бейсбол. Американец, очень сильный и красивый. В 1982 году он перешел в «Йомиури Джаянтс», за огромные деньги. Вскоре выяснилось, что он не может попасть битой по мячу. Писатель и художник Гемпей Акасагава стал использовать его фамилию для обозначения определенного класса бесполезных и непонятных сооружений, бессмысленных элементов городского пейзажа, странным образом превращающихся в произведения искусства. Позднее термин приобрел и другие значения, заметно отличающиеся от первоначального. Если хотите, я могу войти в справочник «Гэндай Його Кисогисики», то есть «Основы понимания современной терминологии», и перевести на английский полный набор определений.

Однако Скиннер – седой, небритый, с красными пятнышками лопнувших сосудов на пожелтевших белках ярко-си-

них глаз – равнодушно пожал плечами. Ямадзаки успел уже проинтервьюировать троих местных, все они единодушно называли Скиннера старожилом, одним из первопоселенцев моста. Само расположение его комнаты свидетельствовало об определенном статусе – факт, мягко говоря, странный. неужели найдется много охотников жить у самой верхушки одного из устоев? До установки электрического лифта подъем на такую высоту мог вымотать кого угодно. Теперь, с поврежденным бедром, старик превратился в беспомощного инвалида, полностью зависел от соседей и этой девушки. Они приносили ему еду, воду, следили, чтобы работал химический туалет. Девушка получала за свои хлопоты крышу над головой, но было в ее отношениях со Скиннером и нечто более сложное, глубокое.

Трудно понять Скиннера, очень трудно, это связано с его возрастом, либо со складом личности, либо и с тем и с другим одновременно, а вот девушка, живущая в его комнате, просто хмурая и неразговорчивая. Ямадзаки уже привык, что почти все молодые американцы хмурые и неразговорчивые, возможно, они просто не хотят раскрываться перед иностранцем, японцем, который к тому же задает слишком много вопросов.

Он посмотрел вдоль стойки, на профили других посетителей. Американцы. То, что он действительно сидит здесь, пьет кофе рядом с этими людьми, казалось чудом. Необыкновенное ощущение. Ямадзаки начал писать в записной книжке,

кончик карандаша негромко постукивал по экрану.

Квартира в высоком викторианском доме, построенном из дерева и тщательно покрашенном; все улицы этого района названы в честь американских политиков девятнадцатого века. Клей, Скотт, Пирс, Джексон. Сегодня утром, во вторник, покидая квартиру, я заметил на верхнем столбике лестничных перил следы снятых петель. Я думаю, что к этим петлям была когда-то подвешена калитка, преграждавшая путь детям. Затем я шел по улице Скотта, ловил такси и увидел на тротуаре мокрую от дождя почтовую открытку. Узкое лицо великомученика Шейпли, ВИЧ-святого, покрылось неприятными пузырями. Очень печальное зрелище.

– Зря они так говорят, не нужно бы так. Это я, в смысле, насчет Годзиллы.

Ямадзаки озадаченно уставился в негодующее лицо официантки (хозяйки?).

– Извините?

– Не нужно было им так говорить. Про Годзиллу. Не над чем тут смеяться. У нас тут тоже были землетрясения, но вы же над нами не смеялись.

Чтобы все было о'кей

– Пошли на кухню, а то я еще не завтракал, – сказал Райделл.

Увидев Эрнандеса в гражданской одежде, он испытал нечто вроде потрясения, хотя чего тут, собственно, так уж потрясаться. На службе – форма, а после звонка носи что хочешь. Например, тускло-голубой безрукавный комбинезон и немецкие пляжные сандалии с пу'почками на стельках, которые, считается, все время массируют тебе ступни и ты от этого очень здоровый. На предплечьях Эрнандеса синели крупные римские цифры – грехи молодости, такого типа татуировки делают себе члены молодежных банд. Ступни у него были коричневые от загара и какие-то такие, ну, вроде как медвежистые.

Сейчас, во вторник утром, они были в доме одни. Кевин уехал в «Раздвинь пошире ноги», остальные тоже разошлись по своим делам, чем бы уж там они ни занимались. Про Моннику неизвестно, может, сидит в своем гараже, а может, и нет, она с соседями не общается.

Райделл достал из буфета свой личный пакет кукурузных хлопьев, заглянул внутрь. На одну миску вроде бы хватит. Затем он открыл холодильник и взял с решетчатой полки литровую пластиковую флягу с жирной надписью красным

маркером: «МОЛОЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ».

– Что это такое? – поинтересовался Эрнандес.

– Молоко.

– А зачем там написано «эксперимент»?

– Чтобы никто не выпил. Я придумал это еще в академии, когда жил в общежитии.

Он высыпал хлопья в миску, залил их молоком, нашел ложку и перенес все завтракательное хозяйство на кухонный стол. Миску стол выдерживал, но ставить на него локти было нельзя – одна из ножек все время норовила подломиться.

– Как рука?

– Прекрасно.

Райделл снова забыл про своенравность стола и оперся о него локтями – по ободранному белому пластику потекла река молочно-кукурузной жижи.

– На, вытри. – Эрнандес отмотал от рулона длинный кусок бежевого бумажного полотенца.

– Это этого хрена, – заметил Райделл. – Он дико не любит, когда мы ими пользуемся.

– Полотенечный эксперимент, – ухмыльнулся Эрнандес, бросая Райделлу бумажный ком.

Райделл промокнул молоко и собрал большую часть хлопьев. Он не мог себе представить, чего это Эрнандесу здесь потребовалось; с другой стороны, он ровно так же не мог себе прежде представить Эрнандеса раскатывающим на белом «дайхацу сникере» с динамической голограммой водопада

на капоте.

– Хорошая у тебя машина, – сказал Райделл, выскребая из миски остатки хлопьев.

– Дочкина. Роза откомандировала меня в ремонтную мастерскую.

Райделл прожевал хлопья, сглотнул.

– Что, тормоза или что?

– В рот долбаный водопад. Там должны быть еще всякие мелкие зверюшки, они раньше вроде как высывались из кустов и смотрели на него, на водопад то есть. – Эрнандес прислонился к стене, взглянул на пальцы, высывавшиеся из пупырчатых сандалий. – Такие вроде как коста-риканские животные. Экология. Роза, она у меня насквозь зеленая. Заставила нас перепахать все, что осталось от газона, и посадила эти сберегающие грунт штуки – ну знаешь, которые вроде серых пауков. А в мастерской они не могут вытащить этих чертовых зверюг из кустов, не могут – и все тут, ну хоть тресни. У нас ведь и гарантия не кончилась, и все эти дела, а толку – хрен.

Он сокрушенно помотал головой.

Райделл покончил с хлопьями.

– А вот ты, Райделл, ты был когда-нибудь в Коста-Рике?

– Не-а.

– Потрясуха у них. Ну прямо тебе Швейцария.

– Я и там не был.

– Да нет, я в смысле, что они делают с информацией. Точ-

но как швейцарцы.

– Надежное хранение?

– Верно сечешь. Хитрые они ребята. У них же ни армии, ни флота, ни авиации, ни хрена, сплошная нейтральность. И они хранят для всех ихнюю информацию.

– Вне зависимости, что это за информация?

– Возьми с полки пирожок. Хитрые, говорю, ребята. И все заработанные деньги они тратят на *экологию*.

Райделл отнес миску, ложку и влажный полотенечный ком к раковине. Он вымыл миску и ложку, вытер их, запихнул ком поглубже в подвешенный к раковине мусорный мешок, выпрямился и взглянул на Эрнандеса.

– Нужна от меня какая-нибудь помощь?

– Наоборот, – улыбнулся Эрнандес, – это я хочу тебе помочь.

Странная у него была улыбочка, не вселяющая особых надежд.

– Я же тут все о тебе думал. В какое ты попал положение. Хреново это, точно говорю – хреново. Настоящим копом ты уже не будешь. Теперь, когда ты от нас уволился, я не смогу взять тебя обратно ни на какую работу, ни даже ворота где-нибудь сторожить. Ну, может, ты сумеешь устроиться в какую еще контору, назначат тебя в винный магазин, будешь сидеть в конуре, как бобик. Устраивает это тебя?

– Нет.

– Вот и правильно, что не устраивает, ведь на такой работе

угробить могут на хрен. Придет какой-нибудь придурок и разнесет эту твою конуру.

– В данный момент я веду переговоры насчет места в торговле.

– Не брешешь? Торговля? Чем торговать?

– Кровати, склепанные из чугунных садовых негритят. А еще – узоры, сплетенные из столетней давности человеческих волос.

Эрнандес сощурил глаза и направился к двери. Райделл решил было, что бывший начальничек обиделся и уходит, однако тот просто начал разгуливать из угла в угол; дурацкая привычка, он и в «Интенсекьюре» всегда так. Развернувшись перед самой дверью, Эрнандес пошел прямо на Райделла.

– Вот такие мы, значит, крутые и все нам по хрену? Ты иногда таким себя мудаком ведешь, что я просто и не знаю. Кончил бы выкобениваться и подумал – а вдруг я и вправду хочу тебе помочь? – Он снова зашагал к двери.

– А ты бы сказал в простоте, что ты там такое придумал.

Эрнандес остановился, повернулся к Райделлу, вздохнул.

– Ты ведь вроде никогда не бывал в Северной Калифорнии, верно? В Сан-Франциско бывал? Есть там кто-нибудь, кто тебя знает?

– Нет.

– «Интенсекьюр» имеет там лицензию, в Северной этой Калифорнии. Другой штат, другие законы, другое отношение к делу, прямо что тебе другая трижды долбаная стра-

на, но у нас и там до хрена всего. Административные корпуса охраняем, гостиницы. Огражденные жилые кварталы – с этим там послабее, разве что в пригородах. «Конкорд», «Асьенда Бизнес-Центр», всякая такая мутотень. Это тоже на нас – не все, но большая часть.

– Так это ж та же самая шарага. Не берут меня здесь, так и в Сан-Франциско будет то же.

– Возьми второй пирожок, если там осталось. Никто и не говорит, чтобы тебя *нанимать*. Просто там есть один мужик, с которым можно договориться. Он работает вроде как сам от себя, свободный такой художник. У фирмы возникают иногда *проблемы*, и тогда они привлекают кого-нибудь со стороны. И *этот* мужик, он не интенсекьюровский. Гуляет сам по себе. Тамошняя наша контора, у них вот сейчас и возникли проблемы.

– Подожди, подожди. О чем мы, собственно, говорим? О вооруженной охране?

– Этот мужик, он ищейка. Знаешь, что это такое?

– Ищет людей, сбежавших от долгов, от просроченной квартплаты и все такое.

– Или ребенка, сбежавшего от родителей, или кого угодно. Но на такие дела в наше время ищеек почти не нанимают, теперь же компьютерная сеть. Посылай почаще запрос с фотографией в «Дейтамерику», и найдешь голубчиков как миленьких, не сегодня, так завтра. А то, – Эрнандес пожал плечами, – можно и к копам обратиться.

– А потому главная задача ищейки... – начал Райделл, вспомнив одну из передач «Влипших копов».

– Избавлять клиентов от необходимости обращаться к копам.

– Или в лицензированное сыскное бюро.

– Совершенно верно, – кивнул Эрнандес.

Райделл направился к двери; сзади по тусклому кафе-лю кухонного пола зашлепали немецкие пляжные сандалии. Только сейчас он почувствовал запах табака. Вчера на кухне кто-то курил – нарушение условий аренды. Узнает хозяин – крику не оберешься. Хозяин, сербский эмигрант, ездил в дряхлом пятнадцатилетнем «БМВ», носил идиотские тирольские шляпы и откликался на имя Уолли. Зная, что Райделл работает на «Интенсекьюр», Уолли подвел его как-то к своему «БМВ» и вытащил из-под приборной доски хитрый электрический фонарик – здоровенную такую, больше фута длиной, штуку со специальной кнопкой, чтобы выдавать мощную струю перечежного газа. Он спросил Райделла, как тот думает – «хватит» этого или «не хватит».

Райделл соврал. Он сказал Уолли, что люди, принимающие *много* «плясуна», они даже *любят* получить хорошую дозу хорошего перечежного газа. Он им вроде как нос прочищает и мозги. Бодрости прибавляет. Они *торчат* на нем, на этом перце.

Войдя в комнату, Райделл взглянул под ноги и вдруг, после стольких-то недель, заметил, что ковер здесь точно такой

же, как тот, по которому он ползал на карачках тогда, еще в Ноксвилле, в квартире этой самой стервы, подружки сбрендившего Терви. Чуть почище, но все равно такой же. Странно, как он раньше-то не заметил.

– Послушай, Райделл, не хочешь, так и не надо, и слава богу. У меня выходной, отдыхать надо, а я тут с тобой рассоливаю. Ну да, понимаю, тебя кинули какие-то там хакеры, ты купился и среагировал слишком уж активно. Понимаю и сочувствую. Но так уж случилось, никуда от того не денешься, а я хочу тебе помочь и предлагаю что уж могу – ничего другого у меня нет. И еще. Если ты справишься, поможешь фирме, об этом узнают в Сингапуре и тогда, может быть, что-нибудь изменится.

– Эрнандес...

– У меня сегодня выходной...

– Слушай, да я же не умею искать людей...

– Ты умеешь водить машину. А ничего другого и не надо. Ты будешь при нем, при этом сыщике, водителем. Сам он не может водить, ногу недавно покалечил. А тут дело такое, вроде как деликатное. Мозгами нужно ворочать. Вот я и сказал им, что ты, значит, ты справишься. Так вот прямо и сказал – сказал им, что ты справишься.

На кушетке валялся очередной подарок Моники – «Пипл», раскрытый на статье о Гудрун Уивер, сорокалетней актрисе, пришедшей к Богу благодаря стараниям преподобного Уэйна Фаллона. Большая, на целую страницу фотогра-

фия: Гудрун Уивер лежит на диване, напряженно вглядываясь в здоровенную батарею телевизионных экранов, на каждом из которых один и тот же древний фильм.

Райделл увидел самого себя со стороны: лежит мужик на надувном матрасе, тупо созерцая пластиковые цветочки и автомобильные стикеры.

– А там как, все чисто? Все по закону?

– По закону? – Эрнандес хлопнул себя по серо-голубому бедру; звук получился громкий, как пистолетный выстрел. – Мы же говорим с тобой *о серьезных людях*. Я же помочь хочу тебе, понимаешь? За кого ты меня держишь? Ну на хрена стану я подбивать тебя на что-нибудь незаконное?

– Так что же я, собственно, должен делать? Просто явиться туда и сесть за баранку?

– Ну да. Машину водить, машину, сколько раз тебе говорить! Мистер Уорбэйби скажет куда, и ты его повезешь.

– Кто?

– Уорбэйби. Люциус Уорбэйби.

Райделл взял «Пипл», перелистнул страницу и наткнулся на фотографию Гудрун Уивер с преподобным Уэйном Фаллоном. Сорокалетняя актриса Гудрун Уивер выглядела как сорокалетняя актриса. Преподобный Фаллон выглядел как жирная крыса с чужими волосами и в смокинге за десять тысяч.

– Этот Уорбэйби, он же, Берри, чуть не лучший в своей профессии, а может, и лучший. В рот долбаная звезда. Ина-

че б они его и не наняли. Будешь с ним работать – многому научишься. Ты же парень совсем молодой, мозги еще не заржавели, тебе только учиться и учиться.

Райделл бросил журнал на прежнее место.

– А кого они там ищут?

– Гостиничная кража. Кто-то что-то спер. А охрана там была наша. В Сингапуре из-за этого все на ушах стоят. Вот и все, больше я ничего не знаю.

Райделл стоял под парковочным навесом и вглядывался в мерцающие глубины голографического водопада, в туман, сочащийся между ярко-зелеными ветвями тропических деревьев. Красиво. Однажды он видел «харлей-дэвидсон», буквально кишачий мерзкими, в натуральную величину, насекомых. По всей раме, кроме тех мест, где хромировка, – скорпионы, фаланги, мокрицы, да все, что угодно, и все ползают, шевелятся.

– Видишь? – сказал Эрнандес. – Вот тут, где вроде как размыто. Тут, по идее, должен быть этот долбаный *ленивец*. Или лемур, хрен его знает. Заводская трижды в рот долбаная гарантия.

– И когда я должен ехать?

– Вот, возьми номер. – Эрнандес сунул Райделлу клочок желтой бумаги. – Позвони, они тебе все скажут.

– Спасибо.

– Слышь, – сказал Эрнандес, – я же хочу, чтобы у тебя все

было о'кей. Честно хочу. И ты только посмотри на это говно. – Он ткнул в капот «сникера». – В рот долбаная гарантия.

На другое утро

Шеветте снилось, что сильный боковой ветер сносит ее на встречную полосу; после поворота с Фолсом-стрит на Шестую стало легче – теперь мягкая невидимая рука подталкивала ее в спину. Она дважды проскочила на красный, у рынка едва-едва успела под зеленый и притормозила, чтобы не вылететь из седла, переваливая через рельсы.

Дальше самый трудный участок пути – крутой подъем по Тэйлора на Ноб-хилл; Шеветта пригнулась к рулю.

– Ну, давай! – скомандовала она себе. – Сегодня ты справишься.

За спиной – дружеская ладонь ветра, впереди, над вершиной холма, – голубое, безоблачное небо; отчаянно работая ногами, Шеветта перевела передачу, почувствовала, как цепь клацнула о зубья огромной, по специальному заказу сделанной звездочки, звездочки слишком большой для ее велосипеда – для любого велосипеда. Крутить стало легче, и все равно она проигрывала, безнадежно проигрывала...

Шеветта закричала, встала на педалях и нажала из *последних* сил, ощущая, как остатки гликогена в крови превращаются в молочную кислоту. Вот она, вершина, совсем рядом...

Сквозь круглое окно, сквозь секторы разноцветного стек-

ла в комнату Скиннера падают косые лучи солнца. Вторник. Утро.

На стене, сплошь заставленной пачками желтых, потрепанных «Нешнл джиогрэфик», четко вырисовывается паутинный рисунок оконного переплета с двумя черными мохнатыми пятнами — два стекла вывалились, пришлось заткнуть дырки тряпками. Скиннер, одетый в старую клетчатую рубашку, сидит на кровати, чуть не до подбородка подтянув одеяло и спальник. Собственно говоря, это не кровать, а массивная дубовая дверь, установленная на четырех ржавых колесных ступицах от «фольксвагена» и застеленная пенкой. Шеветта спит на полу на другом, поуже, куске пенки, который она по утрам сворачивает и прячет за длинный деревянный ящик, до краев заваленный аккуратно смазанными инструментами. Запах смазки не покидает ее даже во сне, но Шеветта уже привыкла и почти его не замечает.

Выпростанную наружу руку обожгло ноябрьским холодом. Шеветта дотянулась до свитера, лежащего на деревянной, грубо покрашенной табуретке, затащила свитер к себе в спальник, влезла в него, для чего потребовалось минуты две извиваться ужом, и встала. Свитер свисал почти до колен, Шеветте приходилось непрерывно его поддергивать, чтобы растянутая пройма не соскользнула с плеч. Скиннер молчал — утром он всегда так.

Шеветта протерла глаза, вскарабкалась на пятую перекладину привинченной к стене лестницы, отодвинула не глядя

засов и распахнула люк. Подняться на крышу, поздороваться с водой и с городом – неперенный утренний ритуал, нарушавшийся только в редких случаях. Если шел дождь или над заливом стоял густой туман, Шеветте приходилось сперва накачать примус – музейную редкость с ярко-красным бачком и латунной, дочерна закопченной горелкой. Обычно Скиннер делал это сам, но в сырую погоду он почти не вылезал из кровати, жаловался, что ноют все кости, особенно бедро.

Шеветта высунулась из квадратного отверстия и присела на край, свесив босые ноги в комнату. Солнце пекло уже в полную силу, серебристая дымка тумана таяла буквально на глазах. Скоро будет совсем жарко, черный прямоугольник крыши накалится, смоляной запах размягченного асфальта проникнет даже в комнату.

Скиннер показывал ей «Нешнл джиогрэфик» со снимками карьеров Ла-Бреа и бедных-несчастных зверюг, живших миллионы лет назад в тех местах, где теперь Лос-Анджелес, и утонувших в смоле. Вот так-то и добывают асфальт; асфальт – минерал, а не какая-то там гадость, изготовленная на химическом заводе. Скиннер любил точно знать, откуда что берется.

Куртка, которую он дал Шеветте, была сшита в ателье Д. Льюиса на Грейт-Портленд-стрит. Это не здесь такая улица, а в Лондоне. Скиннер любил карты. К некоторым номерам «Нешнл джиогрэфик» прилагались карты, и все изображен-

ные на них страны были похожи друг на друга – большие, от края до края листа, пятна, выкрашенные одним цветом. Неимоверное множество стран, среди которых попадались и настоящие гиганты: Канада, СССР, Бразилия, – только этих, больших, теперь уже нет, они рассыпались по кусочку. То же самое, говорит Скиннер, происходит и с Америкой, хотя она и не хочет в этом признаваться. Вот, скажем, теперь две Калифорнии, а когда-то была одна, один большой штат.

Если посмотреть на комнату и на крышу, то комната вроде как больше, хотя она и забита всяким скиннеровским барахлом, а на крыше только-то и стоит, что ржавая металлическая тележка с парой рулонов толя, и размеры у них, у крыши и комнаты, конечно же, одинаковые – двенадцать футов на восемнадцать.

Слева, чуть подальше четвертой опоры, виднелся Остров Сокровищ, струйка дыма от горящего на берегу костра бесследно терялась в тумане. На самой опоре недавно установили здоровую штуку вроде купола, почти шар; треугольные секции сверкали, как начищенная латунь, но Скиннер объяснил, что это просто майлар, натянутый на деревянный каркас. У них там релейная станция, штука такая, которая разговаривает со спутниками; надо сходить как-нибудь посмотреть.

Рядом, на уровне глаз, скользнула серая чайка.

Город выглядел точно так же, как и всегда: частокол административных башен – Шеветта знала их все по номерам, –

а дальше холмы, похожие на спящих бегемотов. И гостиницу эту, ее тоже отсюда должно быть видно, раз оттуда был виден мост.

Вчерашний вечер грубо схватил Шеветту за загривок.

Она сама не верила, что умудрилась сморозить такую глупость. Футляр, вытащенный из кармана этого мудака, переместился в карман скиннеровской куртки, куртка же висит сейчас на железном крюке, сделанном в форме слоновой головы. И добро бы что интересное, а то очки – дорогие, судя по виду, и жутко темные, ничего сквозь них не видно. Гориллы, которые в вестибюле, просканировали на входе значки; с их точки зрения, она так до сих пор и торчит в той гостинице. Компьютер, конечно же, через какое-то время всполошился, начал ее искать. Если они запросят «Объединенную», можно сказать, что доставила пакет в восемьсот восьмой, а потом забыла про проверку на выходе и спустилась служебным лифтом. И ни про какую там пьянку слыхом не слыхала, да и кто ее, собственно, там видел? Да нет, засранец этот видел. И помнит, наверное, не такой уж он был пьяный. И мог сообразить, что это она прихватила его очки. Может, даже почувствовал что-нибудь в тот момент.

Скиннер крикнул, что кофе готов, а вот яиц нет, кончились. Шеветта спрыгнула вниз, ухватила на лету за верхнюю перекладину лесенки и повисла.

– Оставь мне кофе.

Она натянула черные бумазейные лосины и сунула ноги в

ботинки, даже не позаботившись их зашнуровать, а затем открыла люк, который в полу, и вылезла наружу, все еще полная тревожных мыслей про этого засранца, про его очки и свою работу. Теперь вниз, по десяти стальным ступенькам, приваренным к опоре старого подъемного крана. Корзина на месте, там, где она оставила ее вчера. Велосипед тоже на месте, да куда же он денется, прикованный цепью к опоре, с охранной системой да еще с двумя дополнительными сиренами на всякий пожарный случай. Шеветта перевалила через высокую, по пояс, боковину желтой пластмассовой корзины и стукнула по кнопке.

Заскулил мотор; здоровенный зубец, удерживающий корзину на месте, убрался, и она заскользила вниз. Скиннер называл подъемник своим фуникулером. Только он не сам сделал подъемник, его сделал черный парень по фамилии Фонтейн, это когда Скиннеру стало трудно карабкаться наверх и вниз. Фонтейн жил на другом, оклендском, конце с двумя женщинами и целой оравой детей, на нем держалось чуть не все электрическое хозяйство моста. Время от времени он приходил к Скиннеру в своем длинном твидовом пальто с двумя чемоданчиками, по одному в каждой руке, – у него там лежали инструменты. Он смазывал подъемник, проверял и говорил: «Все в порядке». У Шеветты был записан номер, чтобы позвонить ему, если что сломается, но такого еще не было.

При остановке корзину сильно трянуло. Шеветта выбра-

лась на деревянные мостки и пошла вдоль сплошной стены молочно-белого, туго натянутого пластика, ярко подсвеченной изнутри галогенными лампами, испещренной тенями растений. Из-за стены доносилось неустанное бормотание воды в гидропонных грядках. Теперь за угол и вниз, к утреннему шуму и суете моста. Навстречу попался Найджел с одной из своих тележек, самой новой. Работает уже, доставляет.

– Привет, Вета, – широко ухмыльнулся Найджел. Это он ее всегда так называет.

– Яичную бабушку не видел?

– Поближе к городу. – «Городом» был исключительно Сан-Франциско, а Окленд – просто «Земля». – Сильная штука? – Он указал на тележку, малость придурочное лицо расцвело гордой улыбкой творца.

Черненная алюминиевая рама, тайваньские ступицы и ободья, новенькие, сверкающие спицы. Найджел ремонтировал велосипеды, среди его заказчиков были и курьеры «Объединенной» – те, которые все еще катались на металле. Ему не понравилось, когда Шеветта перешла на бумажную раму.

– Хорошая, – кивнула Шеветта, проведя пальцем по безукоризненно гладкому чернению.

– А это японское говно, оно еще не расслоилось?

– Ни в коем разе.

– Не расслоилось, так расслоится. Стукнешь посильнее, и разлетится твоя новомодная хрень, как стекло.

– Вот тогда я и приду к тебе, пожалуюсь.

– Тогда будет поздно, – покачал головой Найджел; облезлый рыболовный поплавок, свисавший с его левого уха, дернулся и закрутился.

Расставшись с Найджелом – он покатил свою тележку в сторону Окленда, – Шеветта нашла старушку и купила у нее три яйца. Каждое яйцо было обернуто двумя большими сухими листьями какой-то травы. Фокус, волшебство. Эту упаковку не хотелось снимать, нарушать ее совершенство, а если уж снимешь, то никогда не завернешь яйца снова, и непонятно, как она это делает. Яичная старушка опустила пятидолларовую монету в маленькую сумочку, висевшую на костлявой шее. Зубов у нее не было, ни одного, от влажной щели запавшего рта радиально расходилась сеть глубоких, словно ножом прорезанных морщин.

Скиннер уже сидел за столом, больше похожим на полку, чем на стол, и пил кофе из стальной, сильно помятой термосной кружки. Вот так вот зайдешь, посмотришь, и он – ну разве это старик? Крупный мужик, ширококостный и совсем не такой вроде и старый. Седые волосы гладко зачесаны назад, на лбу – богатая, за долгую жизнь накопленная коллекция шрамов, вмятины всякие, борозды и пара черных пятнышек вроде татуировки; это где в рану попала какая-то черная пыль да так там и осталась.

Шеветта нарушила волшебство яичной старушки, развернула яйца и положила их в пластиковую миску. Скиннер тя-

жело встал со своего скрипучего стула, поморщился от боли в ноге. Взяв у Шеветты миску, он повернулся к примусу. Яичницу-болтушку Скиннер жарил без масла, на воде, говорил, что научился этому на каком-то корабле у кока. Яичница получалась хорошая, а что сковородку потом не отскребешь, так это уж не его забота. Оставив Скиннера заниматься яичницей, Шеветта подошла к висящей на слоновом крючке куртке и вынула футляр.

Совершенно непонятно, из чего он сделан; верный признак, что вещь дорогая. Что-то такое темно-серое, как карандашный грифель, и тонкое, как та же самая яичная скорлупа; и все-таки почему-то кажется, что по скорлупе этой хоть на грузовике кататься и ничего ей не будет. Вроде японской велосипедной рамы, которую Найджел хает. Как футляр открывать, это Шеветта сообразила еще вчера, – одним пальцем нажать сюда, другим сюда, и все в порядке. Никаких защелок, никаких пружин, ничего. И фирменной марки тоже нет, и номера патента. Внутри – что-то вроде черной замши, только это не замша, а какая-то другая хрень, потолще, и мягкая, как поролон.

И очки, большие и черные. Вроде как у этого Орбисона на постере, приклеенном к стене над Скиннеровой кроватью, *черно-белом* постере. Скиннер говорит: если хочешь приклеить постер, чтобы навсегда, нужно брать не клей, а сгущенное молоко. Молоко из консервной банки. Теперь консервную банку днем с огнем не сыщешь, но Шеветта еще пом-

нила, что это такое, а странный мордастый парень в черных очках вот так вот и был намертво приклеен к белой фанерной стене.

Шеветта вынула очки из футляра; черная, вроде замши, подстилка мгновенно спружинила, выпрямилась, превратилась в гладкую, без малейшей вмятины, плоскость.

Очки беспокоили Шеветту. И не только, что она их украла, а и вообще – странные они были какие-то. Слишком уж тяжелые, даже если учесть большие заушники. Оправа словно выточена из графита, а может, не «словно», а и вправду, вот ведь велосипедная рама: там бумажная серединка покрыта графитом, и это – самая современная технология, «Асахи инжиниринг» иначе не работает.

Стук деревянного шпателя: Скиннер взбалтывает яйца.

Шеветта надела очки. Темнота, полная темнота.

– Кэтрин Хэпберн, – сказал Скиннер.

– А? – переспросила Шеветта.

– У нее тоже были такие вот очки. Большие.

Шеветта взяла зажигалку, лежавшую рядом с примусом, щелкнула и попыталась рассмотреть пламя сквозь одно из стекол. Фиг там.

– И для чего же они такие, для сварки?

Скиннер выложил ее долю яичницы на алюминиевую армейскую тарелку с отштампованным годом выпуска «1952», а затем поставил тарелку на стол, рядом с вилкой и уже налитой кружкой черного кофе.

– Ничего не видно, черные, и все.

Шеветта положила очки на стол, пододвинула табуретку, села и взялась за яичницу. Скиннер тоже сел и начал есть, время от времени поглядывая на Шеветту.

– Советский Союз, – сказал он, глотнув кофе.

– Чего?

– Вот так вот они делали солнечные очки в светлой памяти Советском Союзе. Два завода солнечных очков, и один из них такие вот все время и выпускал. И прямо на склад, ведь никто их не покупал, покупали нормальные, с другого завода. Забили склад под самую крышу.

– Завод выпускал непрозрачные очки?

– Советский Союз, что ж ты хочешь.

– Они там что, были совсем с приветом?

– Не так-то все это просто... А где ты их взяла?

Шеветта взглянула на свою кружку.

– Нашла.

Она взяла кружку со стола, старательно глотнула.

– Работаешь сегодня?

Скиннер встал, заправил рубаху в джинсы, потрогал прожарившую пряжку ремня, перевязанную для верности проволокой.

– С обеда до пяти.

Шеветта взяла очки со стола, взвесила их в руке. Да, слишком уж тяжелые.

– Нужно позвать кого-нибудь, чтобы проверил топливные

элементы.

– Фонтейна?

Скиннер не ответил. Шеветта уложила очки на черную замшу, закрыла футляр, встала, собрала со стола посуду и отнесла к раковине. Искоса взглянула на футляр.

Выкинуть надо, подумала она, и дело с концом.

Когда дипломатия бессильна

В тот же день, поближе к вечеру, Райделл сел в Бербанке на конвертиплан «Кал-Эр». Фредди, мужик из Сан-Франциско, сказал: приходи на аэродром, я забронирую билет и оплачу. Пассажиры здесь были попроще, и «Кал-Эр» считала излишним баловать их компьютерными развлечениями. Противно пищали дети. Райделлу досталось место у окна. Внизу плыла россыпь огней, чуть размытая и радужная, — кто-то из предыдущих пассажиров прислонился к стеклу набриолиненной головой. Калифорнийская долина. Бирюзовые бездны плавательных бассейнов, подсвеченных из-под воды. Большая это теперь редкость — плавательный бассейн. Тупая боль в руке.

Райделл прикрыл глаза и увидел отца, стоящего у кухонной раковины их флоридского автофургона. В этот момент смерть уже вызревала в нем, превращалась в факт, какая-то грань была пройдена. Отец стоял у раковины, мыл стакан и говорил о своем брате. Дядя Райделла был на три года младше отца и к тому времени пять лет уже как умер; однажды он прислал Райделлу из Африки футболку в пакете с мягкой, из пузырчатого пластика, подкладкой и с армейскими марками. На марках был один из древних бомбардировщиков, «В-52», и надпись: «КОГДА ДИПЛОМАТИЯ БЕССИЛЬНА».

– Как вы думаете, это что – Прибрежный хайвей?

Райделл открыл глаза. Соседка чуть привстала и вглядывалась в затянутый бриолиновой пленкой иллюминатор. Старая, старше, чем был бы сейчас отец, и похожа на миссис Армбрастер из пятого класса.

– Не знаю, – сказал Райделл, – может быть. То есть, – добавил он, – мне они все кажутся улицами, я не здешний.

Любознательная соседка улыбнулась и снова втиснулась в узкое кресло. Ну точно как миссис Армбрастер, такое же дикое сочетание твида и оксфордского хлопка, та же индейская накидка. Уж эти бодрые старушонки в крепких, на толстой подошве ботинках!

– Никто из нас не здешний. – Морщинистая рука похлопала Райделла по коленке цвета хаки. («Да оставь ты себе эти брюки», – сказал Кевин.) – Такие уж времена.

– У-гу, – промычал Райделл, отчаянно нащупывая кнопку, опускающую сиденье, маленький стальной кружок, который поможет опрокинуться в некое подобие сна. Он снова закрыл глаза.

– Хорошо, что до Сан-Франциско так близко. Я лечу туда, чтобы перевести своего покойного мужа в одну из малых криогенных фирм, – не отставала «миссис Армбрастер». – В фирму, предоставляющую клиентам *индивидуальные* консервационные модули. Реклама называет их «салонами» – гротескно, не правда ли?

Райделл нашел кнопку и выяснил, что «кал-эровские» си-

денья откидываются не больше чем на десять сантиметров.

– Он в крио – сколько же это? – уже девять лет, и все это время я с ужасом думаю, что его мозг болтается там, в этом гелии, вместе с сотнями других. Завернутый в фольгу. Ну совсем как печеная картошка, верно?

Райделл открыл глаза. В данной ситуации не подходил ни один из возможных ответов.

– Или как кроссовки в сушилке, – сказала старуха. – Я понимаю, что все они насквозь промерзшие, и все равно вот как-то не чувствуется в этом настоящего, достойного *упокоения*.

Райделл разглядывал спинку переднего сиденья. Голый пластик. Серый. Безо всякого всего – телефона и того нет.

– Конечно же, эти маленькие конторы не могут обещать ничего нового в смысле грядущего пробуждения, но так будет пристойнее. Я *уверена*, что так будет пристойнее.

Молчать дальше было уже просто невежливо. Райделл повернул голову и, сам того не желая, встретился со старухой взглядом. Светло-карие глаза запутались в паутине тончайших морщинок.

– К тому времени, как он отгадает – или что уж там они с ним в конечном итоге сделают, – меня к тому времени уже не будет, я не буду при этом присутствовать. Идея замораживания в корне противоречит моим принципам. Мы постоянно с ним спорили. Я не могла забыть о миллиардах мертвецов, о бесчисленных людях, умирающих в *бедных* странах. «Дэ-

вид, — говорила я, — ну как ты можешь *помыслить* о таком, когда большая часть человечества не знает, что такое кондиционер?»

Райделл открыл рот. И снова закрыл.

— Лично я имею членский билет «Угасни в полночь».

Райделл не понимал выражения «членский билет», а вот что такое «Угасни в полночь», это он знал. Общество коллективной самоэвтаназии, запрещенное в штате Теннесси, только кто же сейчас смотрит на законы и запреты? Рассказывали, что они даже накрывают для врачей и санитаров скорой помощи стол — печенье обычно и молоко. Собираются группой в восемь-девять человек и — прямиком на тот свет. Никого не подводят, травятся хитрыми смесями лекарств, имеющих в свободной продаже, ни стуку ни гроку, сплошная благодать, вот они какие, эти УП. Упыри — так называют их санитары.

— Простите, пожалуйста, мэм, — сказал Райделл, — но мне просто необходимо немного поспать.

— Спите, юноша, спите, у вас и вправду очень усталый вид.

Райделл откинул голову на спинку, закрыл глаза и открыл их снова только тогда, когда резко изменился рев двигателей; конвертиплан шел на посадку.

— Томми Ли Джонс, — произнес черный парень.

Его прическа напоминала перевернутый цветочный горшок, обвитый аккуратно выдавленной спиральной дорож-

кой. Нечто вроде шрайнерской¹¹ фески, только без кисточки. Росту – пять футов, ядовито-желтая рубаха на три размера велика и разукрашена пистолетами всех существующих в природе систем, в натуральную величину, огромные темно-синие шорты болтаются ниже колен, круглые зеркальные очки со стеклами размером в пятидолларовую монету, длинные гольфы, кроссовки с крошечными красными светлячками по краю подошв.

– Обознался, – сказал Райделл.

– Не, мужик, ты *выглядишь* точно как он.

– Как кто?

– Томми Ли Джонс.

– Кто?

– Это, мужик, *актер* был такой.

Райделл на секунду решил, что этот парень тоже из последователей преподобного Фаллона. Вот даже очки – один к одному как Саблеттовы линзы.

– Ты Райделл. Мы прогнали тебя через «Двойника».

– Так ты – Фредди?

«Двойником» называлась полицейская программа, очень полезная при розыске пропавших. Сканируешь фотографию нужного тебе человека, получаешь на выходе фамилии полудюжины знаменитостей, а затем начинаешь опрашивать всех

---

¹¹ *Шрайнеры* (от *англ.* shrine – святыня) – члены Древнего арабского ордена аристократов Таинственной Святыни (американская масонская ложа, образованная в конце XIX в.).

подряд, не попадался ли им в последнее время некто, хоть отдаленно напоминающий А, В, С... Станным образом, эта методика давала гораздо лучшие результаты, чем если попросту показывать людям снимок. В Ноксвиллской академии инструктор объяснял курсантам, что так в работу вовлекается отдел мозга, куда отложены сведения о знаменитостях. Райделл представлял себе этот отдел как специальный бугор или там шишку, занимающуюся кинозвездами, и ничем кроме. Интересно, неужели и вправду такие есть? Тогда понятно, почему Саблетт все фильмы наизусть знает, шишка у него большая. Только вот когда Райделла прогоняли через «Двойника» в академии, получилось, что он точь-в-точь похож на Хауи Клактона, бейсболиста из Атланты, и никаких тебе Томми Ли Джонсов. Да и с Хауи Клактоном дело очень сомнительное, во всяком случае, сам Райделл не усматривал никакого сходства между собой и этим типом.

– Багаж есть? – спросил Фредди, протягивая Райделлу очень большую и очень мягкую ладонь.

– Только это. – Райделл подхватил свой «самсонит».

– А вон там мистер Уорбэйби.

Фредди указал кивком на одетую в полувоенную форму охранницу, проверявшую у пассажиров корешки билетов. Нет, не на охранницу, а чуть левее, где за барьером маячила чудовищная фигура негра, такого же широкого, как и сам Фредди, но раза в два выше.

– Большой человек.

– Угу, – кивнул Фредди, – и нам бы лучше поскорее, чтобы он долго не ждал. У мистера Уорбэйби болит нога, я говорил ему: да сидите вы в машине, но он буквально *настоял*, что придет сюда и встретит тебя лично.

По пути к турникету и пока охранница проверяла посадочный талон, Райделл внимательно изучал своего нового работодателя. Шесть с лишним футов, широкий, как шкаф, но главное, что огромный этот человек лучился огромным спокойствием – спокойствие, а еще какая-то такая печаль на лице. Черный телевизионный проповедник, которого отец смотрел в последние месяцы, вот у него было такое же лицо. Смотришь на этого проповедника, на его лицо, и чувствуешь, что он успел повидать все печальное дерьмо, какое только бывает, чувствуешь и вроде как начинаешь ему верить. Во всяком случае, отец верил. Может быть. *Отчасти* верил.

На негре было длинное пальто из оливкового, ромбиками простеганного шелка.

– Люциус Уорбэйби, – сказал он, вытаскивая из глубоких карманов огромные, Райделл таких в жизни не видел, ладони. В неимоверно низком голосе почти ощущались инфразвуковые гармоника. На старомодном, тяжелом, как кастет, кольце сверкала надпись алмазной крошкой по золоту: «УО-РБЭЙБИ».

– Рад познакомиться, мистер Уорбэйби.

Рука Райделла утонула в гигантской черной клешне, его пальцы ощутили колкую шершавость алмазов.

Черный с загнутыми вверх полями стетсон сидел на голове Люциуса Уорбэйби ровно, как по ватерпасу, очки – прозрачные, без диоптрий, стекла в тяжелой черной оправе – не исполняли никаких функций, кроме чисто декоративных. Сквозь никчемные эти стеклышки печально глядели чуть раскосые глаза необычного, золотисто-коричневого оттенка. Китайские глаза, решил про себя Райделл. Или кошачьи.

Великий сыщик опирался на больничный, с регулируемой длиной костыль; его новехонькие черные джинсы были заправлены в зеркально начищенные ковбойские сапоги трех разных оттенков все того же черного цвета, под левой штаниной угадывались контуры углеродно-волоконной шины.

– Ты вроде бы прилично водишь машину. – В голосе Уорбэйби звучала черная, беспросветная тоска. – Хуанито говорит, ты не знаешь этих мест...

– Совершенно не знаю.

Райделл никогда еще не слышал, чтобы Эрнандеса называли Хуанито.

– Это хорошо, – продолжал Уорбэйби. – Значит, и тебя здесь не знают. Фредди, возьми у парня сумку.

Фредди с явной неохотой освободил Райделла от багажа. По его лицу можно было подумать, что «самсонитовская» сумка – нечто не совсем пристойное, с чем не стоит появляться на людях.

Украшенная кольцом рука опустилась на плечо Райделла. Создавалось впечатление, что кольцо это весит фунтов трид-

цать.

– Хуанито говорил тебе, чем мы тут занимаемся?

– Сказал, что гостиничная кража. Что «Интенсекьюр» привлек вас по контракту и...

– Да, вот именно, кража. – Судя по виду и голосу Уорбэйби, на нем лежала ответственность за все беды земные и он твердо решил нести свое непосильное бремя до конца – каким бы ни был этот конец. – Нечто пропало. А теперь еще возникли... *осложнения*.

– Какие?

– Человек, заявивший о пропаже, умер, – тяжело вздохнул Уорбэйби.

В золотистых глазах – острый, настороженный блеск. Тяжелая, как гиря, рука убралась наконец с плеча Райделла.

– Умер? Каким образом?

– Убийство, – сказал Уорбэйби. Сказал тихо, печально, но очень отчетливо.

– Ты задаешься вопросом, откуда у меня такая фамилия, – сказал Уорбэйби, успевший уже втиснуть свое огромное тело на заднее сиденье черного фордовского «Патриота».

– Я задаюсь вопросом, в какую дырку засунуть ключ зажигания, – пробурчал Райделл, изучавший непривычную приборную панель.

Американские производители упорно ставили на свои машины приборы, по одному на каждый показатель, в то время

как весь остальной мир давно перешел на дисплеи. Возможно, именно поэтому в мире так мало американских машин. И мотоциклов с цепной передачей вроде «харлей-дэвидсона», тоже мало.

– Моя бабушка была вьетнамкой, – пророкотал Уорбэйби. Вот с таким, наверное, звуком скальная платформа, подпирающая Калифорнию, сдвинется однажды с места и ухнет куда-нибудь там в Китай. – А дедушка – из Детройта. *Солдат*. Привез ее из Сайгона, но потом они разбежались. *Мой* папа, его сын, сменил свою, то есть *его*, фамилию на Уорбэйби¹². Жест такой. Дань чувствам.

– У-гу, – промычал Райделл, запуская двигатель «форда» и проверяя трансмиссию. Для него Сайгон был местом, куда богатенькие ребята летают отдыхать.

Привод на все четыре колеса. Керамическая броня. Гудировские «стритсвиперы», хорошие шины, враз не прострелишь, разве что из очень серьезного оружия. Перед вентиляционной решеткой болтается картонный освежитель воздуха, сделанный в виде симпатичной такой елочки.

– А насчет «Люциус» – этого я тебе сказать не могу.

– Мистер Уорбэйби, – раздраженно обернулся Райделл, – куда мы едем?

Негромко загудел вмонтированный в приборную доску модем.

– Мать твою, – присвистнул Фредди. – Ну что, суки, де-

---

¹² Warbaby (англ.) – дитя войны.

лают!

Райделл взглянул на выползавший из прорези факс. Толстый, абсолютно голый мужик на пропитанной кровью простыне. Лужа, море крови, не верится даже, что в человеке ее так много.

– Что это у него под подбородком? – спросил Райделл.

– Кубинский галстук.

– Нет, правда, что это? – Райделл говорил высоким, дрожащим, непривычным для самого себя голосом.

– Его собственный язык.

Фредди сорвал факс и передал его на заднее сиденье.

Райделл слышал шорох бумаги.

– Страшные люди, – сказал Уорбэйби. – Ужасно.

Современные танцы

Ямадзаки сидел на низкой деревянной табуретке и смотрел, как Скиннер бреется. Для такого случая Скиннер опустил ноги с кровати на пол; он выскребал лицо одноразовой бритвой, окуная ее время от времени в серый помятый алюминиевый тазик, зажатый между коленями.

– Бритва старая, – сказал Ямадзаки. – Вы не собираетесь ее выбросить?

Скиннер взглянул на пластиковую бритву, затем на японца.

– Дело в том, Скутер, что после некоторого момента эти штуки больше не тупятся.

Он намылил и выбрил верхнюю губу. Первые дни Ямадзаки был Кавасаки. А теперь вот – Скутер. Выцветшие, полуприкрытые красными набрякшими веками глаза старика смотрели спокойно, равнодушно, однако Ямадзаки казалось, что Скиннер внутренне смеется.

– Вам смешно на меня смотреть?

– Сегодня – нет. – Скиннер уронил бритву в тазик, хлопья пены и седые волоски шустро разбежались к краям. Поверхностное натяжение. – Во всяком случае, не так, как в тот день, когда ты гонялся за говешками.

Ямадзаки потратил недавно целое утро на составление

схемы канализации группы жилищ, которую он называл про себя «квартал Скиннера». Прозрачные пятидюймовые шланги превращали это не очень аппетитное занятие в нечто вроде увлекательной детской игры. Ямадзаки выбирал какой-нибудь приметный ком отходов и следил, как тот движется от одного жилища к другому. Шланги свисали изящными, безо всякого порядка расположенными дугами, перепутывались, как нервные волокна, уходили в тысячегаллонный буферный бак, приваренный под мостом. Скиннер сказал, что, как только бак наполняется, ртутный выключатель, управляемый поплавком, приводит в действие струйный насос и все накопившиеся отбросы перекачиваются по трехфутровой трубе в городскую канализацию.

Интересный пример связи между автономной подпрограммой моста и программой города, есть о чем подумать, но сейчас гораздо важнее вытащить из Скиннера историю моста. Убеденный, что именно Скиннер обладает ключом к экзистенциальному смыслу моста, Ямадзаки полностью забросил прямые физические исследования здешних, крайне необычных структур, чтобы проводить в компании старика как можно больше времени. Ежевечерне он отсылал собранные за день материалы на кафедру социологии Токийского университета.

Сегодня по пути к лифту он разминулся на лестнице с этой девушкой, она несла вниз велосипед. Девушка работает где-то в городе, курьером.

Важно ли, что Скиннер делит кров с особой, зарабатывающей хлеб свой насущный на этом архаичном перекрестке информации и топографии? Конторы, между которыми она мечется на велосипеде, объединены электронно, являясь, по сути дела, одним огромным рабочим местом, все расстояния смазаны и упразднены монолитной системой, обеспечивающей мгновенную связь. Но ведь эту самую монолитность, благодаря которой материальная почта стала дорогостоящим капризом, можно рассматривать и как пористость, естественным образом создающую спрос на услуги, предоставляемые Скиннеровой жилищкой. Физически перенося клочки информации за пределами вездесущей, из той же самой информации состоящей Сети, она обеспечивает абсолютную, осязаемую надежность, нечто вроде твердой опоры в текучем, безбрежном океане. Вы знаете, что посланное вами письмо находится в сумке курьера и нигде кроме; если обратиться к услугам электроники, в момент передачи текст окажется *нигде*, а может – *везде*.

Ямадзаки находил Скиннерову девушку с белыми крепкими ногами и воинственно вздернутым хвостиком черных, чуть рыжеватых волос привлекательной, хотя и странноватой. Иностранка...

– Засыпаешь, Скутер?

Скиннер отставил тазик и привалился плечами к горе серых, чуть ли не плесневелых подушек. Фанерная, выкрашенная в белый цвет стена негромко скрипнула.

– Нет, Скиннер-сан. Но вы обещали рассказать мне про первую ночь, когда люди решили захватить мост...

Ямадзаки включил свою книжку на запись. Негромко и почтительно он произносил слова, специально подобранные, чтобы вызвать в собеседнике раздражение, развязать ему язык.

– Я ничего не *обещал*. Я уже говорил тебе, что... – Руки Скиннера слегка подрагивали.

– Но ведь как-то это случилось.

– Случиться может все, что угодно. *Случилась* та ночь. Никаких планов, никаких сигналов и вождей. А вы думаете, что это была политика. Этот танец, мальчик, он давно закончился.

– Но вы говорили, что люди были «готовы».

– Готовы, но не на все, что угодно. Вот этого-то ты, похоже, и не понимаешь – верно? Мост – мост, он был здесь, но нам совсем не казалось, что он нас *ждет*. Ты понимаешь разницу?

– Я думаю...

– Ты думаешь жопой – и мысли у тебя соответственные.

Идиоматика Скиннера нередко приводила записную книжку в замешательство. К тому же он говорил не очень разборчиво, проглатывал куски слов. Экспертная система Осацкого университета высказала предположение, что у данного субъекта повреждены ткани головного мозга, причиной чего может быть либо употребление низкокачествен-

ных наркотиков, либо микроинсульт. Сам же Ямадзаки думал, что Скиннер попросту слишком уж долго находился в сфере действия странного аттрактора, который и позволил мосту стать тем, чем он стал.

– Никто... – Скиннер говорил медленно, с расстановкой, словно подчеркивая значение своих слов. – Никто не *использовал* уже мост, ни для какой цели. И не собирался использовать, ты понимаешь?

Ямадзаки кивнул, глядя, как на экран ложится перевод Скиннеровых слов.

– Землетрясение раздолбало его на хрен. Туннель к острову завалило. Здесь же зона тектонической неустойчивости. Сперва они говорили, что подождите, все отстроим, от нуля, лучше, чем раньше, а потом оказалось, что нет денег. Тогда они огородили его с обоих концов бетонными надолбами, кольчужной сеткой, колючей проволокой. А потом появились немцы, года, наверное, через два, и продали им нанотехнологию, как построить новый туннель. Дешевый, для машин и поезда на магнитной подушке *одновременно*. Ты не поверишь, как быстро они все сварганили – как только сумели уломать в законодательном собрании зеленых, протащить проект. Ясное дело, это зеленое биотехническое лобби, оно заставило их выращивать секции в Неваде, в пустыне. Вроде как тыквы. Затем они притащили секции сюда вертолетами и покидали в залив. И соединили. Крошечные механизмы ползали там, как тараканы, скрепили все намертво, ал-

ле-гоп! – и вот вам туннель. А мост – мост так и остался.

Ямадзаки затаил дыхание, опасаясь, что Скиннер потеряет нить рассказа. Он делал это часто и, похоже, намеренно.

– Была эта женщина, она все повторяла, что нужно засадить его ползучими растениями, виргинским плющом... Другие, они говорили: снесите его к чертовой бабушке, а чего его сносить, еще одно землетрясение, и сам упадет. Одним словом – стоял он, мост. В городах уйма народу и негде жить. Картонные поселки в парках – так это еще кому повезет. Из Портленда привезли спринклеры, установили вокруг зданий. Обрызгивают все вокруг и не очень вроде сильно, но уже на землю не ляжешь, не захочется. Хреновый он город, Портленд этот, такую пакость изобрели... – Скиннер закашлялся. – А затем, однажды ночью, люди взяли и *пошли*. Теперь чего только не рассказывают, как это вышло. И дождь тогда хлестал – страшное дело. Не лучшая погода для бунта.

Перед глазами Ямадзаки стояли два пролета заброшенного моста, ливень, разбухающие, как на дрожжах, толпы. Он видел, как люди штурмовали заграждения, облепили кольчужную сетку. Как сетка не выдержала веса сотен тел и упала. Затем они полезли на устои, многие падали и разбивались, но остальные упорно карабкались вверх. Утром насчитали больше тридцати трупов, вертолеты информационных агентств кружили вокруг стальных, облепленных людьми башен, как большие встревоженные стрекозы.

Ямадзаки много раз видел эти сцены у себя в Осаке, на

экране видеомэгнитофона, а Скиннер – он был там.

– Тысяча людей, а может, и больше. Это с нашего конца. И еще тысяча там, в Окленде. Мы пошли, потом побежали. Копы и не пытались нас остановить, да и чего бы ради? Чего там было сторожить? Просто у них был приказ предотвращать беспорядки, не позволять людям собираться большими толпами. У них и вертолеты были, светили на нас прожекторами сверху, через дождь. Это нам только помогало. У меня сапоги были, такие, с острыми носами. Подбежал к сетке, она была высотой футов в пятнадцать. Вбил с размаху в нее сапоги и полез. Лезть на такую сетку очень просто, всегда есть опора для ног. Лезешь себе и лезешь. Я буквально взлетел наверх. Там колючка спиралями, но люди, которые сзади, подавали доски, куртки, спальники – все, что угодно, чтобы накрыть колючку. У меня было такое чувство, словно я... ну, совсем ничего не вешу.

А у Ямадзаки было чувство, что он подобрался к самому сердцу проблемы.

– Я прыгнул. Не знаю уж, кто прыгнул *первым*, я просто прыгнул. Ударился о бетон. Кричали, все кричали. На той стороне, в Окленде, тоже прорвали заграждения. Там сетка была пониже. Мы видели, как они бегут по мосту. Полицейские вертушки освещали их прожекторами, а еще у некоторых были сигнальные красные фонари. Они бежали к Острову Сокровищ. С того времени, как ушли военные моряки, там никого не было. Мы тоже бежали. Встретились посе-

редине и заорали: «Ура!» – все вместе... – Глаза Скиннера смотрели куда-то внутрь, в далекое прошлое. – А потом все пели – гимны, псалмы, да любую хрень. Толклись просто на месте и пели. Как сдуревшие. Я и многие другие, мы были под кайфом. И мы видели копов, как они прут с обеих сторон. Суки подлые.

Ямадзаки судорожно сглотнул.

– И что тогда?

– Мы полезли. На башни эти, на устои. На них же, понимаешь, ступеньки были приварены, чтобы малярам забираться. Ну мы и полезли. К тому времени уже прилетели телевизионные вертолеты. Мы были сенсацией, нас показывали всему миру, а мы ничего не знали. Я так точно не знал. А и знали бы, так нам бы все равно это похрену. Мы просто лезли. А эти, с вертолетов, снимали и передавали все прямым эфиром. На другой день, потом, у копов была веселенькая жизнь, они же тоже засветились. Ребята падали, срывались и падали. Парень прямо передо мной, у него ботинки были обмотаны изоляционкой, чтобы подошва не отваливалась. Лента размокла, сползла, ноги соскальзывают. Прямо у меня перед мордой соскальзывают и соскальзывают, не увернешься – так каблуком в глаз... Сорвались у самого верха, обе сразу, ну будто договорились.

Скиннер замолк, словно прислушиваясь к отдаленному звуку. К удару тела о мостовую? Ямадзаки затаил дыхание.

– Когда лезешь наверх, сюда, – снова заговорил Скин-

нер, – первое, что надо запомнить, это не смотри вниз. Второе – чтобы всегда три точки опоры, отрывай от моста только одну руку или ногу, а остальными держись. А этот чудик, он этого не знал. Да еще в таких ботинках. Вот и полетел, спиной вниз. Не крикнул, не пискнул. Вроде как... ну... мужественно.

Ямадзаки зябко поежился.

– А я как лез, так и лез. Дождь кончился, рассвело. Вот тут и остался.

– И что вы при этом чувствовали?

– Чувствовал? – недоуменно сморгнул Скиннер.

– Ну тогда – что вы сделали, когда взобрались наверх?

– Я увидел город.

Желтая люлька напоминала одноразовую пластиковую чашку, выкинутую великаном. Ямадзаки опустил Скиннеровым лифтом туда, где начиналась лестница, сделал шаг и замер. Из темной приоткрытой двери доносились шлепанье карт, женский смех, возбужденные голоса, говорящие по-испански, а над всеми этими звуками, не заглушая их, но лишь оттеняя, – ровный, неумолчный шум вечерней жизни. За огромными, изогнутыми, как надутые паруса, листами пластика – винно-красный закат, вечерний бриз доносит запахи пригорелого масла и древесного дыма, сладковатый аромат гашиша. Мальчишки в драных кожаных куртках сидят на корточках, передвигают гладкие, ярко выкрашенные камешки – фишки в какой-то непонятной игре.

Ямадзаки стоял не двигаясь, его правая рука лежала на деревянном поручне, испещренном дефисами аэрозольного серебра. Рассказ Скиннера гулом отдавался во всем окружающем, в тысяче мелких деталей, в неумытых улыбках и кухонном дыме, словно звон колокола, слишком низкий, чтобы его восприняло неопытное ухо чужака.

Закончилось не столетие, думал он, и даже не тысячелетие, закончилось нечто другое. Эра? Парадигма? Везде приметы конца.

Кончалась современность.

Здесь, на мосту, она давно уже кончилась.

А что родилось взамен? Теперь он пойдет к Окленду, прощупывать странное сердце этого нового, народившегося.

Крути педали

Сегодня, во вторник, она была как в отрубеве. Драйва не было, наката. Банни Малатеста, диспетчер, он-то сразу просек и загундосил:

– Шев, не пойми меня не так, но у тебя что, месячные или что?

– Иди ты на хрен.

– Слышь, я же только и хотел сказать, что сегодня ты не такой, как всегда, живчик, только и хотел сказать.

– Давай адрес.

– Миссури, шестьсот пятьдесят пять, пятнадцатый, приемная.

Взяла пакет, двинула на Калифорнийскую, пятьсот пятьдесят пять, пятьдесят первый этаж. Сдала, получила подпись на корешке – и назад. День, такой многообещающий вначале, превращался в серую тягомотину.

– Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть, тридцать третий, приемная, поднимайся грузовым лифтом.

Вложив уже руку в опознавательную петлю велосипеда – замерла.

– А это еще почему?

– Они говорят, курьеры исцарапали надписями все пассажирские лифты. Так что – грузовой, иначе они вышвыр-

нут тебя и отнимут допуск, а «Объединенная» разорвет контракт. Ты же не хочешь без работы остаться, нет?

Она вспомнила эмблему Рингера, вырезанную на стенке одного из пассажирских лифтов этого самого Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть. Долбанный Рингер испоганил больше лифтов, чем кто-либо другой в истории человечества. Инструменты с собой специально таскает, совсем спсихел.

В четыреста пятьдесят шестом ее нагрузили коробкой шире, чем по правилам, можно бы отказаться, но ничего, на багажник поместится, зачем передавать работу этим, с коляской? Отвезла, сдала, не успела выйти, как позвонил Банки, послал на Бил-стрит, пятьдесят, в кафе на втором этаже. Шелветта сразу догадалась, что там будет такое: дамская сумочка, завернутая в пластиковый мешок. И верно – коричневая кожаная сумка, кожа непонятная, то ли змеиная, то ли с ящерицы, а из угла какие-то зеленые стебельки торчат. Бабы всегда так – забудут свою сумку, потом вдруг вспомнят, звонят управляющему и просят: пришлите с рассылным. Дают хорошие чаевые. Обычно. Рингер и некоторые другие, они обязательно пороются в сумке, нет ли там наркотиков, если есть – прикарманят. А вот я такого не сделаю, подумала Шелветта. И сразу же вспомнила этого засранца с его сраными очками...

Сегодня ей много не наработать. В «Объединенной» не было системы, что отвез пакет – тут же получаешь новый ад-

рес и крути педали; за каждым заказом приходилось возвращаться в диспетчерскую. Иногда, конечно, повезет – что-нибудь, как сейчас, срочное, и звонят: возьми там, отвези туда, а потом еще раз и еще, тогда за день набирается много доставок, но это редкость. Курьеры «Объединенной» выкладываются до предела. Однажды Шеветта сумела сделать за день шестнадцать ездов, так это было все равно что сорок в другой фирме.

Она отвезла сумку на Фултон-стрит и получила две пятерки – после того как клиентка проверила, все ли на месте.

– По правилам ресторан должен был сдать ее копам, – сказала Шеветта. – *Мы* не любим брать на себя ответственность.

Пустой, непонимающий взгляд сумковладелицы, какой-то секретарши или еще что. Шеветта спрятала пятерки.

– Алабама, двести девяносто восемь, – провозгласил Банни, словно преподнося ей бесценную жемчужину. – Хорошая разминка.

Ну да, пока туда доберешься – жопу до костей сотрешь. А потом – доставка. И сюда еще возвращаться, вот день и кончится. С такими маршрутами хрен что заработаешь.

И очки еще эти...

– Из тактических соображений, – сказала блондинка, – мы не одобряем использование насилия и черной магии в отношении частных лиц. *Пока.*

Шеветта только что вернулась в контору, на сегодня –

все. Блондинка говорила с плоского си-эн-эновского экранчика, повешенного над дверью диспетчерской. Лицо ее было затянуто чем-то вроде черного чулка с тремя треугольными дырками для глаз и рта. По нижнему краю экрана светились голубоватые буквы: «ФИОНА ИКС, ПОЛНОМОЧНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ САУТ-АЙЛЕНДА»¹³.

Залитый слепящим светом флюоресцентных ламп коридор насквозь пропах горячим стиролом, копировальным порошком и пропотевшей обувью. А еще – лежалыми обедками прихваченных из дома завтраков. Этот запах на мгновение воскресил в памяти Шеветты муниципальный детский садик в Орегоне, промозглую сырость неотапливаемого помещения, унылые лучи бесцветного зимнего солнца, косо падающие сквозь высокие, густо покрытые пылью окна. Безрадостные воспоминания длились недолго – хлопнула входная дверь, по металлическим ступенькам загрохотали шаги, через мгновение Шеветту догнал Сэмьюэл Саладин Дюпре. Огромные, умопомрачительно красные кроссовки густо залепаны грязью, подсохшие брызги той же самой грязи облепили широкое, от уха до уха улыбающееся лицо.

– Чего лыбишься?

Сэмми Сэл Дюпре, самая мощная и красивая двухколесная машина в штате «Объединенной», вне всякой конку-

---

¹³ Саут-Айленд, или Южный остров, – самый большой из островов Новой Зеландии.

ренции. Под шестью футами двумя дюймами черного электричества угадывается невероятного совершенства каркас, прочный, как легированная сталь, подвижный, как ртуть. Шеветте иногда казалось, что кости у Сэмми и вправду металлические – вроде как у этого парня из старого кино, которого перекалечили, а он сделал себе протезы и пошел в политику. Тело Сэмми вызывало у большинства девиц острое желание шлепнуться на спину и раздвинуть ноги – у большинства, но не у Шеветты, прекрасно знавшей, что Сэмми голубой. Не говоря уж о том, что последнее время она как-то утратила интерес к этому занятию.

– Правду говоря, – сказал Сэмми Сэл, стирая тыльной стороной ладони грязь со щеки, – я решил убить Рингера. А правда, как тебе известно, дает *свободу*...¹⁴

– Ясненько, – кивнула Шеветта. – Тебя посылали сегодня в четыреста пятьдесят шестой.

– Да, лапа, да, именно так и было. На самую верхотуру, грязным служебным лифтом. Грязным, *еле ползущим* служебным лифтом. А почему бы это, как ты думаешь?

– Потому что они обнаружили на своей драгоценной латуни и нежно любимом розовом дереве высокохудожественную резьбу некоего неизвестного им, но прекрасно известного нам мастера.

– Точнехонько, зайка. – Сэмми Сэл снял с шеи белую с

---

¹⁴ Аллюзия на Евангелие от Иоанна (8: 32): «И познаете истину, и истина делает вас свободными».

синим бандану и вытер лицо начисто. – А потому этот придурак умрет в страшных мучениях.

– ...И обязан незамедлительно перейти к саботажу, – сказала Фиона Икс. – Каждый уклонившийся будет объявлен врагом человечества.

Дверь диспетчерской, увешенная сменными графиками, картами городских районов, мунистскими воззваниями и жалобами, полученными от клиентов по факсу, настолько плотно, что Шеветта даже не знала, какая поверхность скрывается под этой многослойной бумажной массой, распахнулась. Банни, словно встревоженная черепаха, высунул в коридор покрытую шрамами, неровно выбритую голову, прищурился от яркого света и взглянул вверх, привлеченный агрессивным голосом Фионы Икс. При виде чулочной маски лицо Банни стало абсолютно безразличным, внутренний переключатель каналов в этой битой-лупленой башке сработал чуть ли не быстрее, чем глаза сфокусировались на экране.

– Ты. – Теперь он уставился на Шеветту. – Зайди-ка сюда.

– Не уходи, Сэмми, – сказала Шеветта. – Я сейчас.

Банни Малатеста мотался по Сан-Франциско на велосипеде тридцать лет кряду, мотался бы и дальше, не забарахлил у него суставы и позвоночник. Работать с ним было очень хорошо – и одновременно очень плохо. Хорошо потому, что велосипедная карта города, хранившаяся в его шербатой репе, далеко превосходила все, что может вывести на экран компьютер. Банни знал каждое здание, каждую дверь, повадки

всех охранных служб, знал курьерское дело *насквозь*. Более того, он знал весь курьерский фольклор, всю неписаную историю; слушая его рассказы, ты ощущал себя частью чего-то большого, хотя иногда и бредового, чего-то такого, что стоит делать. Да он и сам был живой легендой. Банни, ослепивший за свою карьеру семь полицейских машин – рекорд, до сих пор никем не побитый. Плохо – по тем же самым причинам, такому профи лапшу на уши не повесишь. Любого другого диспетчера можно было задурить, только не Банни. Он все знал и не давал никаких послаблений.

Банни подождал, пока Шеветта войдет в диспетчерскую, и закрыл дверь. На его жилистой шее болтались старые, скрепленные прозрачным скотчем наглазники. Окон в тесной конуре не было, лампы не горели – Банни считал, что ему вполне достаточно света, исходящего от полудюжины цветных мониторов, расставленных полукругом перед его черным вращающимся креслом. Патентованная медицинская подушка, привязанная к спинке кресла, напоминала розовую, чудовищно раздувшуюся гусеницу.

Банни потер спину, чуть повыше крестца, и болезненно сморщился.

– Позвонок проклятый, – сказал он не то чтобы Шеветте, а так, никому.

– Попросил бы Сэмми Сэла вправить, – посоветовала Шеветта. – У него здорово получается – хрустнет и на месте.

– Спасибо, у меня уже один раз хрустнуло. А теперь рас-

скажи, чем ты занималась вчера в «Морриси». Пустяковый вопрос, тебе ведь нечего скрывать.

– Доставляла пакет, – сказала Шеветта, переходя в автоматический режим, как всегда, когда появлялась необходимость убедительно соврать. Она ожидала чего-то подобного, но не так же скоро.

Банни неторопливо снял наглазники с шеи, отключил их, положил на один из мониторов.

– А чего же это ты не отметилась на выходе? Охранники звонят мне, говорят, что ты вошла – точно вошла, они просканировали значки – и пропала. Испарилась. Слушайте, ребята, говорю я им, *сейчас* ее в вашей гостинице нету, я это точно знаю, потому что видел эту красавицу здесь собственными глазами, только что послал ее на Алабама-стрит.

Он внимательно следил за реакцией Шеветты.

– Понимаешь. Банни, – без запинки заговорила Шеветта, – это ж была последняя ездка, я торопилась, а велосипед остался на подземной стоянке. Увидела служебный лифт, идущий вниз, и вскочила, чтобы напрямую. На выходе, конечно же, нужно отмечаться, но я решила, что там, на *выезде*, тоже кто-нибудь стоит. Поднялась по пандусу, а там никого, а сзади машина едет, ну я и рванула на улицу. Мне что, нужно было вернуться и отметитья?

– Да, и ты сама это знаешь. Такие правила.

– Спешила я, поздно уже было.

Банни опустилсся, покряхтывая, в свое гусеничное крес-

ло, чуть расставил колени, накрыл их большими, мосластыми грабками и устоялся на Шеветту. Очень на него, на Банни, не похоже. Что-то его сильно беспокоит. Что-то серьезное, а не просто вопли этих горилл, что нельзя выходить без регистрации.

– Как поздно?

– Чего?

– Они спрашивают, когда ты вышла.

– Минут через десять после того, как вошла. Максимум через пятнадцать. Ну, еще в подвале задержалась, пока стоянку искала, там такие ходы-выходы, черт ногу сломит.

– Ты вошла, – сказал Банни, – в шесть тридцать две и восемнадцать секунд, время отмечено при сканировании. Они поговорили с адвокатом этим, с клиентом, и знают, что пакет ты доставила. – С его лица не сходила все та же странная озабоченность.

– Да о чем, собственно, шум? Ну, скажи им, что я проскочила, нарушила, что ты выпорешь меня по заднице.

– Ты никуда больше не заходила? В гостинице этой?

– Заходила. – По телу Шеветты пробежала волна странной холодной дрожи. Сейчас будет пройдена черта, из-за которой нет возврата. – Я же говорю, что *отдала* этому мужику пакет.

– Не думаю, чтобы их так уж волновал твой пакет, – раздраженно бросил Банни.

– Так в чем же дело?

– Слушай, Шев, – он говорил медленно, с расстановкой, словно втолковывая глупому ребенку азбучные истины, – звонок от охранника – это одно дело. «Извините, шеф, мы не допустим, чтобы такое повторилось». Но этим делом занялся кто-то из руководителей охранной фирмы «Интенсекьюр» – так она называется, – и он позвонил прямо *Уилсону*. В результате мне нужно разбираться не только с мистером Охранником, но еще и с хозяином нашей фирмы. Мне придется просить Грассо, чтобы тот прикрыл меня на совете директоров, а у Грассо, конечно же, все выйдет сикось-накось.

– Банни, – сказала Шеветта, – мне очень жаль, что так вышло.

– Ну да. Тебе очень жаль. Мне тоже очень жаль, только вот сейчас, прямо сию минуту, какой-то там сраный самый главный рентакоп допрашивает с пристрастием долбаного Уилсона, чем же это таким занималась *ты* после того, как отдала адвокату пакет. И на каком ты здесь счету, и как долго ты работаешь на «Объединенную», и имела ли ты дела с *полицией*, и не замечена ли в употреблении *наркотиков*, и где ты *живешь*.

Шеветта отчетливо увидела засранцевы очки – Скиннерову комнату и черный футляр, спрятанный за пачку «Джигро-эфиков» с цифрами 1997 на тонких желтых корешках. Она попыталась извлечь их оттуда мысленным усилием. Сквозь люк, на пахнущую смолой крышу, направо и через край. Сбросить это дерьмо в залив, где ему самое и место. Но нет,

очки лежали на прежнем месте. Утром нужно было, ручки-ми.

– Ведь это *ненормально*, – сказал Банни. – Ты понимаешь, о чем я?

– Они спросили тебя, где я живу? Что ты им ответил?

– Где-то на мосту. – По лицу Банни скользнуло бледное подобие улыбки. – Не слишком-то точный адрес, верно?

Он крутнулся на кресле и начал выключать мониторы.

– Банни. – Голос Шеветты предательски подрагивал. – Что они теперь сделают?

– Найдут тебя, – пожал плечами Банни, все еще занятый своими мониторами. – Здесь. Больше им некуда идти. Ты ведь ничего *такого* не сделала, верно?

На его затылке пробивалась седая щетина.

– Нет, – все так же, на автопилоте. – Нет... Спасибо, Банни.

Банни хмыкнул нечто неопределенное, на чем беседа и закончилась. Теперь Шеветта думала об одном – как поскорее попасть домой. С бешено бьющимся сердцем она планировала кратчайший путь, мысленно проскакивала под красный свет, почти не замечала окружающего – ярко освещенный коридор, лестницу, дверь. Нужно выкинуть эти очки, избавиться от них, нужно...

Сэмми Сэл прижал Рингера к синему мусорному контейнеру. В рудиментарном сознании Рингера постепенно проступало нечто вроде тревоги.

– Слышь, я ж тебе ничего не сделал.

– Сколько раз тебе говорили: не корябай лифты! А ты снова за свое.

– Но я ж ничего не сделал тебе!

– Причинно-следственный ряд, загреба. Чрезмерно сложная для тебя концепция, но ты все равно попробуй врубиться: если ты кому-нибудь насрешь, неизбежно насрут и тебе. Ты поганишь лифты клиентов – мы устраиваем козью морду тебе. Круговорот говна в природе.

Сэмми Сэл накрыл ободранный шлем Рингера левой ладонью, дернул с поворотом вверх. У кого другого такой номер не вышел бы, но в длинных коричневых пальцах Сэмми шлем умещался совсем легко, как баскетбольный мяч.

– Ничего не сделал! – придушенно хрюкнул Рингер.

Шеветта проскочила мимо них, прямо к велосипедной стоянке. Глухую стену над стоянкой украшала роспись – огромный портрет Шейпли. Кто-то залепил великомученику в глаз солидную дозу серо-голубой краски, кривые голубоватые струйки исполосовали всю правую щеку.

– Шеви, – окликнул Сэмми Сэл, – иди сюда. Давай подвергнем этого говноеда адским пыткам.

Сунув руку в опознавательную петлю, Шеветта попыталась вытащить свой велосипед из путаницы молибденовой стали, графита и армированного пластика. Прочие велосипеды дружно заорали; на фоне оглушительных взвизгов, сумасшедшего звона и страдальческих завываний шипящий,

ненавидящий голос извергал поток самой грязной испанской похабелы. Шеветта поставила ногу на педаль, вскочила в седло и рванула вперед, успев краем глаза заметить, как Сэмми Сэл выпустил, вернее сказать, выронил Рингера.

Выехав на улицу, она обернулась. Сэмми Сэл уже выхватил со стоянки свой велосипед – розовое в черную крапинку чудовище; при первом же повороте педалей ободья колес вспыхнули призрачным фиолетовым светом.

Сэмми решил составить ей компанию. Нашел моментик. Шеветта рванула изо всех сил.

Крути педали. Крути педали, пока не дали.

Как в том утреннем сне, только гораздо страшнее.

Контролируемые движения глаз

А тут, похоже, не соскучишься, подумал Райделл, разглядывая Шитова и Орловского. Серьезные ребята эти сан-францисские копы, настоящие профи. Супертяжеловесы. В любом полицейском департаменте отдел расследования убийств – самый важный.

И вот, пробыв в Северной Калифорнии всего ничего, каких-то сорок восемь минут, он уже пьет кофе за компанию с ребятами из убойного отдела. Точно, без балды. Если не считать того, что ребята эти пьют не кофе, а чай. Из стаканов. С диким количеством сахара. Райделл сидел у самого конца стойки, рядом с Фредди. Фредди пил молоко. Дальше сидел Уорбэйби, так и не снявший свою шляпу, потом Шитов и, наконец, Орловский.

Шитов почти не уступал в росте Люциусу Уорбэйби, но при этом состоял из сплошных сухожилий и широких выпирающих мослов. У него была массивная голова с широким лбом, длинными льняными волосами, гладко зачесанными назад, и бледными бровями; полупрозрачное костлявое лицо, туго обтянутое розоватой блестящей кожей, выглядело так, словно он только что отошел от костра. На макушке толстого смуглого Орловского намечалась лысина, у него были цепкие, густо поросшие черным волосом пальцы и очки с

перепиленными пополам стеклами.

Глаза обоих копов испускали какую-то невидимую, но почти реальную, осязаемую хрень, которая прищипливала тебя к месту, не давала пошевелиться, проникала тебе в самое нутро и лежала там, тяжелая и тусклая, как свинец.

«Десенсибилизация оппонента посредством контролируемых движений глаз» входила в учебный план полицейской академии, но Райделл так и не научился этим фокусам – то ли способностей не хватало, то ли мало старался. Профессор Багли, заведовавший до выхода на пенсию кафедрой психологии преступности Дьюковского университета, не столько читал лекции, сколько рассказывал курсантам байки о маньяках, проходивших через его руки в Дьюке, об автоэротичных самодушителях и прочей белиберде. Кроме того, этот курс стоял в расписании очень неудачно – между «Захватом вооруженного преступника» и «Имитатором огневого контакта». Занятия по «Захвату преступника» проводили попеременно разные инструкторы, и все они, словно сговорившись, отводили Райделлу роль захватываемого преступника. Райделл не понимал, почему так получается. В результате он приходил на следующую лекцию перевозбужденный, не мог толком сосредоточиться на поучениях Багли, а уж последующая работа на ИОКе начисто выбивала из его головы даже то небольшое, что успело там чудом застрять. ИОК – это нечто вроде компьютерной игры, только с использованием настоящего оружия.

Подсчитав результат, ИОК демонстрировал тебе раны – как раны противника, так и твои собственные – и просил решить, от чего загнулся проигравший – от потери крови, болевого шока или гидравлического удара. Поработав пару раз на ИОКе, некоторые курсанты начинали вздрагивать и заикаться, Райделлу же все было как с гуся вода. И не то чтобы он любил насилие или был безразличен к виду крови, просто работа на тренажере требовала скорости и внимания, не позволяла отвлекаться на посторонние мысли, а экранную кровь он воспринимал именно как *экранную*, ненастоящую кровь. За все про все, курсант Райделл так и не научился строить глазки противникам, или напускать на них сглаз, или как уж там эта плешь называется. Вот лейтенант Шитов – у того был явный талант, да и напарник его зыркал поверх своих перепиленных гляделок вполне убедительно. Впрочем, лейтенанту Орловскому было проще – он и так сильно смахивал на вурдалака.

Райделл с интересом изучал одежду сан-францисских копов. Под светло-бежевыми плащами – черные бронежилеты, под бронежилетами – белые рубашки и галстуки. Рубашки английские, на пуговицах, а галстуки полосатые, вроде как намекающие на принадлежность к какому-нибудь там клубу. Брюки с обшлагами, ботинки из пузырчатой кожи, на толстой рифленой подошве. Такие рубашки, галстуки и ботинки не носит практически никто, разве что иммигранты, косящие под стопроцентных американцев. Однако в сочетании

с броней и поношенными английскими дождевиками картина получается совсем иная. Округлая пластиковая рукоятка пистолета «хеклер и кох», выглядывающая у Шитова из-под расстегнутого жилета, смотрелась тоже весьма внушительно. Какая модель – враз и не сообразишь. Одна из этих новомодных штучек с магазином поверх ствола. Использует безгильзовые боеприпасы, смахивающие на восковые карандаши, – стрелы из твердого сплава, облепленные пластичным порохом.

– Если бы вы, Уорбэйби, рассказали нам все, что вы уже знаете, наша беседа стала бы значительно продуктивнее.

Шитов окинул взглядом крошечное кафе и вынул из кармана пачку «Мальборо».

– В *этом* штате курение запрещено, – со злорадным наслаждением процедила официантка, крупная баба с огромной копной черных волос.

И кто же это ходит в такие забегаловки? – подумал Райделл. Ну разве что какой несчастный, отстоявший ночную смену у станка, вымотавшийся до такого состояния, что нету уже сил поискать что-нибудь получше. А тот, кто уж совсем невезучий, может получить в дополнение к завтраку еще и эту красавицу.

Шитов пригвоздил официантку к месту десятикиловольтным полицейским взглядом, вытащил из-под бронежилета бляху на тонком нейлоновом шнурке, продемонстрировал ее и небрежно уронил себе на грудь. Судя по стуку, под белой

рубашкой скрывалась еще одна, дополнительная броня.

– Вот зайдут сюда двое мормонов из дорожного патруля, – прошипела официантка, – вот *им* и показывай. И я посмотрю, что они тебе на это скажут.

Шитов зажал сигарету губами.

В руке Уорбэйби появился кусок золота размером с противотанковую гранату.

Над устрашающим предметом возник бледно-голубой язычок пламени.

Уорбэйби поднес пламя к сигарете полицейского.

– Зачем это вам, Уорбэйби? – спросил Шитов, разглядывая зажигалку. – Вы что, тоже курите?

– Курю все, что угодно, кроме этих китайских «Мальборо», – скорбно признался Уорбэйби. – В них же сплошная стекловата.

– С чего это? – удивился Шитов. – Американская марка, лицензионное производство.

– За последние шесть лет в нашей стране не было изготовлено ни одной легальной сигареты, – похоронным голосом сообщил Уорбэйби.

– «Маль-бо-ро». – Шитов вытащил сигарету изо рта, ткнул пальцем в буковки, напечатанные на фильтре. – Когда мы ходили в школу, «Мальборо» – это были *деньги*.

– Когда мы ходили в школу, даже *деньги* были деньгами.

Орловский расхохотался.

– Так вернемся к делу, – сказал Шитов. – Что вам извест-

но?

– Мистер Бликс найден в гостинице мертвым. Убийство.

– Профессиональная работа, – кивнул Орловский. – Они хотят, чтобы мы приняли этническую версию.

– *В точности* мы этого не знаем. – Шитов внимательно смотрел на Уорбэйби.

– Да какая там нужна еще точность? – убежденно возразил Орловский. – *Язык. Национальный колорит.* Хотят увести нас в сторону. Чтобы мы занялись латинскими королями.

Шитов глубоко затянулся и выпустил дым в сторону официантки.

– Что вы про него знаете?

– Ганс Рутгер Бликс, сорок три года, натурализованный костариканец. – Могло показаться, что Уорбэйби стоит у свежевырытой могилы и перечисляет необыкновенные достоинства безвременно почившего друга.

– Хрень собачья, – поморщился Шитов, не выпуская сигареты изо рта.

– Уорбэйби, – терпеливо заговорил Орловский, – нам известно, что ты ввязался в дело до того, как этому засранцу перерезали глотку.

– Засранец, – укоризненно покачал головой Уорбэйби. – Человек умер, вот и все. Неужели это делает его засранцем?

– Стопроцентный засранец. – Шитов глубоко затянулся и раздавил окурочку о тарелку с так и не тронутой порцией тунцовой икры. – Ты уж мне поверь.

– Тебе виднее, – вздохнул Уорбэйби. – Скажи, Аркадий, на него было досье?

– Хочешь получить досье, – равнодушно бросил Шитов, – так Расскажи сперва, что ты должен был для него сделать. Мы знаем, что он с тобой говорил.

– Я в жизни не слышал его голоса.

– О'кей, – устало кивнул Шитов. – С тобой говорили интенсекьюровцы. Ты свободная пташка, работаешь по контракту.

– Сугубо.

– Что сказал этот Бликс «Интенсекьюру»?

– Он потерял некий предмет.

– Что именно?

– Нечто сугубо личного свойства.

– Люциус, – вздохнул Шитов. – Ради бога.

– Очки.

Шитов с Орловским недоуменно переглянулись и снова уставились на Уорбэйби.

– «Интенсекьюр» привлекает к расследованию Люциуса Уорбэйби по той единственной причине, что кто-то там посеял свои очки?

– А вдруг, – негромко заметил Фредди, – это очень дорогие очки?

Он внимательно и, похоже, с удовлетворением изучал свое лицо в висевшем за стойкой зеркале.

Орловский начал – бывает же у людей такая мерзкая при-

вычка – хрустеть суставами волосатых пальцев.

– Он считал, – сказал Уорбэйби, – что мог потерять их на *вечеринке*. Не исключено даже, что кто-то их *взял*.

– Что за вечеринка? – подался вперед Шитов; Райделл отчетливо слышал, как скрипнула многослойная броня.

– Вечеринка в гостинице. В «Морриси».

– Кто устраивал? – Вурдалачьи глазки Орловского двухстволкой смотрели поверх стеклянных полумесяцев.

– Некий мистер Коди Харвуд, – пожал плечами Уорбэйби.

– Харвуд, – повторил Орловский. – Харвуд...

– Фамилия Павлов ничего не напоминает? – спросил у своего отражения Фредди.

– Деньги, – буркнул Шитов.

– Не имеющие ни малейшего отношения к «Мальборо», – заметил Уорбэйби. – Мистер Бликс зашел к мистеру Харвуду, выпил несколько рюмок...

– Проспиртовался, как двухголовый младенец в Кунсткамере, – косо усмехнулся Орловский.

– Выпил несколько рюмок. Упомянутый предмет находился в кармане его куртки. Наутро он обнаружил пропажу и позвонил в охрану «Морриси». Те связались с «Интенсекьюром», «Интенсекьюр» связался со мной.

– Его телефон исчез, – сказал Шитов. – Уходя, прихватили с собой. Концы обрубали. Ни записной книжки, ни откуда приехал, ни куда собирался ехать дальше – ничего.

– Профи работали, – кивнул Орловский.

- Так, значит, очки, – продолжал Шитов. – Какие очки?
- Солнечные. – Фредди все не мог на себя налюбоваться.
- Мы там нашли что-то вроде очков.

Шитов вытащил из кармана плаща стандартный полицейский мешочек для сбора вещественных доказательств. Райделл различил сквозь прозрачный полиэтилен избуренные осколки черного пластика.

- Дешевый аппаратик ВС. Растоптан вдребезги.
- А вы не знаете, – поинтересовался Уорбэйби, – какие он ставил программы?

Теперь настала очередь Орловского. Победно ухмыльнувшись, он вытащил из-под бронежилета второй такой же мешочек.

- Никак было не найти их, эти программы. Потом мы просветили жмурика рентгеном. Кто-то засунул эту штуку ему в глотку.

Черный прямоугольник. Наклейка протерта чуть не до дыр и вся в буроватых пятнах.

- В *перерезанную* уже глотку.
- Так что же это? – спросил Уорбэйби.
- Макдонна, – выплюнул Шитов.
- Чего? – Фредди перегнулся через своего шефа, стараясь получше разглядеть кассету. – Мак-что?
- Дрочилка.

Что еще за точилка, удивился на мгновение Райделл, но тут же понял: Макдонна.

– А вот интересно, прочитали они ее всю, насквозь? – На этот раз Фредди сидел сзади. Он взгромоздил ноги на спинку переднего пассажирского сиденья, красные огоньки, бежавшие по краям подошв, складывались в текст какой-то песни.

– Что они должны были читать?

Райделл смотрел на русских и Уорбэйби, стоявших рядом с законспирированной, без мигалки и надписей, полицейской машиной. Неприметная такая машина – сланцево-серый кашалот, фары и радиатор защищены мощной графитовой решеткой. По ветровому стеклу «Патриота» медленно сползали капельки дождя.

– Порнуху, извлеченную из пищевода этого парня.

В каждом слове Уорбэйби звучала тяжелая, неизбывная тоска, а вот Фредди – тот говорил спокойно, вроде как расслабленно. Только вот если тоска Уорбэйби казалась самой настоящей, неподдельной тоской, то за расслабленностью Фредди угадывалось нечто, ну, вроде как обратное.

– У программы такого рода колоссальный объем, там можно спрятать все, что угодно. Для описания текстуры кожи используют фрактальную технику, замешать туда текстовую информацию – пара пустяков.

– А ты что, Фредди, сечешь в компьютерах?

– Я у мистера Уорбэйби технический консультант.

– Как ты думаешь, о чем они там говорят?

Фредди тронул пальцем одну из кроссовок.

Красные огоньки потухли.

– Вот сейчас-то у них и пошла настоящая беседа.

– Какая?

– *Деловые* переговоры. Нам нужно все, что у них есть по Бликсу, по жмурику этому.

– Да? А что можем предложить им мы?

– «Мы»? – присвистнул Фредди. – Ты крутишь для мистера Уорбэйби баранку, вот и все твоё дело. – Он убрал ноги со спинки сиденья и выпрямился. – Впрочем, тут нет никаких особых секретов. «Интенсекьюр» и «Дейтамерика», считай, одна и та же контора.

– Не слабо. – (Уорбэйби почти не раскрывал рта, и Орловский – тоже, зато Шитов говорил не переставая.) – И что все это значит?

– Это значит, что полиция может только завидовать базе данных, с которой мы работаем. Придет время, этот старый трепач захочет заглянуть в нее хоть краешком глаза, вот тогда-то он вспомнит сегодняшний день и возблагодарит Господа, что не отказал нам в пустяковой услуге. А вот сейчас – сейчас ему расставаться с информацией – все равно что ржавым серпом по его русским яйцам.

Райделл вспомнил, как ходил как-то к Большому Джорджу Кечакмадзе в гости на шашлык и тот пытался завербовать его в «Национальную стрелковую ассоциацию».

– У вас тут, гляжу, много русских в органах.

– Тут? До хрена и больше.

– Странно даже, чего это их так тянет на полицейскую работу?

– А ты покрути мозгами. У них же там было целое *полицейское государство*. Привыкли, поднабрались, в гены небось впиталось.

Шитов и Орловский полезли в брюхо своего серого кашалота. Уорбэйби повернулся и зашагал к «Патриоту», тяжело наваливаясь на блестящую металлическую тросточку. Полицейская машина приподнялась дюймов на шесть (гидравлическая подвеска, подумал Райделл), взвыла и задрожала; на длинном блестящем капоте плясали дождевые капли.

– Мама родная, – поразился Райделл. – Они что, вот так вот и работают, совсем не скрываясь?

– Они *хотят*, чтобы их видели, – не слишком вразумительно объяснил Фредди.

Уорбэйби открыл дверцу и начал протискиваться на сиденье. Операция эта оказалась длинной и сложной.

– Езжай, – сказал он, захлопывая дверцу. – Протокольные правила. Мы покидаем точку randevu первыми.

– Только не сюда, – всполошился Фредди. – Это же ты прямо к Кэндлстик-парку. Направо, направо!

– Да, – кивнул Уорбэйби. – У нас еще дела в центре.

Ну откуда, откуда, спрашивается, у него эта мировая скорбь?

Да, Сан-Франциско – это кое-что. Бесчисленные хол-

мы, окаймляющие город, улицы, карабкающиеся по крутым склонам, создавали у Райделла впечатление... ну, не совсем, в общем-то, понятное впечатление. Впечатление, что он находится *где-то*. Где-то во вполне определенном месте. А вот нравится ли ему это место – вопрос особый, тут еще надо разобраться. В Лос-Анджелесе ты словно бы затерялся в огромной, без конца и края, решетке, сотканной из света, ощущение совсем другое, прямо противоположное, вот эта-то противоположность и дает, наверное, о себе знать. Здесь же ясно понимаешь, что приехал *куда-то*, приехал откуда-то. Старые, тесно поставленные здания, ничего более современного, чем этот здоровый шипастый небоскреб с решетчатой вышкой наверху – так ведь и он, говорят, построен очень давно. Сырой, прохладный воздух, пар, клубящийся из вделанных в мостовую решеток. Люди на улицах тоже другие, *отдельные* люди, у каждого своя одежда, своя работа. Вроде как в Ноксвилле, сказал себе Райделл, но свежеизготовленный ярлык никак не приклеивался. Нет, еще одно новое, совершенно незнакомое место.

– Да не сюда, налево, *налево!*

Фредди подкреплял каждое свое слово ударом по спинке водительского сиденья. Новый город, новая сеть улиц, которую нужно откладывать в память. По навигационной карте медленно полз зеленоватый курсор; Райделл начал искать подходящий поворот налево, к этой самой гостинице, к «Морриси».

– Не стучи по сиденью мистера Райделла, – сказал Уорбэйби, бегло проглядывавший огромную кипу распечатки. – Он за рулем.

Распечатку (Райделл догадывался, что это – досье Бликса, мужика, которому перерезали глотку) они прихватили по пути, в какой-то непонятной конторе.

– *Фассбиндер*, – отчетливо, чуть не по слогам проговорил Фредди. – Кто-нибудь из вас слышал о таком? *Райнер* Фассбиндер.

– Знаешь, Фредди, – проворчал Уорбэйби, – мне сейчас не до шуток.

– Какие там шутки? Я прогнал этого Бликса через «Двойника», отсканировал снимок трупа, полученный от русских, и прогнал – и что же вы думаете? По мнению машины, он выглядит точь-в-точь как Райнер Фассбиндер. Это мертвяк-то, с перерезанным горлом. Интересно бы взглянуть на герра Фассбиндера, вот уж красавец, наверное, так красавец.

– Уймись, Фредди, – вздохнул Уорбэйби.

– Наверное, этот тоже немец. Национальность, она все-таки проявляется.

– Мистер Бликс не был немцем. Если верить этой бумаге, мистер Бликс не был даже мистером Бликсом. А теперь не мешай мне. Да и мистеру Райделлу тоже, а то еще заедет не туда в незнакомом городе.

Фредди недовольно хмыкнул. Через пару секунд Райделл услышал дробный перестук клавиатуры – технический кон-

сультант мистера Уорбэйби взялся за компьютер, с которым он, похоже, не расставался даже во сне.

Поворот налево, и – сразу, безо всякого предупреждения – мирная улица сменилась зоной боевых действий. Развалины. Дымное пламя костров, темные пригнувшиеся фигуры, мучнисто-белые лица.

– Не тормози, – сказал Уорбэйби. – И не газуй, езжай, как едешь.

Нечто, вылетевшее из жутковатой группы сутулых, узкоплечих людей, шлепнулось о ветровое стекло, прилипло на секунду, упало, оставив после себя грязно-желтое пятно. Длинная, гибкая штука, серая и вроде бы окровавленная. Кишка, что ли?

На перекрестке – красный.

– Гони под красный, – приказал Уорбэйби.

Сзади – негодующее гудение десятков клаксонов.

– Тормози. Нет, заезжай прямо на тротуар.

Колеса «Патриота» перескочили через выщербленный поребрик.

– В бардачке.

Райделл открыл дверцу бардачка. Вспыхнувшая лампочка осветила банку аэрозольного «Виндэкса», рулон серых бумажных полотенец и одноразовые хирургические перчатки.

– Давай, – сказал Уорбэйби. – Никто нас не тронет.

Райделл натянул на правую руку перчатку, взял банку, серый рулон и выбрался на тротуар.

– Смотри на себя не капни, – сказал он, вспомнив Саблетта, а затем щедро обрызгал желтое пятно «Виндэксом», оторвал три полотенца, скомкал их в правой, защищенной, руке и начисто вытер стекло. Теперь – как учили в академии. Аккуратно снимем перчатку, наворачивая ее на влажный ком. Все. И куда же теперь, спрашивается, это дерьмо девать?

– Бросай на землю, – сказал Уорбэйби.

Райделл швырнул перчатку со всем ее содержимым в сторону, отошел от машины на пять шагов, согнулся пополам и окатил тротуар мутным широким потоком блевотины. Затем он оторвал еще одно полотенце, вытер рот, вернулся в машину, захлопнул дверцу, аккуратно ее запер, вернул рулон и банку на прежнее место и закрыл бардачок.

– А чего горло не ополоснул?

– Заткнись, Фредди, – рявкнул Уорбэйби. – Скорее всего, просто отбросы с бойни, – сказал он, наклонившись вперед. Рессоры «Патриота» негромко скрипнули. – Но все равно хорошо, что ты не забыл о предосторожностях. У нас тут была одна компания, называли себя «Орден кровавой свиньи», слышал о таких?

– Нет, – качнул головой Райделл. – Никогда не слышал.

– Воровали где попало огнетушители. Заправляли их кровью. Кровью с бойни. Но только они распускали слух, что эта кровь – она человеческая. Затем подстерегали какую-нибудь религиозную процессию. Прихватив с собой огнетушители.

– Господи, – выдохнул Райделл.

– Вот именно, – скорбно согласился Уорбэйби.

– Видишь эту дверь, вон там? – спросил Фредди.

– Какую дверь?

Холл «Морриса» ошеломлял; войдя сюда, Райделл непроизвольно перешел на шепот, как в церкви или в похоронном бюро. Толстый, фантастически мягкий ковер вызывал острое желание лечь, свернуться калачиком и уснуть.

– Черную.

Райделл уставился на черный прямоугольник, совершенно гладкий, без какого бы то ни было подобия ручки. Если подумать, прямоугольник этот абсолютно не гармонировал с остальной обстановкой холла – с полированным деревом, матовой бронзой, граненым стеклом. Если бы не Фредди, Райделл принял бы эту дверь за какое-нибудь произведение современного искусства, картину там или еще что.

– Да? И чего в ней такого?

– Это *ресторан*, – уважительно сказал Фредди. – Такой дорогой, что туда даже и не войдешь.

– Ну-у, – разочарованно протянул Райделл, – таких заведений везде хоть пруд пруди.

– Нет, я не про то, – качнул головой Фредди. – Там просто дорого, а сюда тебя вообще не пустят, даже будь у тебя денег – хоть жопой ешь. Приватное вроде как заведение. Японские штучки.

Они стояли около конторки охранников, ждали, пока Уо-

Уорбэйби переговорит с кем-то там по местному телефону. Ребята за конторкой, дежурные охранники, были все в интенсекьюровской форме, только хитрой, дорогой, с бронзовыми значками фирмы на смешных, остроконечных, на манер шлема, шапочках.

Райделл оставил «Патриота» в гараже, на одном из бесчисленных подземных уровней гостиницы. Там, внизу, жизнь была ключом: десятки людей в поварских халатах и колпаках раскладывали по сотням тарелок непонятного вида салат, по полу ползали, попискивая, маленькие японские пылесосы — здесь, в спокойном, просторном холле, вся эта суэта казалась чем-то невероятным.

В Ноксвилле, в этих самых служебных номерах, где он жил несколько дней, тоже были такие вот корейские роботы, наводившие порядок, когда тебя дома нет. Был даже такой специальный железный паук, который объедал пыль со стенового экрана, но на Карен все это не производило ни малейшего впечатления. Экономят, сказала она, живые уборщики обходятся дороже.

Уорбэйби отдал телефон одному из ребят в остроконечных шапках, повернулся, махнул рукой, подзывая Фредди и Райделла.

— Нас проведут, — сказал он.

Охранник, взявший у Уорбэйби телефон, вышел из-за конторки. Он, конечно же, заметил на Райделле интенсекьюровскую рубашку со споротыми эмблемами, однако воздер-

жался от комментариев. Райделл давно уже задумывался, когда же наконец можно будет улучшить свободную минуту, забежать в магазин и одеться хоть малость поприличнее. И где это лучше сделать? Мелькнувшая было мысль посоветоваться с Фредди пропала при первом же взгляде на разукрашенную пистолетами да пулеметами рубашку.

– Сюда, сэр.

Уорбэйби двинулся вслед за охранниками, его трость глубоко погружалась в ковер, шарнирная титановая шина негромко пощелкивала. Фредди и Райделл скромно пристроились в кильватер.

Дрожь в коленках

Гони. Гони. Гони.

В такие вот моменты, когда Шеветта гнала из последних сил, выкладывалась по-черному, к ней приходило – *изредка* приходило – ощущение безграничной свободы, независимости от города, от собственного тела, даже от времени. Она понимала, что это – обычная для курьеров галлюцинация, что никакая это не свобода, а, наоборот, полная включенность, вплавленность в мир. Зажатый между коленями велосипед казался частью ее самой, неким странным *хвостом*, возникшим за тысячелетия неспешной эволюции, – великолепный в своей простоте костяк рамы постепенно оброс сверхпрочными лексановыми покрышками и пневматическими амортизаторами, подшипниками, которые отменили понятие «трение». Слившись с велосипедом, Шеветта превращалась одновременно и в часть города, в своевольную, хотя и полностью зависящую от обстоятельств крупицу вещества, она ежесекундно делала тысячи свободных выборов – и все эти выборы зависели от уличного движения, от блеска дождя на трамвайных рельсах, от роскошных, цвета красного дерева волос незнакомой женщины, бессильно спадавших на плечи темно-синего плаща.

И вот сейчас это состояние приближалось, приближалось,

несмотря ни на что. Если гнать и гнать, ни о чем не думая, не воспринимая ничего, кроме движения собственных ног, кроме педальной звездочки, цепи и японской бумажно-углеродной рамы.

Но рядом возникла долговязая фигура на велосипеде, воздух наполнился гулками, ритмичными ударами басов – у Сэмми, как и у многих курьеров, вуфер стоял в седле. Чтобы не поскользнуться, тормозя на вентиляционной решетке, Шеветта свернула влево, через поребрик; покрышки, намертво зажатые энергетическими тормозами, оставили на тротуаре длинные черные полосы. Сэмми Сэл остановился рядом, ярко сверкавшие ободья колес потускнели, погасли совсем.

– Что-то ты, зайка, не в себе. – Его пальцы грубо, со злостью сдавили руку Шеветты. – А может, некий чудодейственный продукт сделал тебя хитрее и проворнее?

– Отпусти.

– Ни в коем разе. Я устроил тебя на хорошее место. Теперь ты идешь вразнос, словно *хочешь* вылететь с работы. Почему?

Не выпуская Шеветту, он хлопнул левой ладонью по обтянутому черным поролоном рулю; велосипед замолк.

– Сэмми, *пожалуйста*. Мне нужно поскорее добраться до Скиннера.

Сэмми разжал пальцы.

– С чего бы такая спешка?

Шеветта судорожно закашлялась, затем сделала три глубоких медленных вдоха.

– Слушай, Сэмми, а вот ты – ты когда-нибудь воровал? Не вообще, а во время работы?

Сэмми пристально всмотрелся в ее лицо.

– Нет, – сказал он наконец. – Вот трахнуть клиента – это я за милую душу.

– Я такого и в мыслях не имею, – брезгливо поежилась Шеветта.

– Само собой, – кивнул Сэмми Сэл. – Но у нас с тобой разные клиенты. Не говоря уж о том, что ты девушка.

– Вчера я украла одну штуку. У мужика этого, прямо из кармана. Я встретила его в отеле «Моррисси», там у них была пьянка.

Сэмми задумчиво обвел губы кончиком языка.

– А как это твоя рука попала в его карман? Ты что, с ним знакома?

– Да нет, – качнула головой Шеветта. – Засранец он, вот и все.

– А-а. *Этот. Его* я встречал, и не раз.

– Он достал меня. Эта штука торчала у него из кармана.

– Ты точно знаешь, что штука, которой он тебя достал, торчала именно *из кармана*?

– Сэмми, – взмолилась Шеветта, – кончай свой треп! Я же серьезно говорю. Я боюсь, очень боюсь.

Сэмми снова всмотрелся в ее лицо.

– Вот так вот, значит? Ты боишься. Сперла какое-то там говно и прибрздела?

– Банни говорит, охранники позвонили в «Объединенную», прямо к Уилсону. Они меня ищут.

– Вот же мать твою, – вздохнул Сэмми, продолжая разглядывать Шеветту. – А я-то решил, ты *уторчалась*, на «плясуне» или еще на какой дури. И что Банни заметил. Он многое терпит, но за такие штуки может с говном съесть. Так ты что – просто боишься?

– Да, – кивнула Шеветта. – Просто боюсь.

– Ну хорошо, – снова вздохнул Сэмми. – И чего же *именно* ты боишься?

– Боюсь, что они заявятся к Скиннеру и найдут эту штуку.

– Какую штуку?

– Очки.

– Ты бы не могла поконкретнее – какие очки? Очки, как на картах? Или как на игровых костях? – Сэмми побарабанил пальцами по рулю. – Или как у кобры на голове?

– Черные очки. Вроде как солнечные, только через них совсем ничего не видно.

– Очки, сквозь которые ничего не видно? Это в каком же смысле?

– Черные они. Непрозрачные.

– Солнечные очки?

– Да. Только они *совсем* черные.

– Ясненько. Вот если бы ты *трахалась* с приличными кли-

ентами – с такими, как я, с приличными, – ты бы знала, что это такое. Извини меня, лапа, но сразу видно, что все твои кавалеры – голь перекатная. Встречайся ты с архитекторами, хирургами и прочей умственной публикой, они бы между делом тебя просветили.

Длинный черный палец насмешливо качнул цепочку, свисающую с застежки скиннеровской куртки.

– ВС-очки, вот это что. Виртуальный свет.

Шеветта слышала где-то такой термин, но не понимала его значения.

– Так они что, дорого стоят?

– Это уж как сказать. Не дешевле хорошей японской машины – но и не сильно дороже. Крошечные электромагнитные излучатели, установленные вокруг линз, действуют прямо на оптические нервы. Один мой приятель приносит иногда такую штуку домой, из конторы. Они там занимаются ландшафтной архитектурой. Так вот, наденешь эти очки и идешь гулять, и все видно нормально, только на каждом дереве, какое попадется по дороге, на каждом растении вроде как висит бирка с названием на нормальном языке, а внизу еще и по-латыни...

– Так они же совсем черные!

– Это пока ты их не *включила*. А включишь, так они даже не темные, вроде как совсем без стекла. От солнца не защищают, зато придают тебе вид – ну такой, вроде как серьезный. Только тебе это ни к чему, – ухмыльнулся Сэмми, – ты

у нас и так чересчур серьезная. Главная твоя беда.

Шеветта поежилась.

– Слушай, Сэмми, поехали со мной, к Скиннеру. О'кей?

– Не люблю я высоту, – качнул головой Сэмми. – А эта его коробочка, она точно сверзится как-нибудь с верхотуры, помани мое слово.

– Ну пожалуйста, Сэмми. У меня от этой истории коленки дрожат. Вместе с тобой я буду о'кей, а если ты останешься внизу, я снова начну думать и совсем опупею от страха. Ну правда, ну что мне *делать*? Вдруг я приеду, а копы уже там? И что скажет Скиннер, если к нему вот так, ни с того ни с сего, завалятся копы? А вдруг я выйду завтра на работу, а Банни меня уволит? Ну что мне *делать*, что *делать*?

Сэмми Сэл посмотрел на Шеветту тем же взглядом, как в тот вечер, когда она просила, чтобы он устроил ее в «Объединенную». А затем косо ухмыльнулся. Блеснули ровные, идеально белые зубы.

– Засовывай тогда эту штуку себе в промежность. И держись. *Старайся* держаться.

Он вскочил на велосипед и съехал с тротуара, при первом же повороте педалей колеса вспыхнули бледно-фиолетовым светом. До рванувшейся следом Шеветты донеслись гулкие удары басов.

14

Лавлесс

– Ну как, приятель, хочешь еще пива?

Женщина за стойкой. Ее выбритую голову украшал сложный черный орнамент, доходивший, как понимал Ямадзаки, примерно до естественной границы волосяного покрова. Основными элементами татуировки были кельтские узлы и зигзагообразные, как в детских книжках, молнии. Сохраненные на макушке волосы напоминали шкурку некоего ночного животного, питающегося исключительно вазелином и перекистью водорода. Сквозь десяток, а то и больше отверстий, случайным образом проколотых в левом ухе буфетчицы, был протянут кусок тонкой стальной проволоки. В другое время Ямадзаки проявил бы к подобной картине живейший интерес, однако сейчас ему не хотелось отрываться от записной книжки, от составления путевых заметок.

– Нет, – сказал он. – Большое спасибо.

– Ты что, боишься с двух бутылок нажраться в жопу или что?

Веселый, даже вежливый голос. Ямадзаки поднял голову. Женщина ждала.

– Да?

– Хочешь здесь сидеть, так закажи что-нибудь. Или мотай.

– Пиво, пожалуйста.

– Такое же?

– Да, пожалуйста.

Женщина смахнула с бутылки мексиканского пива налет инея, откупорила ее, поставила на стойку и переключилась на клиента, сидевшего от Ямадзаки слева. Ямадзаки вернулся к своей записной книжке.

Скиннер все время старался объяснить мне, что нет и не было никакого плана, никакой глубинной структуры. Только вот этот, очевидный костяк, мост, наивысшее из воплощений Томассона. Малое Великое пришло – и совсем не оказалось Годзиллой. В этом месте, в этой культуре даже нет эквивалентного мифа (нельзя исключать, что в Лос-Анджелесе дело обстоит совершенно иначе). Бомба, ожидавшая столь долго, исчезла. Ее место заняли эпидемии, медленнейшие из катаклизмов. Когда Годзилла явился наконец в Токио, мы пребывали в глубочайшем отчаянии. И катастрофу мы приветствовали. Приветствовали, хотя ни за что не решились бы в этом себе признаться. Не успев еще оплакать своих мертвых, мы начали осознавать всю неимоверность выпавшей на нашу долю удачи.

– Красивая штука, – сказал сосед слева, накрывая записную книжку левой ладонью. – Японская, не иначе, а то с чего бы она такая красивая.

Ямадзаки поднял голову и неуверенно улыбнулся. Глаза соседа поражали своей странной, необыкновенной пустотой. Живые, блестящие, настороженные – и абсолютно пустые.

– Да, это из Японии, – сказал Ямадзаки. Ладонь неспешно соскользнула с записной книжки.

– Лавлесс, – сказал мужчина.

– Простите?

– Лавлесс. Моя фамилия – Лавлесс.

– Ямадзаки.

Белесые, широко посаженные глаза. Глаза, словно глядящие на тебя из озера, сквозь зеркально-гладкую поверхность.

– Ага. Так я и думал, что будет что-нибудь в этом роде.

Непринужденная улыбка, акцентированная архаичным золотом.

– Простите? В *этом* роде?

– Что-нибудь этакое, японское. Какое-нибудь там «заки» или «зуки». Такая, в общем, срань.

Улыбка вроде бы не изменилась и в то же самое время стала угрожающей.

– Допивайте свою «Корону», мистер. – Пальцы незнакомого сомкнулись на запястье Ямадзаки. – И пошли. А то жарковато тут.

Тысяча пятнадцатый номер

Среди всего прочего Райделла познакомили в академии и с аэрозолем «Килз», применявшимся для дезинфекции помещений, загрязненных большим количеством крови или любой другой из жидкостей человеческого тела. Антивирусный препарат с запахом, как у древнего цветочного одеколона, выжигавший почище водородной бомбы все – от первой до пятой включительно – разновидности ВИЧ, а также лихорадку Мокола, Тарзана-Денге, конго-крымскую лихорадку и канзасскую инфлюэнцу – любую, в общем, высокозаразную гадость.

Вот его-то прохладный запах и уловил Райделл, пока интенсекьюровский охранник открывал вороненым ключом дверь тысяча пятнадцатого номера.

– Уходя, мы все запрем как надо, – сказал Уорбэйби, притронувшись указательным пальцем к полям шляпы.

– Да, сэр. – Охранник чуть помедлил. – Что-нибудь еще?

– Нет.

Уорбэйби повернулся и вошел в комнату. Фредди не отставал от него ни на шаг, как разукрашенная пистолетом тень. Помявшись немного в нерешительности, Райделл последовал их примеру и притворил за собой дверь. Темно. Шторы задернуты. Сильный запах «Килза». Под потол-

ком вспыхнул свет. Рука Фредди на выключателе. Уорбэйби смотрит вниз, на кирпичного цвета ковер. На светлый прямоугольник – место, где, скорее всего, стояла прежде кровать.

Райделл огляделся. Обстановка солидная, старомодная. Дорогая. Как в хорошем клубе. Стены обиты блестящей, в белую и зеленую полоску тканью, может даже – шелком. Мебель деревянная, полированная. Кожаные болотно-зеленые кресла. Бронзовый торшер с темно-зеленым абажуром. Старинная гравюра в широкой золотой раме. Райделл подошел поближе и вгляделся в потускневшее изображение. Лошадь, запряженная в двухколесную повозку очень странного вида – крошечное сиденье и никакого кузова. Бородатый возница в шляпе, как у Эйба Линкольна. Внизу надпись: «Каррир и Айвз»¹⁵; Райделл задумался на секунду, где здесь имя бородатого мужчины, а где – лошади. Потом он заметил на стекле, прикрывающем гравюру, круглое коричневатое-красное пятно. Потек крови успел уже растрескаться, вроде как грязь, остающаяся от подсыхающей лужи, только здесь трещинки были совсем крохотные. И никто его, похоже, не продезинфицировал, не брызгал «Килзом». Райделл боязливо отступил.

Фредди уже расположился в одном из зеленых кресел и

---

¹⁵ Натаниэль *Каррир* и Джеймс Мередит *Айвз* – американские граверы конца XIX в., совладельцы фирмы, издававшей литографии со сценами из американской истории и быта.

раскрыл свой компьютер. Он разматал тонкий черный шнур и подсоединился к розетке вроде телефонной, но поменьше. Глядя на Фредди, Райделл не переставал поражаться: ноябрь, сыро, холодно, а он в шортах ходит, это ж насмерть замёрзнуть можно. Станные они, эти негритянские пижоны, – одеваются, ориентируясь исключительно на моду, а погоды для них вроде как и вообще не существует.

– Ну так что? – спросил Уорбэйби, все так же смотревший на светлое пятно, оставшееся после кровати; лицо его выражало все ту же неизбывную скорбь.

– Сейчас. Сейчас *все* будет. – Фредди сосредоточенно крутил трекбол компьютера.

Уорбэйби недовольно хмыкнул, стекла его очков на мгновение почернели – фокусы освещения, не иначе. Секунду спустя у Райделла появилось неуютное ощущение, что Уорбэйби смотрит *сквозь него*, что взгляд огромного негра внимательно следит за неким далеким, быстро передвигающимся предметом; Райделл даже обернулся, но не увидел ничего, кроме бледной, в бело-зеленую полоску стены.

Он снова взглянул на Уорбэйби. Металлическая трость поднялась, указала на место, где стояла прежде кровать, и снова воткнулась в ковер. Уорбэйби печально вздохнул.

– Хотите данные СФДП¹⁶ по осмотру места преступления? – спросил Фредди.

Уорбэйби пробурчал нечто неразборчивое, его глаза ме-

---

¹⁶ СФДП – Сан-Францисский департамент полиции.

тались из стороны в сторону. Райделлу вспомнились документальные ТВ-фильмы про вуду, глаза жрецов, вошедших в контакт с богами, или дьяволами, или с кем уж там они общаются.

Фредди продолжал крутить свой шарик.

– Отпечатки пальцев, волосы, чешуйки кожи... В гостиничном номере чего только не найдешь...

Райделл не выдержал, шагнул вперед и посмотрел Уорбэйби прямо в глаза.

– Не понимаю, вы тут что, колдуете или что?

Уорбэйби медленно, печально улыбнулся, снял очки, тщательно протер их большим темно-синим платком, извлеченным из кармана пальто, и протянул Райделлу.

– Надень.

Райделл посмотрел на очки. Их стекла были совершенно черными.

– Надень, – повторил Уорбэйби.

Очки оказались непривычно тяжелыми. Кромешная тьма. Затем появились расплывчатые вспышки, вроде как если надавить на закрытые глаза; еще мгновение, и он увидел Уорбэйби. За спиной Уорбэйби повисло нечто вроде прозрачной стены, исписанной ярко-желтыми словами и цифрами. Райделл присмотрелся к надписям (лицо Уорбэйби немного расплылось) и понял, что это – данные следственной экспертизы.

– А если хочешь, – сказал Фредди, – можешь *поприсут-*

ствовать...

На пропитанной кровью кровати лягушкой разбросался жирный, громоздкий человек. *Мертвый* человек. Труп. Голова далеко закинута, подбородок смотрит вверх, в потолок. А там, где полагается быть кадыку, темнеет нечто страшное, заставляющее отвести глаза. Вспухший, раздувшийся темно-лиловый нарост.

Желудок Райделла завязался в тугой болезненный узел, он с трудом сдерживал подступившую к горлу тошноту, но тут на месте этого ужаса появилась другая кровать, стоящая в другой комнате, и нагая женщина с волосами, как старое серебро, озаренная невероятным лунным светом.

Райделл сдернул очки. Фредди закинул голову, вздрагивая от беззвучного хохота, длинные черные пальцы придерживали поставленный на колени компьютер.

– Ты бы, – выдавил он наконец, – только поглядел сейчас на свою рожу! Я вставил сюда кусок этой порнухи, о которой говорил Аркадий, из кассеты, приобщенной к протоколу.

– Фредди, – вздохнул Уорбэйби, – тебе что, так уж не терпится заняться поисками работы?

– Нет, сэр.

– Иногда я бываю очень жестким. И ты это знаешь.

– Да, сэр.

В голосе Фредди звучало искреннее беспокойство.

– В этой комнате умер человек. Некто нагнулся над этой кроватью, – Уорбэйби указал на отсутствующую кровать, –

перерезал ему глотку и протащил через щель язык. Это не какое-нибудь там случайное убийство. По телевизору таким анатомическим шуткам не научишься.

Он взял у Райделла очки. Угольно-черные диски, которые и стеклами-то не назовешь, оправленные в темно-серый графит.

– Да, сэр. – Фредди опустил глаза и сглотнул. – Извините, мистер Уорбэйби.

– А как это получается? – спросил Райделл.

Уорбэйби неспешно протер очки, неспешно их надел. Стекла снова стали хрустально-прозрачными.

– В оправе и линзах установлены индукторы, действующие прямо на оптические нервы.

– Виртуальный свет, – пояснил Фредди; новая тема разговора устраивала его гораздо больше, чем прежняя. – На этот дисплей можно вывести абсолютно все, представимое в цифровой форме.

– Телеприсутствие?

– Нет, – мотнул головой Фредди, – там работает *свет*. Вылетают фотоны, попадают тебе в глаз. Здесь все иначе. Мистер Уорбэйби ходит по комнате, рассматривает ее – и может одновременно видеть данные из протокола, да хоть какие. Надень эти очки на человека, потерявшего *глаза*, но сохранившего оптические нервы, и он *увидит*. Их так сначала и придумали, для слепых.

Райделл подошел к окну, раздвинул шторы и посмотрел

вниз, на ночную улицу нового, незнакомого города. Редкие прохожие спешили по своим неизвестным делам.

– Фредди, – сказал Уорбэйби, – выведи-ка мне из интенсьюровских файлов эту Вашингтон. Девушку, работающую в «Объединенной курьерской».

Фредди кивнул и что-то сделал с компьютером.

– Да, это возможно. – Уорбэйби внимательно изучал нечто, видимое ему одному. – Вполне возможно. Райделл, – он снял очки, – я бы хотел, чтобы и ты взглянул.

Райделл отпустил шторы, подошел к Уорбэйби, взял очки, тем же движением их надел. У него было отчетливое чувство, что сейчас не стоит медлить, мяться в нерешительности – хотя бы даже в результате пришлось снова смотреть на того мужика, на жмурика.

Чернота, цветные вспышки, а затем – лицо девушки, спереди и в профиль. Отпечатки пальцев. Сетчатка правого глаза, увеличенная до размеров ее головы. Цифровые данные. ВАШИНГТОН, ШЕВЕТТА-МАРИ. Большие серые глаза, длинный прямой нос, легкая улыбка, предназначенная, видимо, фотографу. Темные, коротко остриженные волосы собраны на макушке не то в метелку, не то в хвост.

– И что же ты думаешь? – спросил Уорбэйби.

Райделл напрочь не понимал, о чем его спрашивают, не знал, что тут можно ответить.

– Симпатичная.

Похоже, я сморозил глупость, подумал он, услышав при-

глушенное фыркание Фредди.

Однако Уорбэйби спокойно кивнул.

– Прекрасно. Значит, ты ее не забудешь.

«Санфлауэр»

В бетонном лабиринте противотанковых заграждений Сэмми Сэл оторвался и пропал из виду; при всех своих внушительных размерах он был непревзойденным мастером езды по узким, петляющим проулкам. Он умел делать абсолютно невозможные повороты, при необходимости Сэмми мог вздыбить велосипед и развернуться на триста шестьдесят градусов. Шеветта пару раз видела, как он делал такое на спор. А что оторвался, так она прекрасно знала, где его найти.

Проскакивая между первой парой надолб, Шеветта взглянула вверх и почувствовала, что мост тоже на нее смотрит, смотрит сотнями освещенных окон, фонарей и неоновых вывесок. Она видела картинки, на что был похож мост раньше, в те времена, когда по нему днем и ночью мчались машины, видела, но как-то вроде и не верила этому. Мост для нее был то, что он есть, он не мог быть иным ни сейчас, ни прежде. Убежище, дикое, странное, но – убежище, где можно лечь и уснуть, единственный приют бесчисленных людей и их бесчисленных снов.

Она миновала тележку рыбака, проскочив юзом на мелких осколках льда и серых, тускло поблескивающих кишках. Кишки пролежат тут всю ночь, на рассвете их расхватают

чайки. Рыбник крикнул что-то вслед, но Шеветта не разобрала ни слова.

Она ехала между лотками и тележками в вечерней сутолоке, ехала и высматривала Сэмми Сэла.

Сэмми оказался там, где и должен был оказаться, – рядом с кофейной тележкой. Он ничуть не запыхался и стоял теперь, лениво оперевшись о свой велосипед; смуглая девушка с раскосыми глазами и острыми азиатскими скулами заваривала кофе. Шеветта притормозила рядом и соскользнула на землю.

– Решил, – сказал он, – что успею выпить маленькую без сахара.

Ноги Шеветты отчаянно ныли, гнать за Сэмом – это тоже тебе не сахар.

– Успеешь, если поторопишься, – сказала она, взглянув на мост, и повернулась к девушке. – Мне тоже.

Удар перевернутым ситечком по краю тележки, комок коричневой гущи полетел на землю и рассыпался, над ним поднялось легкое облачко пара. Девушка засыпала в ситечко кофе, чуть утрамбовала его пальцем, подняла ручку экспресски,插入了 ситечко, снова опустила ручку.

– Понимаешь... – сказал Сэмми Сэл и замолк, осторожно пробуя горячий кофе. – Ты не должна иметь таких проблем, ни к чему тебе это. Существуют две, и только две, разновидности людей. Люди, останавливающиеся в гостиницах вроде «Морриси», и мы с тобой. Существовал, говорят, и сред-

ний класс, люди, которые посередине, но это было давно и неправда. Как мы и подобные нам связаны с теми, другими? Мы развозим их конверты. Мы получаем за это *деньги*. Мы стараемся не наследить на ковре. Если дело этим и ограничивается, то все о'кей. Но что произойдет при более близком контакте? Что случится при соприкосновении?

Неосторожный глоток обжег Шеветте рот и горло.

– Преступление, – сказал Сэмми. – Секс. Возможно – наркотики. – Он допил кофе и поставил чашку на фанерную стойку. – Это практически исчерпывает все возможные варианты.

– Но ты-то их дерешь, – заметила Шеветта. – Ты сам говорил.

– Деру, – пожал плечами Сэмми, – ибо мне это *нравится*. Я понимаю, что могу нарваться на неприятности, и знаю, на что иду. А ты просто взяла и сделала черт знает что, безо всякой нужды и причины. Нарушила мембрану, отделяющую нас от *них*. Ручки у нее, видите ли, очень шаловливые. Дурь собачья.

Шеветта подула на кофе.

– Понимаю.

– Ну и как же ты намерена выпутываться из этой истории?

– Пойду к Скиннеру, возьму очки, отнесу их на крышу и выкину в воду.

– А что потом?

– Потом буду делать все как всегда, пока кто-нибудь не

придет по мою душу.

– А придет – что ты ему скажешь?

– Сделаю большие глаза. Скажу, что ни хрена не понимаю, о чем это он. Не было такого – и все тут.

– У-гу. – Сэмми медленно кивнул, в его голосе не чувствовалось особого энтузиазма. – Может, и проскочит. А может, и нет. Если каким-то там людям эти очки нужны позарез, они могут нажать на тебя так, что пискнешь и околеешь. Другой вариант: мы берем эти очки, отвозим их в «Объединенную», и ты рассказываешь все как на духу.

– Мы?

– У-гу. Я буду играть роль почетного караула.

– Меня выкинут с работы.

– Найдешь себе другую.

Шеветта допила кофе, поставила чашку, вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Работа – это все, что у меня есть. И ты, Сэмми, ты сам это знаешь. Ты сам ее мне нашел.

– А еще у тебя есть место, где спать, – там, на верхотуре. И этот придурочный старый раздолбай, который пустил тебя.

– Я его кормлю...

– И у тебя есть твоя собственная жопа, в целости и сохранности. А если некий хорошо обеспеченный джентльмен врежет тебе по известному месту мешалкой за то, что ты без спросу взяла его информационные очки, ситуация может сильно измениться.

Порывшись в карманах, Шеветта положила на стойку три никелевые пятерки за две чашки кофе и два доллара чаевых. Затем она храбро расправила обтянутые Скиннеровой курткой плечи. Негромко звякнули цепочки многочисленных молний.

– Нет. Отправлю это говно на дно залива, и никто ничего не докажет. Никогда.

– Невинное дитя, – вздохнул Сэмми.

Это звучало очень странно. Шеветта никогда не думала, что слово «невинность» можно использовать таким вот образом.

– Так ты идешь со мной?

– Зачем?

– Заговоришь Скиннеру зубы. Встанешь между ним и его журналами. Это там я их спрятала, за журналами. Тогда он не увидит, как я их вынимаю. Потом я поднимусь на крышу – и все, с концами.

– О'кей, – кивнул Сэмми. – Только я думаю, ты ищешь на вышеупомянутую жопу приключений. Доиграешься.

– Ничего, рискну.

Шеветта покатила велосипед к Скиннеровому подъемнику.

– Тебя не переспоришь, – еще раз вздохнул Сэмми и пошел следом.

В жизни Шеветты было всего три *по-настоящему* хоро-

ших, волшебных момента. Один – это когда Сэмми Сэл сказал, что попробует устроить ее в «Объединенную», и действительно устроил. Другой – когда она расплатилась наличными за свой велосипед и тут же, у дверей магазина, села на него и поехала. И еще вечер, когда она встретила в «Когнитивных диссидентах» Лоуэлла, хотя это еще как сказать, хорошо это было или плохо.

Не нужно только путать *хорошие* моменты с *удачными*; самые большие удачи неизменно приходили к Шеветте при обстоятельствах, которые никак не назовешь хорошими, когда вся жизнь вроде как намазана ровным толстым слоем говна, и нет этому говну ни конца ни края, и неизвестно даже, доживешь ты до завтра или нет, а тут вдруг раз – и удача.

Шеветте крупно повезло в памятную ночь, когда она сбегала из Бивертонской колонии для малолетних, сумела, самой непонятно как, перелезть через колючую проволоку, но все равно та ночь была хреновая, до предела хреновая. О чем свидетельствуют шрамы, так и сохранившиеся на обеих ладонях.

А как она впервые забрела на мост? Ведь это ж была *дикая* удача. Двигаясь в Сан-Франциско по побережью, Шеветта подхватила лихорадку и едва переставляла подламывающиеся ноги. Все, буквально *все* причиняло ей боль – свет, звуки, ветер, обдувающий кожу; мозг ее точно лишился защитных покровов, превратился в огромный ком боли, в чудовищный серый гриб, неудержимо рвущийся наружу. Она

помнила, как хлюпала оторвавшаяся подошва правой кроссовки, какую нестерпимую муку причиняло ей это хлюпание, как ноги подкосились окончательно и она села на густо усыпанную мусором мостовую. Мир стал светлым и прозрачным, плыл и вращался, и тут этот кореец выскочил из своей лавки и стал кричать: вставай, вставай, здесь нельзя, иди в другое место. Предложение показалось Шеветте весьма привлекательным, и она направилась прямо в Другое Место – завалилась назад и потеряла сознание, не успев даже почувствовать, как ударилась затылком о бетон.

Здесь-то, надо думать, и нашел ее Скиннер, хотя он толком этого не запомнил, а может – Шеветта не была уверена, – просто не хотел об этом говорить. Вряд ли он мог сам затащить ее наверх, в свою конуру – ведь и нога больная, и вообще, – позвал, наверное, пару мужиков на помощь. А может, и не звал никого, сам справился, со Скиннером ведь не угадаешь. Старый, больной, а иногда – словно подключится к стокиловольтному питанию и делает вещи, непосильные даже молодым крепким парням, хоть стой, хоть падай. Вытащил он Шеветту – это точно, а уж как вытащил и сколько провалялась она потом в беспамятстве – дело темное.

Открыв глаза, она увидела круглое окно с мелким переплетом, заткнутое кое-где тряпками; солнце пробивалось сквозь сохранившиеся стекла цветными точками и пятнами, каких Шеветта никогда прежде не видела; эти точки и пятна плыли в ее воспаленных глазах, как водяные жуки в пруду.

Затем прошло огромное, мучительное время, вирус выжи- мал, выкручивал Шеветту так же, как этот старик выкручи- вал серые полотенца, которыми обматывал ей голову. Когда горячка кончилась, отступила, откатилась куда-то на сотни миль вдаль, когда Шеветта *вернулась*, перевалила через край болезни, голова ее оказалась лысой, как яйцо, волосы лежа- ли на мокрых полотенцах, словно набивка из старого гряз- ного матраса.

Когда волосы отросли, они поменяли цвет, стали темнее, почти черными. Может быть, поэтому Шеветта почувство- вала себя вроде как тоже изменившейся, другой. Только по- чему, думала она, *другой*? Не другой, а именно что *собой*, какая я есть.

Шеветта прижилась на новом месте, взяла на себя все обя- занности по добыванию еды и поддержанию порядка в ком- нате. Скиннер посылал ее на нижний уровень моста, где рас- кладывали свой товар торговцы старьем, посылал то с гаеч- ным ключом, украшенным надписью «БМВ», то с мятой кар- тонкой этих плоских черных штук, которые когда-то игра- ли музыку, то с мешком пластмассовых динозавров. Шевет- та не могла поверить, что весь этот хлам кому-то нужен, од- нако покупатели неизменно находились. Гаечный ключ поз- волил безбедно прожить целую неделю, за два черных дис- ка из пачки заплатили еще больше. Скиннер знал старые ве- щи, знал, где они изготовлены и для чего предназначены, мог с уверенностью сказать, что на это вот желающие найдутся

быстро, а на это – нет. Первое время Шеветта боялась продешевить – товар непонятный, поди разберись, сколько стоит, но Скиннера это, похоже, не беспокоило. Непроданный товар – те же, скажем, пластмассовые динозавры – возвращался «на склад», в кучи барахла, сложенные на полу вдоль всех четырех стен комнаты.

Отрастив новые волосы и немного окрепнув, Шеветта начала делать дальние вылазки – в пределах моста, город все еще оставался чем-то чужим, пугающим. Дважды она добиралась до самого Окленда, знакомилась с обстановкой. Жизнь там была вроде и похожая, но какая-то немного другая, а чем именно другая – не понять. Больше всего Шеветте нравилось у себя, на подвесном мосту, – одни люди слоняются без дела, другие шустрят; кто чем хочет, тот тем и занимается; и все это вместе вроде как растет, каждый день что-то новое – маленькие, едва заметные, но изменения. В Орегоне нет ничего подобного, да что там Орегон, такого, наверное, и нигде больше нету.

Сперва Шеветта даже не понимала, что ей здесь нравится, просто странное такое ощущение, психованное вроде, вроде как остатки горячечного бреда, но потом она подумала и решила, что это, наверное, и есть счастье и к счастью этому нужно привыкать.

Совершенно неожиданно выяснилось, что счастье – это совсем еще не все, что можно испытывать одновременно и счастье, и беспокойный, непоседливый зуд. Шеветта начала

делать осторожные вылазки в город; чтобы не ходить с совсем уж пустыми карманами, она утаивала часть – *совсем* маленькую часть – денег, вырученных за Скиннерово барахло. Изучать Сан-Франциско – этого занятия могло хватить надолго. Шеветта обнаружила Хайт-стрит, прошла по ней до Скайуокера, поглазела издалека на Храм Судьбы, но заходить за стену не стала. Вела туда аллея, даже не аллея, а узкий такой парк с очень подходящим названием: «Пэнх-эндл»¹⁷ – *общедоступный* парк (это ж представить себе, что такие еще сохранились!). Народу там было не протолкнуться в любое, считай, время дня, и все больше старики, во всяком случае выглядели они стариками, и все они лежали бок о бок, почти впритирку, и каждый завернут от ультрафиолета в серебристый пластик, блестящий, как костюмы Элвиса, только сами эти люди совсем не были похожи на Элвиса из видеофильмов, которые показывали иногда в Бивертоне. Так уж говоря, они и вообще походили не на людей, а на червяков, завернутых в серебряную фольгу, каждый – в свой, отдельный клочок, и шевелились они тоже как червяки, у Шеветты прямо мурашки бежали по коже. Не любила она это место.

На Хайт-стрит она тоже чувствовала себя вроде как неуютно, хотя там и были такие участки, что идешь, смотришь и все как на мосту: люди делают что хотят, ни от кого не прячась, вроде как копов и на свете не существует. Только

---

¹⁷ Panhandle (англ.) – ручка сковородки.

на мосту Шеветта ничего не боялась, да и чего же бояться, если рядом всегда есть знакомые, если не свои, так хотя бы Скиннеровы, уж его-то, Скиннера, там каждая собака знает. И все равно она любила ходить по Хайт – где же еще найдешь столько мелких лавочек, такую дешевую еду. Вот, скажем, булочная, где всегда можно купить вчерашние бублики, дешево и хорошо; Скиннер говорит, что такие бублики и нужно есть, вчерашние, а свежие бублики все равно что яд, от них кишки склеиваются, или затыкаются, или еще что-то в этом роде. У него, у Скиннера, много таких заморочек. Пообвыкнув, Шеветта начала даже заходить в хайт-стритские лавочки, почти во все, только старалась вести себя там очень тихо, улыбаться и не вынимать руки из карманов.

Однажды она заметила вывеску «Цветные люди», подошла – и не смогла понять, чем же это таким торгует лавка. По занавешенной сзади витрине были расставлены и разбросаны странные вещи – кактусы в горшках, большие ржавые железяки и еще какие-то маленькие, зеркально отшлифованные стальные штучки. Кольца, короткие стержни с шариками на концах и всякое такое, и одни из них висят на кактусах, прямо на иголках, а другие лежат на тех ржавых железяках. И эта самая занавеска, из-за нее не видно, что там внутри. Дверь лавки не была заперта, люди входили туда без всякого звонка или там стука; Шеветта набралась смелости и решила, что не будет ничего страшного, если она откроет дверь и хоть краем глаза посмотрит, что же там такое делается. Из

лавки вышел, посвистывая, толстый мужик в белом комбинезоне, затем вошли две высокие черноволосые женщины, с головы до ног в черном, как вороны. Интересно, чем они там таким занимаются.

Шеветта сунула голову в дверь. За прилавком стояла женщина с короткими огненно-рыжими волосами, все стены помещения были увешаны потрясными картинками, краски такие, что ослепнуть можно, и все сплошные змеи и драконы и всякое такое. Дикое количество картинок, все сразу и не рассмотришь; Шеветта стояла раскрыв рот, а потом эта женщина за прилавком сказала: да ты заходи, чего дверь загораживаешь, – и Шеветта вошла, и только тут она увидела, что продавщица, или кто там она еще, одета во фланелевую рубашку без рукавов, распахнутую до пупа, и что ее руки и все, сколько видно, тело сплошь разрисованы такими же в точности картинками.

Тоже, казалось бы, новость – татуировка, татуировок Шеветта насмотрелась по это самое место и в подростковой колонии, и так, на улице, но ведь там была сплошная кустарщина, для которой достаточно иголок, цветной туши, нитки и шариковой ручки. Она подошла к прилавку и уставилась на безумное неистовство красок, сверкавшее между грудей женщины (не таких *больших*, как у Шеветты, хотя женщине этой было уже под тридцать, а может, и все тридцать), и там были осьминог, и роза, и голубые зигзаги молний, и все это переплетено, перемешано, ни хоть вот столько неразри-

сованной кожи.

– Вы хотите что-нибудь купить, – спросила женщина, – или просто так смотрите?

Шеветта испуганно сморгнула и потупилась.

– Нет, – услышала она свой голос, – я только вот никак не могу понять, что это за маленькие металлические штучки, которые в витрине.

На прилавке лежала большая книга, переплетенная в черную кожу с хромированными накладками. Женщина развернула ее к Шеветте, раскрыла на первой странице, где красовался странного вида член – здоровенный, с двумя маленькими стальными шариками по бокам клиновидной головки.

Шеветта хрюкнула от удивления.

– Амфаланг, – пояснила татуированная продавщица, – или амфитрахий, как называют его некоторые, имеет много разновидностей. Это – гантель, а это, – она перелистнула страницу, – шпора. Запонки. Кольцо. Грузила. А эта модель известна как «мутовка». Нержавеющая сталь, ниобий, белое золото пятьсот восемьдесят третьей пробы.

Она перекинула страницы назад, и перед Шеветтой снова возник тот, самый первый болт.

Фокусы, подумала Шеветта. Нарисовать любое можно.

– Так больно же будет, – сказала она вслух.

– Не так больно, как тебе кажется, – прогудел низкий бархатистый голос, – а потом как привыкнешь, так чистый *кайф*.

На черном-черном, как черное дерево, лице парня сверка-

ла широкая, в тридцать два ослепительно-белых зуба, улыбка, под подбородком болталась нанопористая маска, – вот так и произошло первое знакомство Шеветты с Сэмьюэлом Саладином Дюпре.

Двумя днями позднее она увидела его на Юнион-сквер, в компании велосипедных курьеров. Она давно уже пялилась на этих ребят. Одежда и прически – как ни у кого кроме, а главное – велосипеды со светящимися колесами и рулями, загнутыми вверх и вперед, как скорпионьи хвосты. А еще шлемы со встроенными рациями. Они либо неслись куда-то во весь опор, либо вот так вот, как сейчас, мирно тусовались – чесали себе языками да пили кофе.

Сэм стоял вместе со всеми, скинув ноги с педалей на землю, и ел верхнюю половинку бутерброда. Розовая в черную крапинку рама гудела низкой, почти одни басы, музыкой, длинные черные пальцы левой руки безостановочно плясали по рулю, отбивая такт. Шеветта подошла поближе, чтобы присмотреться к велосипеду. Переключение скоростей, тормоза, все такое хитрое и, ну, *красивое*, что чистый отпад.

– В пуп и в гроб, – несколько гнусаво провозгласил Сэм, его рот был забит бутербродом. – В пуп и в гроб мой амфи... мой амфитрахий. Ам-фал-л-ланг. Где ты раздобыла такие туфли?

Старые парусиновые кеды, позаимствованные у Скиннера. Настолько длинные, что Шеветте пришлось запихать в каждый чуть не по целой газете.

– Вот, бери. – Сэм сунул ей в руку вторую половинку своего бутерброда. – Я уже заправился.

– Велосипед у тебя... – восхищенно помотала головой Шеветта.

– Чего там с моим велосипедом?

– Он... Ну, он...

– Нравится?

– Ага.

– А то, – гордо ухмыльнулся Сэм. – «Сугаваровская» рама. «Сугаваровские» передачи и подшипники. Гидравлика от «Зуни». Полный абзац.

– И *колеса*, – добавила Шеветта. – Потрясные колеса.

– Ну, – ухмыльнулся Сэм, – это больше так, для балды. И чтобы мудак, который сшибет тебя на улице, хоть заметил, что кого-то там сшибает.

Шеветта потрогала руль. Потрогала *музыку*, гудевшую в велосипеде.

– Да ты ешь, – сказал Сэмми. – За фигуру тебе бояться не приходится.

Шеветта послушно откусила бутерброд, и они разговорились, и это, собственно, и было их настоящее знакомство.

Затаскивая велосипед по хлипкой фанерной лестнице, Шеветта рассказала Сэму о японке, как та вывалилась из лифта. И как она сама, Шеветта, в жизнь не попала бы на ту пьянку и даже не знала бы, что где-то там идет пьянка, если

бы не оказалась в том самом месте – перед лифтом, значит, – в тот самый момент. Сэмми отвечал неразборчивым хмыканьем; колеса его велосипеда погасли, стали тускло-серыми.

– А чья же это была пьянка и по какому случаю? Ты там ни у кого не спросила?

Мария. Мария же говорила.

– Коди. Мне сказали, что хозяин – какой-то *Коди* и...

Сэмми Сэл резко притормозил, брови его поползли вверх.

– Так-так. Коди Харвуд?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Шеветта. Бумажный, почти невесомый велосипед абсолютно не сковывал ее движений.

– А кто это такой – Коди Харвуд, ты хоть это-то знаешь?

– Нет.

Площадка. Теперь можно не тащить велосипед, а катить.

– Ба-альшие башли. Реклама. Харвуд Левин – это его папаша.

– Ну да. – Шеветте было по фигу, кто там чей папаша. – Я же говорила, что там и публика, и все-все там было богатое.

– Папашина фирма руководила избирательной кампанией президентши Миллбэнк и на этих выборах, и на прошлых.

Но Шеветта была занята более важным делом – активировала распознающую петлю. Сэмми поставил свой велосипед рядом, загоревшиеся было колеса потускнели и снова стали серыми.

– Я прицеплю его к своему, на той же петле. Да здесь их

вообще никто не тронет.

— Вот так же думал и я, — сказал Сэмми, наблюдая, как Шеветта вытягивает петлю, как она осторожно, чтобы не оставить на розовой с черным эмали ни царапинки, обматывает раму его велосипеда, как запечатывает петлю большим пальцем. — В тот раз, когда у меня сперли первый велосипед. И следующий.

К величайшей ее радости, желтая корзина подъемника была внизу; гостей у Скиннера, похоже, нет.

— Ну так что, поехали?

Шеветта запоздало вспомнила, что обещала утром купить у Джонни-таиландца суп, кисло-сладкий лимонный суп, любимое блюдо Скиннера.

Когда она сказала Сэму, что хочет курьерить, хочет иметь свой собственный велосипед, он принес ей мексиканский шлем с наушниками и наглазниками, обучающий, где в Сан-Франциско какая улица и как куда проехать. Через три дня Шеветта знала город вдоль и поперек, хотя и не так, как знают его курьеры. У курьера, сказал Сэмми, в голове такая карта, какой нигде больше и нет. Тут же нужно знать все основные здания, и как в них войти, и как там себя вести, и что нужно делать, чтобы какая-нибудь сволочь не стырила твой велосипед. Но когда он привел ее к Банни, все прошло без сучка без задоринки, чудо, да и только.

За три недели она заработала достаточно, чтобы купить

себе вполне приличный велосипед, это тоже было вроде как чудо.

Примерно в это же время Шеветта начала встречаться после работы с парой других «Объединенных» велосипедисток, с Тэми Ту и Элис Мэйби, через них-то она и забрела тогда к когнитивным диссидентам. Забрела и познакомилась с Лоуэллом.

– Здесь у вас никто не запирается, – сказал Сэмми, глядя снизу, как Шеветта поднимает крышку люка.

Шеветта зажмурилась и увидела целую толпу копов, набившуюся в Скиннерову клетушку, попыталась рассмотреть, как они одеты, но не смогла. Затем она открыла глаза и просунула голову в люк.

Обычная, ежедневно наблюдаемая сцена. Скиннер лежит в постели, взгромоздив маленький телевизор прямо себе на грудь, из серых дырявых носков выглядывают желтые ороговевшие ногти.

– Привет, – сказала Шеветта, поднимаясь вверх. – Я привела Сэмми. Мы с ним вместе работаем.

В люк просунулись голова и плечи Сэмми Сэла.

– Здравсьте, – кивнул Сэмми.

Скиннер молчал, по хмурому морщинистому лицу бежали цветные отсветы экрана.

– Как поживаете? – вежливо осведомился Сэмми; он поднялся в комнату и прикрыл за собой крышку люка.

– Ты поесть что-нибудь принесла? – Скиннер словно и не замечал гостя.

– Джонни говорит, что суп будет готов чуть попозже, – сказала Шеветта, двигаясь к стеллажу с журналами, и тут же осеклась: ну надо же – сморозить такую глупость! Суп этот готов *всегда*, двадцать четыре часа в сутки, – Джонни заварил его много лет назад и с тех пор только и делает, что добавляет продукты в постоянно кипящий котел.

– Как поживаете, мистер Скиннер? – терпеливо повторил Сэмми. И подмигнул Шеветте. Он стоял, чуть наклонившись, чуть расставив ноги, и держал шлем перед собой, в обеих руках, ни дать ни взять – подросток, пришедший засвидетельствовать почтение папаше своей подружки.

– А чего это ты там подмигиваешь?

Скиннер щелкнул выключателем, и экран погас. Шеветта купила этот телевизор в Мышеловке, с контейнеровоза. Скиннер говорил, что не в силах больше разобрать, какие из передач «программа», а какие «реклама», что бы эти слова ни значили.

– Да нет, мистер Скиннер, – сказал Сэмми Сэл, – что вы, просто в глаз что-то попало.

Он переступил с ноги на ногу и стал еще больше похож на нервного, неуверенного в себе подростка. Шеветта бы, пожалуй, расхохоталась, если бы не другое, *важное* дело. Прикрытая широкой спиной Сэмми, она пошарила за журналами. На месте, слава богу. Вытащим – и в карман.

– Сэмми, а ты смотрел когда-нибудь на город с нашей вер-хотуры?

Шеветта чувствовала на своем лице широкую придуроч-ную улыбку, чувствовала недоумение Скиннера, пытавшего-ся понять, что же тут происходит, но ей сейчас все было по-фигу. Она взлетела по стремянке к потолочному люку.

– Нет, лапа, никогда. Полный, наверное, отпад.

– Слышь, – сказал Скиннер, глядя, как Шеветта открыва-ет люк, – что это с тобой, сдурела, что ли?

Но она уже поднялась в недвижность навалившегося на-мост воздуха. Чаще всего здесь дул ветер, вызывавший о-строе желание лечь ничком и вцепиться во что-нибудь по-крепче, но бывали и такие вот моменты мертвого, абсолю-тного затишья. Сзади слышались шаги Сэмми. Шеветта вы-нула футляр из кармана и шагнула к краю крыши.

– Подожди, – сказал Сэмми. – Дай посмотреть.

Шеветта занесла руку для броска. Цепкие черные пальцы-выхватили у нее футляр.

– Ты что!

– Стихи. – Сэмми открыл футляр, извлек из него очки. – Отличная штука...

– Отдай!

Шеветта протянула руку, но получила только сланцево-се-рую скорлупку футляра.

– Видишь, как это делается? – Сэмми держал очки за дуж-ки. – Слева «aus», справа – «ein». Вот так вот, слегка сдви-

нуть – и все.

В тускловатом свете, пробивающемся из люка, – длинные черные пальцы.

– Вот, попробуй сама, – сказал Сэмми, надевая на Шеветту очки.

Деловые кварталы Сан-Франциско, Пирамида, стянутая после землетрясения стальными скрепами, дальние горы – все это исчезло.

– Еж твою в двадцать, – пораженно выдохнула Шеветта, глядя на ровный строй невероятных зданий. Огромные – шириной, пожалуй, в четыре городских квартала каждое, – они отвесно уходили к небу, чтобы там, на головокружительной высоте, распуститься широкими, похожими на дуршлаги полусферами. Затем небо заполнилось китайскими иероглифами.

– Сэмми...

Она покачнулась и тут же почувствовала на правом локте твердую руку Сэма.

Китайская надпись искривилась, поплыла, выстроилась в нормальные буквы.

САНФЛАУЭР КОРПОРЕЙШН.

– Сэмми...

– А?

– Что это за хрень?

Стоило Шеветте присмотреться к чему-нибудь повнимательнее, как в небе вспыхивала новая надпись, тесные строч-

ки непонятных технических терминов.

– Откуда мне знать, я же не вижу, чего ты там видишь. Дай посмотреть.

– Скутер, – донесся снизу голос Скиннера. – Чего это ты вдруг вернулся?

Шеветта беспрекословно отдала Сэмми Сэлу очки, опустилась на колени и заглянула в люк. Ну да, тот самый японский недотепа, который ходит все время к Скиннеру, студентик, или социальный работник, или кто уж он там такой. Только чего этот японец так странно выглядит, он и всегда-то как пыльным мешком ударенный, а тут и вообще. Испуганный какой-то. И кто это с ним второй?

– Ну так что, Скутер, – сказал Скиннер, – как жизнь молодая?

– Это мистер Лавлесс, – пробормотал Ямадзаки. – Он хочет с вами познакомиться.

– Эй, на крыше! – Незнакомец сверкнул золотыми коронками и вытащил из кармана длинного черного дождевика пистолет. Он держал оружие с привычной непринужденностью профессионала, как плотник свой молоток или смазчик – масленку. На его руке была хирургическая перчатка. – Чего ты туда залезла, спускайся к нам.

«Мышеловка»

– А делается это так, – сказал Фредди, вручая Райделлу кредитную карточку. – Ты платишь пять сотен за вход и имеешь потом право набрать на эти пять сотен товару.

Райделл взглянул на карточку. Какой-то голландский банк. В счет, нужно понимать, зарплаты. Сейчас, пожалуй, самое время спросить, какая она будет, эта зарплата. А может, и не самое время, может, лучше подождать, а то больно уж у него, у Фредди, мрачное настроение.

По словам Фредди, этот Контейнерный город – лучшее место, чтобы быстро и без хлопот купить одежду. *Нормальную*, будем надеяться, одежду. Уорбэйби пьет сейчас травяной чай в этом странноватом кафе. Сказал, что ему нужно спокойно подумать. Отослал Райделла к машине, а Фредди задержал и пару минут с ним секретничал.

– А что, если мы ему понадобится? Поехать захочет куда-нибудь или еще что.

– Позвонит и вызовет.

Следуя указаниям Фредди, Райделл засунул кредитную карточку в кассовый автомат и получил пятисотдолларовый магнитный чек Контейнерного города плюс разрешение на парковку «Патриота».

– Теперь сюда, – сказал Фредди, указывая на турникеты.

– А ты что, не будешь платить?

– На хрена? – ухмыльнулся Фредди. – Я покупаю одежду в *других* местах.

Он открыл бумажник и продемонстрировал Райделлу карточку с эмблемой «Интенсекьюра».

– А я-то считал, что вы на них работаете сугубо по договору.

– Сугубо, но очень часто, – пояснил Фредди, засовывая в прорезь интенсекьюровскую карточку. Райделл прошел через соседний турникет с помощью своего магнитного чека.

– Так это что же, без пяти сотен сюда и не войдешь?

– Да, потому и название такое – «Мышеловка». Они это придумали, чтобы не прогореть на эксплуатационных расходах, защитили себя от зевак, не собирающихся ничего покупать. Каждый вошедший оставит здесь не меньше этих пяти сотен.

Контейнерный город оказался исполинским крытым рынком, если можно назвать рынком место, где паркуются не грузовики, а корабли, *большие* корабли. Судя по всему, пятисотдолларовый минимум никого особенно не отпугивал, люди здесь толклись даже теснее, чем на улице.

– Гонконгские деньги, – сказал Фредди. – Эти ребята купили целый кусок набережной.

– Слышь, – удивленно воскликнул Райделл, указывая на смутный силуэт, вырисовывавшийся за крановыми балками и прожекторными мачтами, – так это ж мост, тот самый, на

котором люди живут.

– Да, – криво усмехнулся Фредди, – только лучше бы сказать не «люди», а «психи».

Он направил Райделла к эскалатору, неумоимо избегавшему на безупречно белый борт огромного контейнеровоза.

– Охренеть можно, – восхитился Райделл, оглядывая сверху Контейнерный город. – Куда там Лос-Анджелесу, там такого не найдешь!

– Ну уж не скажи, – качнул головой Фредди, – и я родился в Лос-Анджелесе, так что знаю, о чем говорю. А это – рынок себе и рынок, плешь собачья.

Райделл купил бордовую нейлоновую куртку, две пары черных джинсов, три черные футболки и белье, за все про все – пять сотен с небольшим, так что пришлось доплатить по кредитной карточке.

– Совсем и не дорого, – сказал он, укладывая покупки в желтый полиэтиленовый мешок с эмблемой Контейнерного города. – Спасибо, Фредди, что показал такое место.

– Не за что, – пожал плечами Фредди. – А что там на джинсах написано, где они произведены?

Райделл изучил ярлык.

– Африканский союз.

– Ну вот, – кивнул Фредди, – принудительный труд. Не нужно было тебе брать это говно.

– Я как-то не подумал... А как тут с едой, поесть тут можно где-нибудь?

– Сколько душе угодно...

– А ты-то пробовал когда такую вот корейскую хрень маринованную? Ну прямо огонь во рту...

– У меня язва. – Фредди методично закладывал себе в рот ложку за ложкой простого, безо всяких там примочек йогурта.

– Стресс, Фредди, это все от стресса.

– Очень смешно. – Фредди оторвался от розовой пластиковой миски и окинул Райделла недружелюбным взглядом. – Ты что, всегда такой юморист?

– Какой там юмор, – печально улыбнулся Райделл, – просто так уж вышло, что я про язву много знаю: у моего отца тоже думали, что язва.

– Так была она у него или нет, язва, у твоего папаши?

– Нет, потом вдруг оказалось, что не язва, рак желудка.

Фредди болезненно сморщился, отставил свой йогурт, покрутил в пальцах бумажный стаканчик с ледяной минеральной, отхлебнул из него и тоже отставил.

– Эрнандес говорит, – сказал он, – что ты учился на копа в какой-то там глухой дыре.

– Ноксвилл, – кивнул Райделл. – И не просто учился, я *был* копом. Только недолго.

– Ну да, конечно, понимаю. – Фредди не то успокаивал Райделла, не то извинялся за свою «глухую дыру». – Так ты что, прошел полную тренировку по всем этим полицейским

штучкам?

– Н-ну, – протянул Райделл, – в нас старались впихнуть всего понемногу. Осмотр места происшествия. Вот, скажем, в этом номере, сегодня. Я точно знаю, что они не работали с суперклеем.

– Не работали?

– Нет. В суперклее есть такая химическая зараза, которая липнет к содержащейся в отпечатках воде, а ведь они, отпечатки, из той воды, считай, и состоят, на девяносто восемь процентов. Ну так вот, есть такой маленький нагреватель, специально для клея, вставляется прямо в обычную розетку. Включаешь его, затыкаешь окна и двери мусорными метками, да хоть чем угодно, лишь бы заткнуть, и оставляешь так на двадцать четыре часа, потом возвращаешься и очищаешь там воздух.

– Как это – очищаешь?

– Ну, проветриваешь. Открываешь окна и двери. Потом все как обычно – ищешь отпечатки, обрабатываешь порошком. А там, в отеле, ничего этого не сделали. После такой обработки на всем остается тоненькая такая пленка. И еще запах, как ни проветривай...

– Ни хрена себе, – уважительно протянул Фредди, – да ты, получается, настоящий спец.

– Тут же все на уровне здравого смысла, – отмахнулся Райделл. – Ну вроде как не пользоваться туалетом.

– Туалетом? Не пользоваться?

– На месте преступления. Не ходить в туалет. Не спускать воду. Ведь если бросить что-нибудь в унитаз... Ты обращал внимание, как там все устроено, вода прет вниз, а потом вверх и снова вниз.

– Ага, – кивнул Фредди.

– Так вот, вполне возможно, что преступник или кто там еще бросил туда что-нибудь и спустил. А эта хрень не спустилась совсем и так и болтается там, в трубе. А ты придешь, спустишь воду – и все, с концами.

– Вот же мать твою, – восхитился Фредди. – Ну никогда такого не знал.

– Здравый смысл, – повторил Райделл, вытирая губы бумажной салфеткой.

– А ведь прав мистер Уорбэйби, точно прав.

– Это про что?

– Он говорит, что мы зря усадили тебя за баранку, что ты можешь заниматься куда более серьезными делами. Сам-то я, если по-честному, совсем не был в этом уверен.

Фредди замолчал, словно ожидая, что Райделл обидится.

– Ну и?

– Ты заметил, что у мистера Уорбэйби на ноге шина?

– Да.

– Ты знаешь этот мост, на который ты еще показывал?

– Да.

– И ты помнишь снимок этой рассыльной соплячки, малолетка такая, крутая, как яйцо?

– Да.

– Ну так вот, – вздохнул Фредди, – мистер Уорбэйби уверен, что она-то и обворовала этого мужика. И она живет на мосту. А мост этот самый – местечко страшное, *жуткое*. Там сплошные анархисты, жуть сплошная...

– А я слышал, там самые обыкновенные люди, бездомные. – Райделл смутно припомнил какой-то старый документальный фильм о мосте. – Устроились там и живут.

– Хрен там, бездомные. – Для убедительности Фредди сжал правую руку в кулак и стукнул по ее сгибу ребром левой ладони. – *Бездомные*, они живут *на улице*. А эти, на мосту, они же все там сатанисты и хрен знает что. Вот ты, наверное, думаешь, что можешь пойти туда и так себе спокойно разгуливать? Хрен ты там погуляешь. Они ж туда только *своих* пускают. Это у них вроде как культ, инициации и все такое белье-мое.

– Инициации?

– *Черные* инициации, – наставительно поднял палец Фредди.

Нужно думать, ухмыльнулся про себя Райделл, красавчик не имеет в виду *расовый* аспект этих ритуалов.

– О'кей, – сказал он вслух, – только как это все связано с ногой мистера Уорбэйби?

– Вот там-то, *на мосту*, ему и *повредили* колено, – торжественно поведал Фредди. – Он *пробрался* туда, отчетливо понимая, что *рискует* своей жизнью, но он был готов на

все, лишь бы спасти это дитя. Маленькую *девочку*. – Фредди прямо упивался своим повествованием. – Эти суки с моста, они же часто *это* делают.

– Что – «это»? – В глазах Райделла стояли постные, невыразительные физиономии «Медведей-Шатунов».

– Воруют детей, – объяснил Фредди. – И теперь ни мистер Уорбэйби, ни я, ни один из нас не может и близко туда подойти, ведь эти суки, они на нас охотятся, понимаешь?

– А потому вы хотите, чтобы туда пошел я?

Райделл запихнул скомканную салфетку в картонную коробку из-под кимчи¹⁸.

– Пусть уж мистер Уорбэйби сам все это объясняет, – вздохнул Фредди. – У него лучше получится.

Они нашли Уорбэйби там же, где и оставили, – в темноватом, с высоким потолком кафе; район, сказал Фредди, зовется Норт-Бич. На Уорбэйби снова были эти хитрые очки, но что уж там изучал знаменитый сыщик, оставалось полной загадкой.

Райделл прихватил из машины свой синий «самсонит» и мешок с покупками, ему не терпелось переодеться. Туалет в кафе имелся всего один, на одну персону вне зависимости от пола, в туалете этом была даже ванна, так что он вполне заслуживал гордое название «ванная комната». Судя по всему, ванной этой никто никогда не пользовался – на внутрен-

---

¹⁸ *Кимчи* – корейское овощное блюдо, очень острое и пряное.

ней ее поверхности была намалевана русалка в натуральную величину. Неизвестный злоумышленник прилепил к животу морской девы коричневый окурок, чуть повыше того места, где кончается кожа и начинается чешуя.

Райделл обнаружил, что Кевиновы брюки лопнули сзади по шву, и с тоской задумался, сколько же это времени разгуливал он в таком вот пикантном виде, с голой задницей. Ладно, будем считать, что авария произошла только что, в машине, иначе кто-нибудь да сказал бы, да хоть тот же самый Фредди. Он снял интенсекьюровскую рубашку, затолкал ее в урну для мусора, надел одну из черных футболок, расшнуровал ботинки и задумался. Предстояла сложная задача – переодеть трусы, брюки и носки, ни разу не встав босыми ногами на подозрительно мокрый пол. Залезть в ванну? Да нет, там тоже грязно. В конечном итоге ему удалось выполнить все необходимые операции, сперва – стоя на снятых ботинках, а затем – полусидя на стульчаке; вся старая одежда отправилась в ту же самую урну. Размышляя, сколько же там осталось на этой голландской кредитной карточке, Райделл переложил бумажник в правый задний карман новых джинсов, а затем надел бордовую куртку. Умылся под жиденькой струйкой чуть тепловатой воды. Причесался. Уложил остальную одежду в «самсонит», не забыв и магазинный мешок – пригодится для грязного белья.

Хорошо бы, конечно, принять душ, но с этим придется повременить, переодеться удалось – и то слава богу.

На этот раз очки Уорбэйби оказались прозрачными.

– Фредди рассказал тебе немного насчет моста?

– Ну да, – кивнул Райделл. – Они там все сатанисты, пьют кровь христианских младенцев.

Уорбэйби сверкнул глазами на скромно потупившегося Фредди.

– Описание излишне колоритное, однако очень близкое к истине. Место не из самых приятных. К тому же оно фактически выпадает из сферы действия правоохранительных органов. К примеру, там ты не встретишь наших друзей Шитова и Орловского, во всяком случае – в их официальном качестве.

Еще один ледяной взгляд, и улыбка, появившаяся было на лице Фредди, увяла.

– Фредди мне все уже объяснил. Вы хотите, чтобы я отправился на мост и нашел эту девушку.

– Да, – мрачно кивнул Уорбэйби, – совершенно верно. Очень хотелось бы сказать тебе, что ничего опасного там нет, однако это не так. К крайнему моему сожалению.

– Да-а... И насколько же это опасно?

– Очень, – вздохнул Уорбэйби.

– А эта девушка, она что, тоже опасна?

– В высшей степени, – отчеканил Уорбэйби. – Тем более что *внешность* ее не внушает ни малейших опасений. Да что там говорить, ты же сам видел, что они сделали с горлом этого человека.

– Господи, – пораженно выдохнул Райделл, – неужели вы думаете, что эта девочка способна на *такое*?

– Ужас, – печально кивнул Уорбэйби. – Люди делают ужасные вещи.

Только теперь, вернувшись к машине, Райделл заметил, что припарковал ее прямо под огромной стенной росписью. Джей-Ди Шейпли, в черной кожаной куртке на голое тело, возносится в рай на руках полудюжины белокурых, предельно педерастичных ангелов. Голубыми сверкающими спиралями ДНК, исходящими из его живота, Шейпли поражал вирус СПИДа – ржавый, отвратительного вида шар со множеством зловещих механических лап, очень похожий на боевую космическую станцию из какого-нибудь фантастического фильма.

До чего же это было дико – быть этим вот парнем, Шейпли. А быть кем-нибудь другим – разве это не дико? Тоже дико. Но вот что особенно дико, так это быть Шейпли и умереть, как он, а *потом* глядеть на эту вот картинку.

«ТЕПЕРЬ ОН *ЖИВЕТ* В НАС, – гласила надпись большими, в добрый фут высотой, буквами, – И ТОЛЬКО ИМ МЫ ЖИВЕМ».

Истина, с которой мог бы поспорить разве что Саблетт, так и не сделавший себе ни одной прививки.

Конденсатор

У Шеветтиной матери был одно время дружок по фамилии Оукли, который пил по-черному, а в свободное от пьянки время возил бревна на лесопилку, если, конечно, не врал. Долговязый мужик с голубыми, широко посаженными глазами и лицом, изборожденным глубокими вертикальными морщинами. Мамаша восхищалась этими морщинами, говорила, что с ними Оукли похож на самого взаправдашнего ковбоя. И никакой у него не ковбойский вид, а такой, ну вроде как *опасный*, думала про себя Шеветта, но с матерью не спорила. К слову сказать, ничего опасного в Оукли не было, ну разве что примет на грудь слишком уж много – бутылку там виски или две – и перестанет понимать, что к чему. Иногда он начинал приставать к Шеветте, путал ее с мамашей, но Шеветте каждый раз удавалось вывернуться; проспавшись, Оукли не знал, куда глаза деть, и он шел в лавку и покупал ей всякие побрякушки, ну чтобы вину свою хоть как-то загладить. А сейчас, глядя сверху, через люк, на этого незнакомого мужика, Шеветта вспомнила тот случай, когда Оукли, трезвый как стеклышко, отвел ее в лес и дал пострелять из револьвера.

У этого, в комнате, было лицо вроде как у Оукли, и глаза такие же, и морщины на щеках. Такие морщины, как вроде

человек много улыбается, да он и сейчас улыбался, тип этот, только вот улыбка у него была такая, что никого не развеселит, не успокоит, и еще эти золотые зубы.

– Спускайся, – сказал он не очень громко, но все равно это звучало как приказ, за невыполнение которого того и гляди поставят к стенке.

– Ты что, парень, с буя сорвался? – В голосе Скиннера не чувствовалось страха – недоумение, любопытство, но никак не страх.

Сухой, совсем негромкий щелчок – и яркая голубая вспышка. Японец осел на пол, сразу как-то осел, неожиданно. Шеветта даже сперва подумала, что этот тип его застрелил.

– Заткнись, – бросил бандюга Скиннеру и снова повернулся к Шеветте. – *Спускайся*. Сколько раз тебе говорить?

Пальцы Сэмми Сэла тронули ее за затылок, чуть подтолкнули к люку, снова исчезли где-то там сзади.

Этот тип, он же, пожалуй, и не подозревает даже, что здесь, на крыше, есть еще какой-то Сэмми Сэл. А очки у Сэмми Сэла. И никакой этот мужик не коп, скорее уж наоборот.

– Извините, пожалуйста, – сказал японец. – Мне очень неудобно перед вами, но...

– Сейчас я всажу тебе пулю в правый глаз.

И все лыбится, лыбится, и голосок – ну прямо словно предлагает: «Хочешь, я куплю тебе сэндвич?»

– Сейчас, – сказала Шеветта, – иду. – И этот не стал больше стрелять ни в нее, ни в никого.

Она вроде как слышала, как Сэмми Сэл шагнул по крыше, отступил от нее и от люка, но не стала, конечно, оборачиваться. И она не знала, стоит закрывать за собой люк или нет, и решила, что не стоит, ведь мужик сказал ей спуститься, и ничего больше. Чтобы закрыть, ей нужно будет повернуться и протянуть руку назад, к крышке, а хрен там хрена этого знает, подумает еще, что она достает оттуда пистолет или еще что. Ну прямо тебе как в кино. Чистый цирк.

Спрыгивая с нижней ступеньки на пол, Шеветта старалась держать руки на виду, чтобы хрену этому было видно.

– Что ты там делала?

И улыбочка, все та же долбаная улыбочка. Пистолет и близко не похож на старый громадный и неуклюжий револьвер, привезенный Диком Оукли из Бразилии. Маленькая такая, тупорылая, почти квадратная хреновина из тускло-серого, точь-в-точь как инструмент в Скиннеровом ящике, металла. А на кончике дула, вокруг дырки, кольцо другого металла, блестящего, вроде как глаз с черным зрачком.

– На город смотрела.

Шеветта не ощущала особого страха. Да она сейчас и вообще ничего не ощущала, кроме дрожи в ногах.

Тип поднял голову, скользнул взглядом по черному зеву люка; рука, сжимавшая пистолет, не шевелилась, как каменная. Шеветта боялась, а вдруг он спросит, одна она была на

крыше или с кем; ответишь неуверенно или там со слишком горячей уверенностью, так он ведь сразу поймет, что врешь.

– Ты знаешь, за чем я пришел.

Скиннер сидел в кровати, привалившись спиной к стенке; от недавней его сонливости не осталось и следа. Японец – не только живой, но, похоже, даже не раненый – сидел на полу, широко раскинув длинные костлявые ноги.

– Ясненько, – сказал Скиннер, – наркотики или деньги. Только ты сильно ошибся адресом. Если хочешь, могу дать тебе пятьдесят шесть долларов и лежалый хабарик с дурью.

– Заткнись. – Золотоносная улыбка исчезла, теперь у мужика словно вообще не было губ – тонкая, как карандашом проведенная линия, и все. – Я не с тобой разговариваю.

Скиннер хотел вроде бы что-то сказать или, может, засмеяться, но не сделал ни того ни другого.

– Очки.

Тип снова сверкнул этой своей улыбкой, которая и на улыбку-то не похожа, и поднял пистолет, так что Шеветта глядела теперь прямо в злобный черный зрачок. *Ну пристрелит он меня, – мелькнула у нее мысль, – ну и что? А где он их потом искать будет?*

– Хэпберн, – сказал Скиннер с этой своей легкой, чуть ненормальной улыбочкой, и только теперь Шеветта заметила, что во лбу Роя Орбисона, который на стене, на постере, появилась круглая, аккуратная такая дырочка.

– Там. – Она указала на люк. На нижний люк, люк в полу.

– Где?

– В багажнике велосипеда.

(Только бы Сэмми не наткнулся в темноте на эту ржавую тележку, не загремел.)

Тип взглянул на потолочный люк – ну прямо мысли слушает.

– Лицом к стене, раскинь руки. – Он подошел ближе. – Ноги пошире. – Холодное прикосновение к затылку – пистолет, наверное. Бесстрастная, словно механическая, рука скользнула под куртку, ищет оружие...

– Так и стой.

Скиннеров нож – тот, керамический, с фрактальным лезвием – бандит прозевал. Шеветта чуть повернула голову и увидела, как он одной рукой обкручивает запястье японца чем-то красным и вроде как резиновым – яркая такая штука, ну вроде как эти мягкие жевательные конфеты, на червяков похожие, которыми торгуют из больших стеклянных банок. Потом он проволоком косоглазого дурика через всю комнату, пропустил красную хреновину через стальной кронштейн столика, того самого, за которым Шеветта завтракала, и обмотал свободным ее концом второе, покорно подставленное запястье. Этим дело не кончилось. Затянутая в резиновую перчатку рука извлекла из левого кармана черного дождевика еще одну такую же штуку и встряхнула ее, как игрушечную змею.

– Сиди, старик, на своей кровати и не рыпайся.

Бандюга ткнул Скиннера пистолетом в висок, наклонился и опутал его руки. Скиннер молчал и не шевелился.

Затем настала очередь Шеветты.

– Тебе мы сделаем спереди, а то по лестнице не сможешь спуститься.

Веревка эта, или как ее, оказалась холодной, скользкой, и типу этому не пришлось ее завязывать там или защелкивать, она сама склеилась на запястьях в кольцо, даже не склеилась, а срослась, безо всяких там швов. Веселенькие такие пластиковые браслеты, ярко-красные, ну прямо тебе детская игрушка. Теперь с молекулами каких только фокусов не делают.

– Я буду за тобой следить, – сказал он и снова стрельнул глазами на потолочный люк. – Так что спускайся медленно, без всяких штучек. Если ты спрыгнешь или побежишь, когда будешь внизу, – я тебя убью.

Шеветта ни секунды не сомневалась, что так он и сделает, если сможет, а вот сможет ли? Оукли, помнится, говорил в тот раз, в лесу, что это очень трудно – попасть в цель, когда стреляешь прямо вниз, а прямо вверх еще труднее. Так что стоило, пожалуй, рвануть, как только под ногами будет ровное место, всего-то и надо что отбежать от лестницы на шесть футов, а там уже угол, и поминай как звали... Шеветта еще раз взглянула в черный с серебряной радужкой зрачок пистолета и решила, что эта, насчет рвануть, идея не такая уж, в общем-то, и удачная.

Она подошла к люку и встала на колени. Спускаться по чуть ли не вертикальному трапу со связанными руками – номер трудный, почти акробатический; мужик помог Шеветте, ухватив ее за шкурку Скиннеровой кожанки. В конце концов она поставила ноги на третью от верха ступеньку и вцепилась пальцами в край люка, дальше уже было попроще. Она переставляла ноги на одну ступеньку вниз, отпускала ступеньку, за которую держалась руками, и хваталась за следующую – тут-то, собственно говоря, и был весь фокус: не успеешь перехватить достаточно быстро, потеряешь равновесие и сверзишься вниз, сделаешь чересчур резкое движение – тот же самый плачевный результат. А потом – все по новой.

Шеветта опускалась почти механически, думая совсем о другом, и как-то так вышло, что лестничная эта эквилибристика помогла ей просмотреть все возможные варианты и выбрать из них самый вроде бы осуществимый. Она думала спокойно и методично, немного даже удивляясь собственному спокойствию, *знакомому* спокойствию. Точно так же чувствовала себя Шеветта в Бивертоне, в ту ночь, когда она перебралась через колючую проволоку, взяла и перебралась, ничего не планируя заранее. А еще в тот раз, когда эти шоферюги-дальнобойщики решили затащить ее в свою спальную конуру; она тогда сделала вид, что не имеет, собственно, ничего против, а затем выплеснула одному из них в морду целый термос горячего кофе, врезала другому ногой по балде и выскочила наружу. Шоферюги искали ее битый час,

светили повсюду и фарами, и фонариками, а она все лежала и лежала в болоте, в кустах, и боялась пошевелиться, а комары жрали ее заживо. Так и стоят перед глазами ослепительно-яркие лучи, пляшущие на чахлых болотных кустиках.

Все, площадка. Шеветта отступила от лестницы, стараясь держать связанные руки на виду, а то еще что подумает. Мужик спустился быстро, бесшумно и даже красиво – ни одного лишнего движения. Только сейчас Шеветта обратила внимание, из какой странной ткани сшит его дождевик – ни малейшего глянца, и даже не матовая она, а словно вообще не отражает света, нисколько. А на ногах – ковбойские сапоги, тоже черные. Бегать в таких не хуже, чем в кроссовках, хотя мало кто об этом догадывается.

– Где они?

Короткая улыбка, мгновенная вспышка золота. Темно-русые волосы гладко зачесаны назад. Демонстративное движение стволом – чтобы Шеветта не забывалась, не думала ни о каких глупостях. Рука, держащая пистолет, начинала потеть, под белой резиновой перчаткой угадывались темные капли влаги.

– Дальше можно спуститься на... – Шеветта осеклась. Желтая корзина подъемника была наверху, точно на том месте, где ее оставили они с Сэмми Сэлом. А как же этот-то поднялся и японец тоже?

Новый проблеск золота.

– Мы воспользовались лестницей.

Ну да, служебная лестница, для маляров, стальные, чуть не насквозь проржавевшие скобы. Мало удивительного, что у японца поджилки потом дрожали.

– Так что, – спросила Шеветта, – ты идешь?

По пути к подъемнику она старательно смотрела себе под ноги, чтобы не забыть, не взглянуть назад и вверх – что там делает Сэмми. Спуститься он не мог – если медленно, осторожно, то не хватило бы времени, а скатываться по трапу быстро, так это какой бы грохот стоял.

Шеветта перекинула ногу через высокий пластиковый борт и беспомощно оглянулась. Золотозубый посадил ее, затем тоже влез в корзину и выжидательно замер.

– Этот вниз, – сказала она, указывая на один из рычагов.

– Давай.

Шеветта сдвинула рычаг на деление, на другое; снизу донесся вой мотора, корзина поползла под уклон. Внизу, под лампочкой, заключенной в мятую алюминиевую сетку, виднелся пятачок света. Интересно, подумала Шеветта, а что бы было, если бы Фонтейн или там кто еще появился бы сейчас, пришел бы, скажем, электрическое хозяйство проверить? Пристрелил бы его этот хмырь, точно пристрелил бы, а если двое или трое – всех бы пристрелил. Перещелкал бы одного за другим, а потом скинул в воду, это ж у него прямо на морде написано, большими буквами.

Он вылез из корзины боком, не спуская с Шеветты глаз, затем помог и ей. Помост под ногами ощутимо вибрировал

– снова поднялся ветер, и мост гудел, как гигантская эолова арфа. Издалека доносились обрывки смеха.

– Где? – спросил бандюга.

– Вон тот, розовый с черным. – Шеветта указала связанными руками на два велосипеда.

Бандюга даже не сказал «иди вперед» или там «достань», а только молча махнул пистолетом.

– Держись *подальше*, – сказал Шеветтин велосипед, когда до него оставалось футов пять.

– В чем дело?

Толчок стволом в спину, не то чтобы болезненный, но неприятный.

– Второй велосипед выступает, у этой рухляди охранная система.

Шеветта нагнулась, нажимом большого пальца освободила велосипед Сэмми Сэла, однако не стала просовывать руку в распознающую петлю.

– Ты что, засранец, английского языка не понимаешь? – угрожающе процедил велосипед. – Может, тебе *по-другому* объяснить?

– Выключи его, – скомандовал бандюга.

– О'кей.

Шеветта знала, что нужно сделать это одним быстрым движением – взяться двумя пальцами за резиновую изолирующую покрышку и качнуть велосипед в сторону.

А вот что бандюга наклонился так низко, что рама вле-

пилаась прямо в его пистолет, – это уж было чистым везением. Конденсаторы энергетических тормозов выбросили весь свой заряд в охранную систему, замаскированную липовой ржавчиной и артистически замусоленной проводящей лентой; рванувшись наружу, заряд превратился в короткую ослепительную молнию. Бандюга громко ударился коленями о помост, глаза его помутнели, на губах раздулся и тут же лопнул серебристый пузырек слюны. Шеветте показалось даже, что над тупорылым пистолетом поднимается струйка пара.

– Беги, – скомандовала она себе и пригнулась, но тут слышался звук, похожий на суматошное хлопанье крыльев, а еще через мгновение какой-то длинный черный предмет ударил полуобморочного бандита по спине, бросил его ничком на помост. Рулон толя; Шеветта подняла голову. Сэмми Сэл стоит на одной из углепластовых стяжек, обхватив рукой вертикальную опору. Стоит и улыбается, хотя нет, не может она этого видеть, слишком уж далеко, да и темно тоже.

– Ты забыла, – сказал Сэмми и бросил вниз что-то маленькое и темное. Ни на что не надеясь, Шеветта подняла связанные руки и выхватила из воздуха гладкий продолговатый футляр – очки словно сами стремились к ней вернуться. Она так и не поняла, зачем Сэмми это сделал.

И никогда уже не поймет – тупорылый пистолет разразился долгим кашляющим звуком, засверкали, сливаясь воедино, голубые вспышки; Сэмми Сэл качнулся назад и исчез,

словно его и не было никогда на этом месте.

Шеветта бросилась бежать.

19

Супербол

Красная пластиковая змейка, пропущенная сквозь стальной кронштейн скиннеровского стола, цепко держала Ямадзаки за руки, не позволяя подняться с колен. Где-то вдалеке дробно застучал и тут же смолк автомат – или какой-нибудь пневматический инструмент.

Голова Ямадзаки кружилась от сильного едкого запаха; чуть подумав, он решил, что это – запах его собственного страха.

На столике прямо перед глазами стояла щербатая тарелка с пятном засохшей зеленоватой грязи на краю.

– Все, что у меня есть, я ему так и сообщил, – сказал Скиннер, поднимаясь на ноги; его руки были связаны за спиной. – А ему не надо. Никогда не угадаешь, что им надо, верно?

Миниатюрный телевизор соскользнул с края кровати и грохнулся об пол, плоский экран вылетел и повис на радужной ленте кабеля.

– Мать твою.

Скиннер нагнулся и сморщился от боли; Ямадзаки был уверен, что старик сейчас упадет, однако тот наклонился вперед, чтобы удержать равновесие, и шагнул раз, другой.

Ямадзаки напряг руки – и вскрикнул, почувствовав, как затягиваются пластиковые узы. Словно живые.

– Тянешь их, выкручиваешь, а они все ту же и ту же, – слышался сзади голос Скиннера. – Стандартное снаряжение копов – не теперь, когда-то. Потом это говно запретили.

Комната содрогнулась от тяжелого удара, лампочка под потолком испуганно замигала. Ямадзаки оглянулся и увидел, что Скиннер сидит на полу, выставив вверх костлявые колени и чуть наклонившись вперед.

– Тут у меня двадцатидюймовые бокорезы. – Старик указал левой ногой на ржавый, помятый ящик с инструментами. – Только бы их достать.

Пальцы левой ноги Скиннера расширяли дыру в сером драпом носке, выбирались наружу.

– А и достану, так хрен я с ними управлюсь... – Он замер и взглянул на Ямадзаки. – Есть идея получше, не знаю точно, как тебе понравится.

– Да, Скиннер-сан?

– Посмотри на этот кронштейн.

Сломать кронштейн? Нет, не получится. Грубая, небрежная сварка, незачищенные капли застывшего металла, и все же сооружение выглядит весьма солидно. Девять головок разнокалиберных болтов. Подкос изготовлен из пачки стальных пластин, стянутых внизу и вверху ржавой железной проволокой.

– Я сам это сделал, – сказал Скиннер. – В подкосе три толстых ножовочных полотна. Зубья не сточены, как-то все недосуг было. Пощупай, они там кверху, чтобы портки не

цеплялись.

Ямадзаки провел пальцем по мелким острым зазубринам.

– Давай, Скутер, работай. Отличный металл, перережет все, что угодно. Почему я их и взял.

– Я перепилю эту веревку?

Ямадзаки поставил кисти на равном расстоянии от кронштейна и чуть натянул пластиковую змею.

– *Постой.* Этой долбаной штуке не понравится, что ты ее пилишь. Нужно сделать все очень быстро, иначе она врежется в руки до самых костей. Да *подожди* ты, кому говорят!

Ямадзаки застыл.

– Не нужно посередине. Перепилишь в этом месте – на каждом запястье останется по браслету, и это говно будет затягиваться ничуть не хуже, чем раньше. Нужно работать прямо на стыке, перепилить один браслет и сразу же заняться вторым, пока он тобой не занялся. А я попробую открыть эту хрень... – Скиннер стукнул ногой по ящику, там что-то забренчало.

Ямадзаки приблизил лицо к пластиковой змейке и повел носом; пахло чем-то медицинским. Он глубоко вздохнул, стиснул зубы и начал яростно пилить. Красные, словно игрушечные, браслеты стянулись, превратились в стальные тиски, запястья обожгло невыносимой болью. Ему вспомнилась хватка Лавлесса.

– Терпи, – сказал Скиннер, – ты *сможешь*.

Пластик распался с неожиданно громким щелчком, это

было похоже на звуковой эффект какого-нибудь детского мультфильма. На мгновение он почувствовал свободу – левый браслет расслабился, вбирая в себя массу правого и перемычки.

– Скутер!

Расслабился – чтобы тут же стянуться с удвоенной силой. Не помня себя от боли, Ямадзаки бросился к инструментальному ящику, успел смутно удивиться, что крышка уже откинута, и в тот же момент Скиннер ударил по ржавому, облупленному боку пяткой; ящик перевернулся, на пол посыпались сотни замысловатых металлических предметов.

– Синие ручки!

В куче хлама мелькнули длинные, неуклюжие рукоятки, обмотанные синей изолентой. Времени было в обрез – красная удавка ушла уже в тело почти наполовину и продолжала сжиматься. Правой, свободной, рукой Ямадзаки схватил кушачки, безжалостно вонзил толстые короткие лезвия в тыльную сторону левого запястья и навалился на верхнюю рукоятку. Взрыв боли. Звонкий щелчок. Все.

Скиннер шумно, с облегчением выдохнул.

– Как ты там? В порядке?

Ямадзаки осмотрел свои руки. На левой – глубокая синеватая борозда. Кровоточит, но не сильно, можно было ожидать и худшего. Он окинул взглядом пол; остатки наручников куда-то запропастились.

– Теперь меня, – сказал Скиннер. – Только подцепи снизу,

ладно? Постарайся не прихватить тело. А потом вторую руку – как можно *быстрее*.

Ямадзаки пощелкал кусачками, встал на колени, подсунул одно из лезвий под яркое, совершенно безобидное пластиковое кольцо, свободно висевшее на правом запястье старика. Полупрозрачная, вся в коричневых пятнах кожа, вздутые, перекрученные вены. Наручник лопнул на удивление легко – и тут же захлопнул левое запястье Скиннера; он извивался, как самая настоящая змея, только что не шипел. Не дожидаясь, пока злобная тварь сольет два своих кольца в одно и начнет сжиматься, Ямадзаки подцепил ее кусачками и перерезал. Новый, четвертый уже по счету щелчок, и наручники исчезли, только что были – и нет их; Ямадзаки недоуменно моргнул.

– Старуха, дверь закрой! – зычно заорал Скиннер.

– Что?

– Запри этот долбанный люк!

Ямадзаки бросился в угол, захлопнул крышку люка, запер ее на засов. Вполне возможно, что эта массивная бронзовая пластина была когда-то частью корабля.

– А девушка? – оглянулся он на Скиннера.

– Постучит, если надо. Ты что, хочешь, чтобы сюда вернулся этот хрен со своим пистолетиком?

Ямадзаки не хотел. Его взгляд скользнул по потолочному люку. По *открытому* потолочному люку.

– Сбегай наверх, посмотри, как там Дон Педрила.

– Простите, Скиннер-сан?

– Ну тот – черный голубой, длинный.

Ямадзаки не понимал, о ком (или о чем) говорит Скиннер, однако послушно полез по лестнице и высунул голову наружу. Сильный порывистый ветер бросил ему в лицо пригоршню дождя, мост превратился на мгновение в древний корабль, в проржавевшую железную шхуну, бесцельно дрейфующую в безбрежности ночного океана: пластиковые паруса разорваны ветром, матросы – кто умер, кто сбрендил, кто попросту напился, а Скиннер, выживший из ума капитан этой посуды, все еще пытается что-то сделать, все еще выкрикивает снизу никому не нужные, никому не понятные команды.

– Тут нет никого, Скиннер-сан.

Дождь хлынул как из ведра, городские огни исчезли.

Ямадзаки нырнул в люк, захлопнул крышку, запер на хлипкую – никакого сравнения с тем бронзовым засовом – щеколду.

Спустился вниз.

Скиннер сумел каким-то образом встать и шел теперь, покачиваясь, к своей кровати.

– Вот же мать твою, – пробормотал он, падая на матрас, – кто-то сломал телевизор.

– Скиннер?

Ямадзаки наклонился над кроватью. Глаза Скиннера закрылись, дышал он часто, неглубоко и неровно. Скрюченные

пальцы левой руки судорожно скребли спутанную поросль седых волос, вылезавшую из расстегнутого воротника до дыр заношенной фланелевой рубахи. Сквозь едкую вонь пороха, выбросившего пулю из короткого, тупого ствола лавлессовского пистолета, пробивался кислый запашок мочи. Ямадзаки печально вздохнул – по засаленным, серым от грязи джинсам Скиннера расплзлось темное пятно.

Ну и что же теперь? Несколько минут Ямадзаки не двигался, затем присел на заляпанную краской табуретку, стоявшую у того самого, на кронштейне, столика. Он благодарно провел рукой по зубьям ножовочных полотен, посмотрел вниз, увидел на полу, рядом со своей левой ногой, нечто вроде мячика и нагнулся.

Нет, не мячик. Блестящий шар из алого пластика, прохладный и чуть податливый. Наручники, либо Скиннеровы, либо его собственные.

Ямадзаки сидел, смотрел на Скиннера и слушал, как стонет на ветру мост. Только безымянный, почти суеверный страх не позволил ему прижаться ухом к тянущемуся вдоль комнаты ванту – источнику этих тревожных звуков.

В какой-то момент Скиннер очнулся, *почти* очнулся, и попытался сесть. Он кого-то звал. Девушку?

– Она ушла, – сказал Ямадзаки, придерживая Скиннера за плечо. – Разве вы не помните?

– Давно, – пробормотал Скиннер, – давно ушла. Двадцать лет. Тридцать лет. Блядство. Время.

– Скиннер-сан?

– Время. Вот оно-то и есть *самое блядское блядство*.

– Посмотрите. – Ямадзаки показал старику красный шар. – Видите, во что они превратились?

– Супербол, – с неожиданной отчетливостью сказал Скиннер.

– Простите?

– Иди, Скутер, и выброси его на хрен. – Глаза Скиннера снова закрылись. – Зашвырни это говно далеко-далеко...

Полная пустота

– Ты не поверишь, – сказал Найджел. – Вот только что, секунду назад, эта хрень пошевелилась. *Сама*.

Шеветта сидела, плотно зажмурившись. Найджел пробормотал что-то еще, затем тупая сторона керамического ножа плотно прижалась к ее запястью, раздался резкий звук – вот так же примерно лопается латаная-перелатаная велосипедная камера, – и правая рука ощутила свободу.

– В рот компот! *Господи...*

Сильные пальцы бесцеремонно рванули левую руку Шеветты, она услышала второй щелчок и решилась наконец открыть глаза. По монбланам металлолома плясало ярко-красное пятнышко. Голова Найджела – он следил за этими дикими прыжками – качалась вверх-вниз, точно так же, как голова гипсовой собачки из Скиннеровых запасов, которую Шеветта продала с неделю назад.

Узкое помещение было загромождено металлом – куски старых велосипедных рам, пыльные банки, набитые ржавыми спицами, все, что угодно. Мастерская, где Найджел мастерил свои тележки и ремонтировал как уж мог велосипеды немногих своих клиентов. Поплавок, свисавший с левой его мочки, раскачивался в противофазе движениям головы и закрутился на месте, когда резко выброшенная рука выхватила

из воздуха непонятный предмет. Красный пластиковый шар.

– Да-а, – уважительно протянул Найджел. – И кто же это нацепил на тебя *такое*?

Шеветта дрожала с головы до ног, дрожь пробежала по ней, как нечто отдельное от тела, *живое*. Живое, как эти красные наручники.

Вот так же чувствовала она себя, когда вернулась к трейлеру и обнаружила, что мать ушла, ушла насовсем, собрала вещи и ушла. Ни записки, ничего, только кастрюлька на плите да банка равиоли. И открывалка для консервов. Шеветта даже не прикоснулась к банке; с того самого дня она ни разу не ела равиоли и точно знала, что никогда не будет их есть.

В тот день и пришло ощущение, проглотившее все прочие, проглотившее весь мир, ощущение настолько огромное, что убедиться в его присутствии можно было только от противного – подсчитав потери или вспомнив о лучших временах, а так его, ощущения этого, вроде и не было вовсе. Шеветта бродила внутри его бессмысленными кругами, тыкалась то туда, то сюда, пока не попала за колючую проволоку, в Бивертон, в место настолько скверное, что оно было как бритвенно-острый осколок стекла, чьи уколы проникали даже сквозь эту мутную, непомерно огромную пустоту. Но даже теперь это ощущение, проглотившее мир, было едва заметно, оно всегда таилось где-то сбоку, ускользало от прямого взгляда. Не ощущение даже, а нечто вроде газа, пара, от него першило в горле, его мертвенный холод заполнял каж-

дую комнату, встречал Шеветту за каждым углом.

– Ты как, в порядке?

Найджел. Сальные нечесанные волосы, в правой руке – красный блестящий шар, в уголке рта – янтарно-желтая зубочистка.

Долгое время Шеветта боялась, а вдруг *оно* вернется, ведь может же быть, что лихорадка не выжгла начисто какую-то там цепь в мозгу, а только слегка повредила. Однако, по мере того как она привыкала к мосту, и к Скиннеру, и к работе, пустота все больше заполнялась новыми, обыденными вещами, на месте старого мира вырастал новый, за одним днем приходил другой, такой же безбедный, что бы она ни делала ночью – танцевала в «Диссидентах», трепалась с друзьями и подружками или спала, свернувшись калачиком, в своем спальном мешке, в Скиннеровой комнатухе, под заывание ветра и низкое пение тросов, уходившее по опорам моста вниз, в скальную породу, в материковую платформу, которая (это все Скиннер рассказывал) тоже плывет, как корабль в море, только это море – самое медленное на свете.

А теперь все *это* сломалось.

– Вета?

Та парашютистка, девушка, которую выудили полупрозрачным пластиковым багром и втащили на борт катера, она была вся обвисшая, как макаронина, и такая же белая, ну, не белая, а вроде как бесцветная, а изо рта ее текла вода и из носа тоже. Шлепнешься соответствующим образом, так ни

одной косточки не останется целой, это тоже Скиннер сказал. Она из бара прыгала – влетела в чем мать родила, вскочила на ближний к перилам столик и сиганула головой вперед, а потом ее затащило, не ее, конечно, а *тело* ее затащило в эту светящуюся сеть, которую вроде как забрасывают с японских рыболовных плотов, только это все декорация, для туристов. Вот и Сэмми Сэл, он тоже сейчас так, если не попался в сети, не зацепился ни за что, выплыл уже из мертвой зоны, где вода отравлена шелупайками бесчисленных слов свинцовой краски, так что рыбы и нос сунуть боятся, выплыл и попал в течение, которое подхватывает всех мертвецов моста, проносит их мимо Мишшн-Рок, чтобы выкинуть в конечном итоге к ногам натянутых в микропору богачей, бегающих, драгоценного своего здоровья ради, трусцой по бетонным набережным Чайна-Бэйзин¹⁹.

Не в силах сдержать тошноту, Шеветта согнулась над пустой железной банкой.

– Тебе что, плохо? Да? Плохо? – неуверенно бормотал Найджел.

Он порывался дотронуться до Шеветты, успокоить ее – и тут же смущенно отдергивал руку. Ужас какой-то. А что, если она возьмет вот сейчас и шлепнется в обморок? Или промахнется мимо так удачно подвернувшейся банки из-под

---

¹⁹ *Мишшн-Рок, Чайна-Бэйзин* – старые прибрежные районы Сан-Франциско, где располагаются заброшенные доки и верфи. Существует план (у Гибсона он уже реализован) «освоить» район заново, застроить престижными домами.

грунтовок (этой густой серой замазкой Найджел выравнивал самые грубые огрехи своих ремонтных работ)? Ведь тогда предстоит нечто неслыханное, невообразимое – *генеральная уборка*.

– Вот, выпей воды, тебе нужно, выпей.

Вообще-то, эта жестянка предназначалась для закаливания мелких стальных предметов; взглянув на воду с радужными пятнами машинного масла, Шеветта почувствовала новый приступ тошноты, но через секунду ей полегчало.

Сэмми Сэл умер. А может быть, и Скиннер. И Скиннер, и этот студент-аспирант, или кто он там, остались наверху, связанные этими кошмарными пластиковыми червяками.

– Шев?

На этот раз Найджел совал ей в руку предусмотрительно открытую банку пива. Шеветта отрицательно помотала головой и зашлась долгим, мучительным кашлем.

Найджел неуверенно переступил с ноги на ногу, затем повернулся к единственному в мастерской окну – треугольной дырке, забранной осколком люцита.

– Льет, – удовлетворенно сообщил он. Вечерний мир продолжал жить нормальной, пусть даже не очень уютной жизнью. – Льет как из ведра.

Убегая от убийцы, от его пистолета и его глаз, от жуткой, с золотым высверком ухмылки, сжимая связанными руками плоский темно-серый футляр, Шеветта заметила, что бегут и все остальные, только они бегут от начинающейся грозы, от

первых, почти еще теплых капель дождя. Вот Скиннер, он, конечно же, знал о ненастье заранее, у него же есть этот здоровый, в футляре, как колесо допотопного парохода, барометр, он всегда следит за погодой. Скиннер, жив ли он там, в своем гнезде, на самой верхотуре моста? Другие тоже, наверное, знали, но это тут стиль такой – дожждаться дождя, а затем от него улепетывать, задерживаться ради каких-нибудь последних дел, последней затяжки, последнего покупателя. В это время – лучшая торговля, люди покупают почти не задумываясь, некогда им задумываться. Потом, правда, кое-кто гибнет – если гроза окажется слишком уж сильной, и не всегда это новички, никому не знакомые люди, остающиеся снаружи и цепляющиеся, вместе со своим жалким скарбом, за стены, за лотки убежавших домой торговцев, за что придется. Иногда, если ветер сильный и под каким-нибудь таким подходящим углом, в воду рушатся целые секции с обитателями и со всем; Шеветта не видела еще такого ни разу, только слышала. Странное дело, редко кто из новичков спускается на нижний уровень, где нет дождя и ветер слабее, а ничто ведь им не мешает, и никто.

Шеветта провела тыльной стороной ладони по губам, взяла у Найджела банку, сделала один глоток и тут же ее вернула – теплое пиво не лезло в горло. Найджел вытащил изо рта зубочистку с явным намерением глотнуть пива, но передумал и поставил банку на стеллаж, рядом с паяльной лампой.

– Что-то у тебя не так, – сказал он. – Сильно не так, я же

чувствую.

Шеветта помассировала запястья. На тех местах, где находились недавно пластиковые наручники, быстро вспухали красные влажноватые рубцы.

– Да... – Она заметила свой керамический нож, взяла его, машинально закрыла и спрятала. – Да, сильно не так...

– А что не так, что *случилось*?

Найджел мотнул головой, стряхивая упавшие на глаза волосы, – движение лохматого встревоженного пса. Потрогал кончиками пальцев один непонятный инструмент, другой. Его руки казались чем-то самостоятельным, отдельным – бледные, грязноватые зверьки, ловкие и безгласные, способные быстро, безо всякой помощи со стороны разрешить проблемы, непосильные для самого Найджела.

– Ясно, – решил он, – это японское дерьмо расслоилось, как ему и полагается, и ты...

– Нет.

Шеветта почти его не слышала.

– Сталь. Курьеру, при его-то работе, нужен стальной велосипед. Тяжелый. С большой корзинкой впереди. А не туалетная бумага, обмотанная каким-то там дурацким арамидом. Он же ничего, считай, и не весит, велосипед этот твой. А что, если ты столкнешься с автобусом? В-в-в-режешься в-в-в-заднюю стенку? У т-тебя же м-м-масса больше, ч-чем у в-велосипеда, п-перелетишь ч-через руль, расшибешь г-г-г... расшибешь с-себе...

Руки плясали в воздухе, изгибались и сплетались, демонстрируя кинематику придуманной Найджелом аварии. Шеветта подняла глаза и увидела, что он дрожит.

– Найджел. – Она встала. – Эту штуку надели на меня просто так, ради шутки. Есть тут один такой юморист. Вот так оно все и было, ты понимаешь?

– Она *двигалась*, – неуверенно возразил Найджел, – я точно видел.

– Не очень удачная шутка, не очень смешная. Но я знала заранее, к кому нужно обратиться. К тебе. И ты все сделал, быстро и хорошо.

Найджел смущенно мотнул головой, длинные лохмы снега упали ему на глаза.

– Хорошо, что у тебя был этот ножик, здорово режет. – Он замолчал и нахмурился. – Только все равно ножик должен быть *стальной*...

– Да, – кивнула Шеветта. – Мне нужно идти.

Она наклонилась и взяла банку из-под грунтовок.

– Выкину куда-нибудь. Извини.

– Гроза ведь, – забеспокоился Найджел. – Ты подождала бы, пока кончится.

– Нужно. Ничего со мной не сделается.

А если бы этот, золотозубый, нашел, куда она спряталась, – что бы тогда? Он бы и Найджела убил. Или изуродовал. Или перепугал.

– Я их разрезал – и вот. – В руке Найджела поблескивал

красный шар.

– Выброси эту штуку.

– Почему?

– Посмотри. – Шеветта показала свои воспаленные запястья.

Найджел выронил шар, словно тот жег ему руку, и тщательно вытер пальцы о собственную грязную футболку.

– Ты не мог бы одолжить мне отвертку? Простую, не крест.

– Они у меня все изношенные... – Бледные зверюшки радостно заплясали по нескончаемым полкам с инструментами, Найджел мрачно за ними наблюдал. – Все эти винты со шлицем, я их сразу выкидываю и заменяю. Шестиугольная головка под ключ, вот это – самое то...

– Мне и *нужна* изношенная.

Правая рука замерла, словно делая стойку, и ловко выхватила из залежей хлама желанную добычу – чуть погнутую, с черной рукоятью отвертку.

– То, что надо, – кивнула Шеветта, расстегивая один из карманов Скиннеровой куртки.

Отвертка лежала на почти молитвенно протянутых ладонях, глаза Найджела робко прятались в зарослях волос.

– Я... Ты... Ты мне очень нравишься.

– Да. – В одной руке Шеветты была гнутая отвертка, в другой – банка, полная блевотины. – Да, я знаю.

Стесненная вкривь и вкось наляпанным пластиком крыш, дождевая вода пробиралась вдоль канализационных труб и силовых кабелей, обрушиваясь на верхнюю палубу в самых неожиданных местах, под самыми неожиданными углами – миниатюрные ниагары, струящиеся по рифленому железу, слоистому пластику и фанере. Прямо на глазах Шеветты, стоявшей в дверях Найджеловой мастерской, лопнул брезентовый навес – огромный, туго натянутый пузырь громко затрещал и раздался, обрушив на мостовую десятки галлонов серебристой воды; налетевший ветер взметнул мокрые, тяжелые лохмотья. Здесь, на мосту, ничто никогда не планировалось – в общепринятом смысле этого слова, – так что и проблемы дренажа разрешались не впрок, а по мере их возникновения. Или не разрешались.

Света на мосту было мало, скорее всего, потому, что люди повыключали электричество, выдернули все рубильники, какие только можно. Шагнув из дверей, Шеветта уловила краем глаза призрачную розоватую вспышку, секунду спустя со стороны Острова Сокровищ донесся глухой раскатистый взрыв. Трансформатор. Теперь пятнышки света можно было пересчитать по пальцам, темнота стала почти непроницаемой. И никого вокруг, ни души, только ветер мотает провод с жалкой стосвечовой лампочкой, вкрученной в оранжевый пластмассовый патрон.

Шеветта вышла на середину моста, там было поменьше опасности запутаться в сорванных проводах. Вспомнив о

банке, она откинула ее в сторону, банка звонко ударилась о бетон, покатилась, стихла.

Где-то там мокнет под дождем беззащитный, с разряженными конденсаторами велосипед. Уведут его, это точно, да и Сэмми Сэл лишится своего розового в крапинку чудовища... лишится? Жизни он лишился... Велосипед был самой важной, самой ценной вещью в жизни Шеветты, каждый доллар, выложенный на прилавок того магазина, достался ей тяжелым, в поте лица, трудом. Она думала о своем велосипеде, как о чем-то одушевленном, примерно так же, как другие люди – о принадлежащих им лошадях. *Наверное*, так же, ведь у нее никогда не было знакомых лошадиников. Некоторые рассылные давали своим велосипедам имена, но Шеветте такое даже в голову не приходило – именно потому, что она воспринимала его как *живое* существо.

Двигай, сказала она себе, здесь они живо до тебя доберутся. Беги на остров, в Сан-Франциско опасно.

Они – кто *они*? Тот, с пистолетом. Он пришел за очками. Пришел за очками и убил Сэмми Сэла. Кто его послал – те самые люди, звонившие Уилсону и Банни? Они, кто же еще. Рентакопы. Охранники.

Футляр в кармане. Гладкий, округлый. И этот фантастический, как из мультика, город, гигантские башни с грибообразными верхушками. «Санфлауэр».

– Господи, – простонала Шеветта. – Куда, куда мне деться?

На Остров Сокровищ, в лес, к маньякам и озверевшим убийцам, изгнанным с моста? Бывшая военно-морская база, говорил Скиннер, но моровая язва покончила с этим раз и навсегда, зараза такая, от которой выпадают все зубы, а глаза превращаются в кисель. Лихорадка Острова Сокровищ выползла, наверное, из какой-нибудь пробирки, разбившейся во время землетрясения, – у военных же, у них чего только не было запасено. Поэтому теперь туда никто не ходит – никто нормальный. Ночью там видны огоньки, днем – струйки дыма, и если идешь на оклендский, консольный конец моста, то стараешься пройти мимо острова побыстрее, а люди, живущие там, на консоли, совсем не такие, как здесь, на подвеске.

Или вернуться, попытать счастья с велосипедом, если его, конечно же, никто еще не спер? Час езды – и конденсаторы зарядятся. Рвануть на восток, куда глаза глядят, через пустыни, которые показывают по телевизору, мимо зеленых полей, где бродят стадами непонятные сельскохозяйственные машины, занятые какой-то своей непонятной работой. Но затем Шеветта вспомнила дорогу из Орегона, грузовики, ревущие в ночи, как бешеные бесприютные животные, и попыталась представить себе, как это будет – ехать по *такой* дороге? Нет, там ведь негде приткнуться, там нет ничего нормального, в человеческую меру, ни одного огонька в бесконечных ночных просторах. Там можно идти и идти, идти до бесконечности и не найти даже места, где бы присесть. И

велосипед – он тоже не сильно поможет.

А можно вернуться в Скиннерову конуру. Подняться и глянуть, что там делается... Нет. Забудем.

Шеветта ощутила вокруг себя полную пустоту, словно душливый газ, и задержала дыхание.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Потеряв что-нибудь, только и начинаешь замечать, что оно же у тебя, оказывается, было. Только с уходом матери замечаешь по-настоящему, что она *была*, была *рядом*, прежде это воспринималось как нечто само собой разумеющееся, вроде погоды. Вот так же и со Скиннером, и с его примусом, и с масленкой, из которой нужно капать в крохотную дырочку, чтобы кожаный колпачок на поршне не пересыхал и примус накачивался. Проснувшись поутру, ты и не думаешь здороваться с каждой мелочью окружающего мира, но ведь эти мелочи – из них же и состоит мир, весь мир. И людей, которых видишь, их тоже вот так воспринимаешь, что есть они, и это – нормально, и говорить тут особенно не о чем, и никуда они не денутся. Вот, например, Лоуэлл. Когда у Шеветты был Лоуэлл – если, конечно, можно сказать, что он у нее был, сомнительно это очень, – словом, когда он был *поблизости*, это тоже казалось...

– Шев? Это ты, что ли?

Вот он, легок на помине. Сидит по-турецки на ржавом леднике с надписью: «КРЕВЕТКИ», курит и смотрит на капли, скатывающиеся с навеса. Шеветта не видела Лоуэлла уже

добрые три недели, ей хотелось что-нибудь сказать, но в голове крутилась одна-единственная мысль: «Ну и видок же у меня, наверное». Тут же сидел и этот Коудс, нахлобучил на бритую голову капюшон, втянул руки в длинные рукава и сидит. Коудс никогда не любил Шеветту – и пользовался полной взаимностью.

Тусклый огонек сигареты осветил ухмылку Лоуэлла.

– Ну так что, – поинтересовался он, – ты намерена сказать «здрасьте» или как?

– Здрасьте, – сказала Шеветта.

Когнитивные диссиденты

Так что же все-таки там творится, на что он похож, этот мост? И в Контейнерном городе, и потом, на обратном пути, словоохотливый Фредди рассказал уйму весьма красочных историй, однако все эти страшилки не вызвали у Райделла никакого доверия. В Ноксвилле он видел документальный фильм, и там не было ни слова ни о каких людоедах или, скажем, сатанинских культах. Врет Фредди, запугивает, интересно только – зачем? Хочет, чтобы Райделл был осторожен, когда пойдет на мост искать эту самую девицу, Шветту Вашингтон?

Теперь же, когда люди носились как очумелые, торопясь укрыть свое добро от непогоды, мост и вовсе ничем не напоминал мрачные картины, нарисованные ассистентом великого сыщика. Скорее уж нечто вроде передвижного цирка. Или провинциальная ярмарка – с той, конечно, разницей, что здесь, на верхнем уровне, над головой висит целая деревня, дикая мешанина самых разнообразных домиков, хижин, халуп – называйте как хотите. Все, что угодно, вплоть до целых, с колесами и со всем, жилых трейлеров; вздернутые наверх лебедками, прикрепленные к вантам огромными ступками клея, они напоминали кузнечиков, запутавшихся в паутине. Для сообщения между уровнями моста в верх-

нем настиле было прорублено множество отверстий; среди стальных, деревянных и пластиковых лестниц Райделл заметил даже старый, на спущенных шинах трап из какого-нибудь аэропорта.

Наверху торговали по преимуществу едой, нижний же уровень изобиловал барами – маленькими, крошечными и совсем микроскопическими, где едва помещались четыре табуретки, а дверью служила гофрированная железная штора.

Во всем этом не замечалось никакого плана, никакого замысла. В обычном молле каждый хозяин покупает один из свободных участков, ставит там свой магазинчик и внимательно следит, как пойдет торговля, если плохо – нужно менять ассортимент. Здесь же, судя по всему, происходило нечто вроде органического роста, одно заведение пристраивалось к другому, бесформенная масса расплзалась вкривь и вкось, пока не заполнила все доступное пространство; более того, если клетки древесины или, скажем, гриба более-менее одинаковы, то среди клетушек, образовавших этот псевдорастительный организм, не было и двух похожих друг на друга. Разнообразнейшие материалы – и почти все они использованы не по прямому своему назначению. Фасады, облицованные бирюзовым слоистым пластиком, плитами с имитацией под кирпич, даже зелеными с медью прямоугольниками печатных плат. Одну из стен украшали цветы, спирали и волосатые солнечные диски, выложенные из об-

ломков разноцветного кафеля.

Райделл непроизвольно улыбался всему этому буйству форм, а заодно и прохожим, ни один из которых не проявлял к нему интереса, ни гастрономического, ни сатанинского, ни еще какого. Мирная публика, такая же разношерстная, как и здешние строительные материалы. Смешение всех на свете рас, всех возрастов, всех оттенков кожи, и все эти люди бегут, подгоняемые резкими порывами ветра, спешат укрыться от неизбежной уже грозы. Райделл едва успевал уворачиваться от торговцев с тележками, от старух, волочивших непомерно тяжелые корзины. Споткнувшись о неожиданное препятствие, он опустил глаза и увидел мальчика лет шести с лицом, сплошь покрытым разноцветной, на редкость затейливой татуировкой. Мальчик пробормотал что-то на непонятном языке, перехватил понадежнее большой, чуть не в свой рост, красный огнетушитель и смешался с толпой.

Райделл остановился и вынул из кармана полученную от Уорбэйби карту, точнее, схему, показывающую, где живет Шеветта Вашингтон и как туда попасть. На самом верху, в крохотной халупе, приклеившейся к одной из опор, поддерживающих ванты этого чертова моста. Схема аккуратная, без единой помарки, подписи – буква к букве, покажи кому, ведь и не поверят, что этот шедевр каллиграфии создан прямо в машине, на коленке, на ходу. Лестница, затем подвесная дорожка, в конце которой должно быть нечто вроде подъемника.

Вот только как ее найти, эту самую лестницу? Лестниц здесь чертова уйма, хорошо, если они ведут к какой-то там общей площадке, тогда можно идти по любой, а если вдруг нет?

Господи, да когда же наконец я смогу поспать? И где? – неотвязно крутилось в одуревшей от усталости голове Райделла. И вообще – что все это значит? Вот уж втравил Эрнандес так втравил...

Ветер резко усилился, по настилу моста застучали крупные капли; последние, самые нерасторопные из аборигенов бросились сломя голову под укрытия. Райделл проводил счастливых завистливым взглядом, обреченно вздохнул и забился между двух допотопных – японских, конечно же, – торговых автоматов. Щелястое беспорядочное нагромождение халуп и лавчонок, лестниц, площадок и переходов почти не защищало от дождя, однако обладало огромной парусностью. Под напором резкого шквалистого ветра вся эта, с позволения сказать, конструкция жалобно стонала и поскрипывала. Огни гасли один за другим.

Громкий треск, голубоватая, ослепительно-яркая вспышка, еще мгновение – и откуда-то сверху упал длинный змеящийся провод; ветер смял и унес чей-то отчаянный крик. Райделл посмотрел вниз и увидел, что стоит в глубокой луже. Вода под ногами, мокрые ботинки, переменный ток – такое сочетание не сулило ничего хорошего.

За правым торговым автоматом начиналась сплошная сте-

на, к левому примыкал лоток, вкривь и вкось сколоченный из горбылей и каких-то неопиcуемых обрезков. Нелепое это сооружение сильно смахивало на детскую игрушечную крепость, однако имело и помост, дюймов на шесть приподнятый над бетонным настилом моста, и на удивление водонепроницаемый навес. Чтобы залезть под навес, Райделлу пришлось скрючиться в три погибели, от грязных досок воняло то ли гнилыми мандаринами, то ли еще какой гадостью, однако здесь было сухо, да и ветер почти не чувствовался.

Райделл застегнул куртку до самого верха, сунул руки в карманы и предался грустным размышлениям. Он мечтал о невозможном – горячей ванне и сухой постели. Он вспомнил Мар Виста, вспомнил свой надувной диван и ощутил укол самой что ни на есть вправдашней ностальгии. Господи, сонно подумал он, этак ты начнешь еще тосковать по этим пластиковым ромашкам...

Раздался громкий треск, деревянные стойки одного из соседних лотков переломились, как спички, брезентовый навес обрушился, выплеснув на мостовую несколько ведер воды. Райделл оглянулся, поднял голову и увидел ее, эту девушку, Шеветту Вашингтон. Шеветта стояла совсем рядом, футах в двадцати от его горбыльного укрытия.

Во Флориде, когда отец переехал туда и заболел, у Райделла была такая вроде как подружка. Клаудиа Марсалис, так ее звали, приехала из Бостона, трейлер ее матери стоял на

том же участке, что и трейлер Райделлова отца, прямо у залива Тампа. Райделл учился уже в полицейской академии, но бывали ведь и выходные, и отпроситься на пару дней всегда можно, а что лететь дорого, так отец умел договориться насчет билетов со скидкой.

Вот Райделл и летал во Флориду повидаться с отцом, а уж заодно катался иногда с Клаудией Марсалис на ее, а точнее, маминой машине, «линкольне» урожая девяносто четвертого года. По словам Клаудии, совсем еще недавно «линкольн» был как огурчик, это когда они во Флориду переехали, но потом соль его порядком разъела. Судя по всему, там, у себя в Бостоне, они ездили только летом, берегли машину ото всей этой химической дряни, которой снег растаивают. Еще бы не беречь, коллекционный ведь был экземпляр, и номера даже не такие, как у всех, а древние, штампованные из металла и, конечно же, безо всякой подсветки изнутри, и надпись на номерах, аккуратная такая, синяя по белому: «МАСС. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»²⁰.

Обстановочка в этой части Тампы была беспокойная, так себе обстановочка; дорожные, скажем, знаки все как решето, даже и не разберешь, что это за знак, – местная публика использовала их как мишени, чтобы потренироваться, не терять снайперского мастерства, а то и просто захочет кто-нибудь продемонстрировать приятелю: видал, как кучно бьет моя двустволка? А уж двустволок тех, да и прочей артилле-

---

²⁰ *Масс.* – сокращение от Массачусетс.

рии, хватало там за глаза и за уши – в каждом, считай, пикапе или джипе по нескольку штук, на самом виду, и собаки тоже чуть не у всех – здоровенные собаки, и не по одной собаке в машине, а по две, а то и по три. Клаудиа все приставала к Райделлу насчет этих флоридских ребят в нахлобученных чуть не до подбородка шляпах: как это они так разъезжают всюду спокойно со своими стволами и волкодавами, не понимала она этого. Райделл терпеливо объяснял ей, что пусть с ними местная полиция разбирается, его тут дело телячье, он ведь из Ноксвилла, и там, в Ноксвилле, люди не разъезжают с ружьями напоказ. И в дорожные знаки не стреляют, а если кто выстрелит сдуру, так ему быстренько устроят веселую жизнь. Но Клаудиа была из этих, которые думают, что к югу от округа Колумбия нет никакой разницы, что тот штат, что другой – везде одни и те же порядки, а может, она так и не думала, а просто поддразнивала Райделла.

Ружья там или пулеметы, собаки или бегемоты, но вечерний бриз приносил в открытые окна «линкольна» запахи соли, цветущих магнолий и болота, а из приемника лилась музыка. Когда опускалась густая тропическая ночь, можно было смотреть на огоньки кораблей и грузовых вертолетов, эти громадины проплывали над головой медленно, с низким, утробным ревом – паралиитичные НЛО, да и только. А еще – скучноватая, безо всякого энтузиазма акробатика на заднем сиденье; Клаудиа говорила, что Флорида плохо приспособлена для подобных развлечений – жарко, душно, кожа вся от

пота липкая; Райделл с ней, в общем-то, соглашался. Одиночество и неприкаянность – вот, пожалуй, и все, что толкало их друг к другу.

Однажды вечером какая-то там местная алабамская станция неожиданно выдала «Мы с Христом надерем тебе жопу» – такой себе пятидесятничный хеви-метал, где все на счет аборт, аятолла и так далее, по всему алфавиту, до язычников. Клаудиа не слышала прежде этой песни и чуть не описалась от хохота. Она просто не верила, что такая песня может существовать, что кто-то может петь такие вещи всерьез. А кто-то слушать всерьез. Придя немного в себя, она вытерла слезы и спросила Райделла, как это вышло, что он захотел стать полицейским? Райделл неловко замялся. Это что же, она, значит, считает желание поступить в академию до колик смешным – таким же смешным, как эта идиотская песенка? Да и что, собственно, можно ответить на вопрос, о котором ты прежде никогда и не задумывался, особенно если тебя спрашивают вот так, с бухты-барахты?

Главной не главной, но одной из причин была передача «Копы влипли»; они с отцом смотрели ее чаще любой другой, и там в каждом выпуске старались внушить уважение к защитникам правопорядка. Показывали во всех красках, с какими проблемами сталкивается полиция. Уторчавшиеся в хлам, вооруженные до зубов бандиты – это само собой, но ведь есть еще и адвокаты этих бандитов, и трижды долбанные суды, и чего только нет. Но если так вот взять и брякнуть, что

я, значит, пошел в полицейские из-за телесериала, Клаудиа снова расхохочется, как только что. Подумав немного, Райделл выдал обычную жвачку насчет возможности помогать людям, выручать их из беды. На лице Клаудии появилось откровенное недоумение.

– Берри, – сказала она, – ты что, и вправду так думаешь?

– Ну да, – кивнул Райделл. – Конечно.

– Но ты пойми, вот ты станешь копом, и люди будут тебе *врать*. Они будут смотреть на тебя как на врага – до тех, конечно же, пор, пока сами не попадут в неприятности, тут уж они разговаряются.

– А ты-то откуда все это знаешь? – поинтересовался Райделл.

– Сужу по своему папаше, – пожала плечами Клаудиа, на чем разговор и закончился. Больше они эту тему не поднимали.

Работа на «Интенсекьюр» очень походила на полицейскую – с той единственной разницей, что ты не был полицейским. Люди, которым ты помогал, даже не давали себе труда соврать, насрать им было на какого-то рентакопа, они же *платили* за его услуги.

А теперь – этот мост, и нужно вылезать из вонючего фруктового лотка под дождь, выслеживать девушку, которая – если верить Уорбэйби и Фредди, а верить им нельзя ни на вот столько – зарезала в гостинице этого немца, или кто уж он такой был, если не немец. И украла очки, такие же, как у ве-

ликого Уорбэйби, и очки эти нужно у нее отнять. Только если девица украла их где-то там раньше, кой хрен она потом вернулась и прикончила этого мужика? А главный вопрос – какой во всем этом смысл и как все это связано с телепередачей «Копы влипли», любимой программой покойного отца? Ответ, надо полагать, состоял в том, что надо же как-то зарабатывать деньги, а то ведь с голоду сдохнешь.

Дождь не прекращался, кое-где с висячих трущоб срывались настоящие водопады. Впереди, поближе к Окленду, полыхнула розовая вспышка, через мгновение оттуда донесся сухой треск. Шеветта сделала движение рукой, словно отбрасывая что-то в сторону. Что бы это значило? Хорошо бы остановиться и поискать, но нет времени – можно потерять объект из виду.

«Объект» постоял еще немного и двинулся в направлении Окленда, уворачиваясь от хлеставших сверху потоков воды.

Техника наружного наблюдения преподавалась в академии с пятого на десятое, почти без практических занятий – ну разве что ты покажешь себя жуть каким многообещающим сыщиком; подобных уникумов переводили в специальную группу повышенного уровня. Однако Райделл не пожалел денег и купил себе учебник, не только купил, но и прочитал. Многоопытные авторы книги даже не рассматривали вариант, когда наблюдение проводится в одиночку; более того, они считали само собой разумеющимся, что оперативник все время находится на связи и что он всегда имеет возмож-

ность слиться с толпой мирных сограждан. Где она, та толпа? Сейчас Райделлу оставалось одно – тишком-молчком волокаться следом за Шеветтой и молить Бога, чтобы та не обернулась.

Он узнал Шеветту по этой дикой прическе, по короткому, вздернутому вверх хвостику на затылке, вроде как у борцов сумо – так они, что ли, называются? Одним словом, у неимоверно жирных японцев, которых показывают по телевизору. Только девушка совсем не была толстой, просторная мотоциклетная куртка болталась на ней, как на вешалке. (И сколько же, интересно, лет этой куртке? На какой помойке она ее подобрала?) Крепкие мускулистые ноги туго обтянуты чем-то черным, блестящим – такой же, наверное, микропорой, из которой сшиты все эти Кевиновы серфинговые костюмы. Обувь прочная, серьезная, не то короткие сапоги, не то высокие ботинки на шнуровке.

Разглядывая Шеветту и стараясь не попасться ей на глаза, Райделл не особенно выбирал дорогу, а потому угодил прямо под один из водопадов; по спине потекли противные холодные струйки.

– Шев? Это ты, что ли?

Вот и подтверждение первоначальной идентификации. Райделл опустил глаза, увидел, что стоит в глубокой луже, но выхода не было. Проклиная все на свете, он плюхнулся на колени и укрылся за невысоким штабелем грязных, явно побывавших уже на свалке досок.

Там, впереди, о чем-то беседовали, однако монотонный плеск оставшегося сзади водопада заглушал все слова; Райделл вздохнул и начал разглядывать новых персонажей. Молодой парень в черной кожаной куртке и еще какая-то личность в чем-то черном, натянутый на голову капюшон не позволяет определить ни пол, ни возраст. Сидят на каком-то прилавке или леднике, кожаный парень курит в кулак, его волосы собраны на макушке в нечто вроде конуса – очень подходящая прическа для такого дождя. Сигарета описала в воздухе огненную дугу и потухла, кожаный спрыгнул со своего насеста, его губы шевелились. Уговаривает он ее, что ли? На что уговаривает? Парень в черном капюшоне тоже спрыгнул. Да, это точно парень, а одет он в длинную, не по росту, рубашку. Рукава дюймов на шесть длиннее рук, это потому, что ли, кажется, что движения у него какие-то паучьи? А еще он похож на тень из того старого фильма, где тени отделялись от людей, потом их ловили и водворяли на место, пришивали, что ли. Саблетт, вот кто мог бы и название фильма вспомнить, и сюжет от начала до конца, со всеми подробностями.

Райделл стоял на коленях в луже и старался не двигаться, а затем двинулись *они*, девушка посередине, а эти, в черном, по краям, и тот, который тень, оглянулся, нет ли кого сзади. Мелькнула часть мучнисто-белого лица и жесткие, осторожные глаза.

Раз... два... три. Он встал и пошел следом.

Через сколько-то там ярдов – или миль? – Райделл вконец потерял ощущение пространства и времени – троица исчезла, словно сквозь землю провалилась. Как же это так? Райделл протер мокрые от дождя глаза и с трудом сообразил, что девушка и ее провожатые попросту спустились по лестнице на нижний уровень; прежде он не замечал, что здесь есть такие люки. Над люком висело призрачное голубоватое сияние. Подойдя поближе, Райделл услышал обрывки музыки и увидел источник света – надпись: «КОГНИТИВНЫЕ ДИССИДЕНТЫ», выполненную паутинно-тонкими неоновыми трубками.

Мокрый от дождя трансформатор вывески негромко шипел.

Райделл постоял у люка несколько секунд и начал спускаться.

Фанерные ступеньки были оклеены какой-то шероховатой, вроде наждачной бумаги, хренью, это чтобы не поскользнуться, и все равно он чуть не поскользнулся. Уже к середине спуска его ноздри различили хорошо знакомую смесь запахов: пиво, табак и более экзотические разновидности курева. Все понятно.

В баре было жарко, как в парилке. Народу – не протолкнуться. Кто-то швырнул Райделлу тугой, насквозь мокрый ком, оказавшийся при ближайшем рассмотрении полотенцем. Райделл вытер полотенцем лицо и руки, снова его скомкал и швырнул назад. Из дальнего угла донесся громкий жен-

ский смех. Райделл протолкался к стойке, нашел свободное место, выудил из мокрого кармана пару пятидолларовых монет, звонко уронил их на мраморный, с желтоватыми разводами пластик.

– Пиво.

Чья-то рука поставила перед ним бутылку, сгребла монеты, снова исчезла. Пиво оказалось японское американского изготовления, в Тампе такое не пьют. Райделл плотно зажмурился, одним глотком ополовинил бутылку, поставил ее на стойку и только тогда открыл глаза.

– Подкат, – произнес рядом чей-то голос.

– Чего? – обернулся Райделл.

У этого хмыря были маленькие розоватые очки, маленький розоватый ротик и реденькие набриолиненные мышинного цвета волосенки, зачесанные со лба назад. Подбородка у него не было вовсе. Ну, не вовсе, а *почти* не было.

– Я сказал «подкат», – сказал хмырь.

– Вот так мне и слышалось, – кивнул Райделл.

– Ну и? Тебе нужен сервис?

– Слушай, – вздохнул Райделл, – давай договоримся. На данный момент мне нужно это вот пиво – и ничего кроме. Ясно?

– Телефон, – терпеливо объяснил хмырь. – Телефон или факс. Подкат с месячной гарантией. Тридцать дней, а иначе – следующие тридцать бесплатно. Местные звонки без ограничения. Нужны международные – можно поговорить о меж-

дународных. Но сперва – базовый подкат. Три сотни.

Тусклый, неразборчивый голос, не голос, а жужжание сонной мухи. Вот с такими же примерно интонациями разговаривают детские игрушки, снабженные грошовыми, бог весть в каком подвале сляпанными голосовыми чипами.

– Подожди-ка секунду, – сказал Райделл.

Прикрытые розовыми очками глаза несколько раз моргнули.

– Ты это про карманный телефон, да? Насчет подключить его каким-то там хитрым образом и говорить на халяву, так, что ли?

Хмырь молчал, смотрел на Райделла во все глаза, как на чудо какое, и молчал.

– Большое спасибо, только у меня нет при себе телефона. – Райделлу не терпелось закончить поскорее этот ничемный разговор. – А то бы я с радостью принял твое соблазнительное предложение.

Хмырь продолжал пялиться.

– Где-то я тебя вроде бы видел... – Он неуверенно смолк.

– Ни в коем разе, – твердо отрезал Райделл. – Я из Ноксвилла. И тут, у вас, впервые – забежал спрятаться от дождя.

Длинное, во всю стенку, зеркало, висевшее за стойкой, густо запотело, первоначальная надежда осмотреть с его помощью зал не оправдалась. Ничего не поделаешь, придется так, в простоте. Райделл повернулся и увидел японку – ту самую, что и тогда, в горах, здорово тогда Саблетт испугал-

ся. Японка стояла на небольшом, низеньком подиуме. Голая. Длинные, почти до талии, волосы – и все, никакой больше одежды.

– Слышь? – не отставал хмырь. – Нет, ты послушай...

Райделл встряхнулся, как мокрая, из реки вылезшая собака, но привидение никуда не исчезло.

– Так ты слышь, можно и в кредит. – Снова тот же монотонный, утомительный бубнеж. – Проблемы есть? Может, ты хочешь узнать, что они имеют на тебя? Или на любого другого, если у тебя есть номер...

– Подожди, – сказал Райделл. – Вот эта вот женщина, видишь? – Розовые очки развернулись. – Кто это?

– Голограмма это, – сообщил хмырь нормальным человеческим голосом и удалился.

– Ну ты даешь, – уважительно протянул бармен. – Отшил Билли Говнилу в рекордно короткое время, прямо хоть в Книгу Гиннесса. Честно заработал себе пиво. – Бармен, черный парень с медными бусинами в волосах, весело ухмылялся. – Билли Говнила – это потому, что он и сам говно, и все его предложения – тоже. Подключит к твоему телефону какую-нибудь коробочку без ничего внутри, без батареек даже, понажимает для вида кнопки, навесит лапши, возьмет деньги – и поминай как звали. Говнила – он и есть Говнила.

Длинные черные пальцы ловко откупорили бутылку, поставили ее рядом с той, недопитой.

Райделл еще раз оглянулся. Японка так и не сдвинулась

с места.

– Зашел вот от дождя спрятаться, – пробормотал он, пытаясь поддерживать нечто вроде светской беседы.

– Да уж, погодка, – кивнул бармен.

– Слушай, – решился наконец Райделл, – а вот эта, вон там, на сцене, женщина...

– Это – танцовщица, Джози ею танцует, – еще шире улыбнулся бармен. – Подожди чуток, вот будет подходящая песня – она сразу ее запустит.

– Джози?

Бармен молча ткнул пальцем вглубь зала; Райделл чуть не присвистнул от удивления.

Странно, мелькнуло в его голове, и как это обыкновенное инвалидное кресло выдерживает вес такой туши? Толстая баба была одета аккуратно, даже с некоторой претензией на элегантность: ослепительно-белый свитер и синий, с иголочки комбинезон без рукавов, сшитый на манер детских ползунков; седые жесткие волосы сильно смахивали на стальную проволоку. На жирных коленях Джози лежал какой-то продолговатый предмет из серого пластика, ее руки были спрятаны в этом предмете, как в муфте. Глаза прикрыты, на сером, словно из теста вылепленном лице – ноль эмоций. Даже и не поймешь, спит она или нет.

– Голограмма, да?

Японка все еще не шевелилась. Райделл отчетливо помнил ту ночь, женщину на шоссе. Серебряная корона с рож-

ками. Волосы на лобке, подбритые в форме восклицательного знака. Ничего этого сейчас нет, но нет и сомнений. Это она. Она.

– Любит Джози проецировать, хлебом ее не корми.

Бармен словно извинялся за капризного, непослушного ребенка.

– Из этой штуки, у нее на коленях?

– Вроде того, – кивнул бармен. – Это интерфейс, а сам проектор – вон там. – Он ткнул большим пальцем через плечо. – Над знаком НЭК.

Чуть повыше старинной, подсвеченной изнутри рекламной эмблемы чернело нечто вроде оптической кинокамеры, какими пользовались в прошлом веке. А что это такое – НЭК, пиво или что? Вся стена была увешана и оклеена такими значками; названия некоторых фирм вызывали у Райделла смутные воспоминания. Похоже, все это были рекламы древней электроники.

Райделл перевел взгляд с черного угловатого прибора на толстуху в инвалидном кресле. Его охватила непонятная тоска. И нечто вроде злобы. Вроде как если потеряешь что-нибудь личное, дорогое для себя.

– Даже и не знаю, чего я, собственно, ожидал, – сказал он не то чтобы бармену, а так, самому себе.

– Тут кто хочешь ошибется, – понимающе кивнул бармен. Значит, кто-то сидел там, на склоне, чуть повыше дороги. Машины подстерегал. Вроде как они, школьниками еще,

прятались за кустами на Джефферсон-стрит. А потом кидали под колеса проезжающих машин пустые консервные банки. Звук – ну точно как если ступичный колпак отвалится. Машины тормозили, водители вылезали на дорогу, смотрели как и что, трясли головами. И там, в долине, было что-то вроде, какие-то ребята играли с дорогой игрушкой.

– Хрен с ним, – сказал Райделл и начал высматривать Шеветту Вашингтон; запахи пива и дыма исчезли за густой вонью пота и мокрой одежды.

А вот и они, девушка и двое ее приятелей, в самом углу, за маленьким круглым столиком. Тот, похожий на тень, скинул свой капюшон, явив изумленному миру голову, поросшую короткой белесой щетиной, с летучей мышью, а может, какой птицей, отсюда не разберешь, вытатуированной чуть повыше левого виска. Потому, наверное, и лысый – отпусти он волосы, так вся красота пропадет. Ручная работа, не компьютерная. Лысый – его маленькое жесткое личико было повернуто к Райделлу в профиль – молчал. Шеветта что-то объясняла второму, выглядела она безрадостно, еще секунда – и расплачется.

И тут музыка изменилась, вступили барабаны, казалось, что их, барабанов этих, тысячи и миллионы, что за тонкими стенками бара выстроилась несметная армия барабанщиков, и на этот неумолчный грохот накатывались волны шипения и свиста вроде помех в радиоприемнике, накатывались, и откатывались, и накатывались снова, а затем вступили женские

голоса, только голоса эти звучали не по-человечески, а вроде каких-то птичьих криков, и все это искусственное, синтезированное, голоса улюлюкали, как сирены полицейской машины на пустынном шоссе, а барабаны, если прислушаться, также не были барабанами, а состояли из крошечных звуковых обрезков или там осколков, и все это гремело, било по ушам и по нервам.

Японка – *голограмма*, напомнил себе Райделл – вскинула руки, качнула бедрами, заскользила по сцене петлями и восьмерками медленного шаффла²¹. Не обращая внимания на барабаны, она подчиняла свои движения океаническому ритму шумовых волн, мерно накатывающихся на крохотный зал. Райделл оглянулся – глаза студнеобразной Джози были широко открыты, запястья рук, засунутых пластиковую муфту, шевелились.

Никто из посетителей бара не уделял танцу ни малейшего внимания, только они двое, Райделл и женщина в инвалидном кресле. Впрочем, Райделл и сам смотрел на голографическую японку вполглаза, его занимала сейчас совсем иная проблема: что делать дальше?

Оперативное задание выглядело следующим образом: лучше всего, если ты доставишь очки и девицу, очки без девицы – чуть похуже, но тоже вполне удовлетворительно. Если очков нет – тащи хотя бы девицу.

С шорохом отхлынула последняя волна электронного

---

²¹ *Шаффл* – танец с характерными шаркающими движениями ног.

прибоя, японка замерла. Кое-кто из посетителей захлопал, прозвучало несколько пьяных ободряющих выкриков. Джо-зи изобразила нечто вроде поклона.

Самое ужасное, думал Райделл, что вот эта втиснутая в инвалидное кресло женщина попросту не умеет толком танцевать свою голограмму. Вроде этого ноксвиллского слепого, который сидит с утра до вечера в парке и бренчит на старой, антикварной, считай, гитаре. Он, слепой этот самый, добыл где-то эту гитару, но играть на ней не умел, абсолютно. И сколько он там ни сидит, сколько ни мучает инструмент, ни одного аккорда так и не выучил. Неверно это как-то, вроде даже нечестно, только вот не понять: по отношению к кому нечестно? К старику-слепому, к ни в чем не повинным прохожим или к гитаре?

Заметив, что за ближайшим к Шеветте столиком встают, Райделл прихватил честно заработанную бутылку, перебазировался на одно из освободившихся мест и напряг уши. Хрен там что услышишь, при таком-то шуме. Хорошо бы, конечно, встрять в их разговор, только как это сделаешь? Райделл не чувствовал себя в этой пивной белой вороной, чужеродным элементом; судя по всему, здесь сидела сейчас разношерстная публика, не постоянные клиенты, а случайные люди, забежавшие спрятаться от дождя. Но он не понимал этого заведения, его духа, его идеи. Вот, скажем, название, «Когнитивные диссиденты» – ну с чем это, спрашивается, едят? Узнать у кого-нибудь? А что толку, сильно это тебе помо-

жет? Тем временем разговор между Шеветтой Вашингтон и ее парнем заметно накалялся.

Ее парень, это точно. Во всем поведении Шеветты, в каждом ее жесте чувствовалась Отшитая Подружка, а парень, так тот прямо из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать, насколько безразлична ему какая-то там быв...

Мудрые эти рассуждения мгновенно утратили всякий смысл. Шум в зале смолк, Райделл поднял глаза и увидел на нижней ступени лестницы знакомую фигуру Орловского. Голову вурдалака из отдела убийств СФДП прикрывала нежно-оранжевая пластиковая шляпа с примятой посередке тульей и закрученными вверх полями; странные, не как у людей, половинковые очки зловеще поблескивали. Орловский расстегивал пуговицы потемневшего от влаги плаща, вокруг его ботинок быстро набегала лужа. Под плащом обнаружился знакомый уже Райделлу бронежилет; расстегнув последнюю пуговицу, рука Орловского легла на гладкую, цельнолитую из оливкового пластика рукоятку «хеклер и кох». На этот раз Райделл разобрал, что пистолет у этого красавца очень и очень приличный, плавающий затвор и все такие дела. Зато бляхи полицейской, висевшей в тот раз на нейлоновом шнуре, он не обнаружил, сколько ни старался.

Весь бар молча вытаращился на Орловского. «Явление Христа хриstopродавцам», неизвестный художник, XIX век.

Орловский неторопливо осмотрел зал. Полуприкрытые полуочками глаза отпускали каждому из присутствующих

щедрую дозу Парализующего Взгляда. С его приходом даже музыка, монотонный технодолбеж, похожий на взрывы бомб в резонансных камерах, зазвучала иначе, обрела новый смысл.

На лице Джози, разглядывавшей русского из своего инвалидного кресла, появилось какое-то напряженное, непонятное Райделлу выражение.

Заметив Шветту Вашингтон, Орловский зашагал к ее столику. Он двигался с подчеркнутой, выматывающей нервы медлительностью, волосатые пальцы сжимали рукоятку пистолета.

Райделл все больше и больше опасался, что русский возьмет вот сейчас и застрелит девушку. Все вроде бы к тому и шло – но разве может *кон* сделать *такое*?

Орловский остановился перед столиком на точно выверенной дистанции – не слишком близко, чтобы выхватить оружие и перестрелять парней, если те дуром на него кинутся.

«Кавалер» совсем обосрался, Райделл отметил это с непонятным для себя самого удовлетворением. Лысый замер, застыл, не живой человек, а восковая фигура. Его руки лежали на столе, в левой ладони чернел карманный телефон.

Свет флюоресцентных ламп придавал лицу Орловского пепельно-серый оттенок, четко прорисовывая каждую морщинку. И хоть бы малейшая тень улыбки. Он пронзил девушку стокиловольтным глазным излучением, тронул левой

рукой поля пластиковой шляпы и сказал:

– Вставайте.

Девушку била мелкая дрожь. Ни у кого не возникло сомнений, что Орловский имеет в виду ее, а не парней. Обосравшийся кавалер побледнел, того и гляди в обморок шлепнется, лысый продолжал изображать из себя восковую фигуру.

Шеветта поднялась на дрожащих, подламывающихся ногах. Ее стул упал, негромкий стук показался Райделлу грохотом.

– Выходи.

Движением подбородка Орловский указал на лестницу. Волосатая лапа все так же лежала на рукоятке.

Райделл судорожно напрягся. Его руки сжимали края столика. Снизу столик был густо облеплен засохшими комочками жевательной резинки.

Свет в зале потух.

«Джози швырнула на него свою голограмму, и это выглядело точь-в-точь как в конце „Затерянного ковчега“, когда все ангелы, или кто уж там они были, вылетели клубком из сундука и бросились на фашистов» – в таких словах описал Райделл последовавшую сцену Саблетту, но разговор их состоялся позднее, через много дней.

А тогда было не до сравнений, события развивались слишком быстро. Потух не только верхний свет, потухли все лам-

пы до последней, даже эти рекламные знаки на стене, и Райделл вскочил, ни о чем даже не думая, а так, автоматически, отшвырнул столик вместе с так и не допитой бутылкой дармового пива и бросился туда, где стояла Шеветта. В то же мгновение на стене – чуть повыше рекламы этой загадочной НЭЖ, только сейчас рекламы не было видно – вспыхнула ослепительная точка, и точка эта рванулась вниз, превращаясь по дороге в трехфутовый, а то и больше шар света. Желтоватый такой шар или, лучше сказать, цвета слоновой кости – одним словом, точно такой же, как кожа той японки, и весь в темных пятнах, фрагментах глаз и волос, и он вертелся волчком, как снятая со спутника Земля на экране телевизора в заставке прогноза погоды. И все это – вокруг головы Орловского и его плеч, и когда шар вращался, на нем мелькала то прядь ее волос, то глаз, то рот, разинутый в беззвучном крике, и все это – увеличенное. Каждый глаз становился на долю секунды огромным, во весь шар, и зубы тоже огромные, с руку длиной.

Орловский вскинул руки, отмахиваясь от неожиданной напасти, как от роя мух, и это его задержало, чуть-чуть, но задержало, и он не успел выхватить пистолет.

Убедившись (спасибо шару за освещение), что схватил в темноте именно Шеветту, а не Кавалера или Лысого, Райделл сгреб ее в охапку и бросился к лестнице; в академии учили специальным приемам и захватам, чтобы задержанный шел с тобой и не рыпался, однако сейчас, в нужный мо-

мент, академическая премудрость вылетела у него из головы.

Орловский орал вслед нечто совершенно непонятное – по-русски, наверное.

Райделлов дядя – тот, который служил в Африке, – говорил, что любит смотреть на женские задницы, как они перекачиваются на ходу, ну прямо тебе две росوماхи в холщовом мешке. Сейчас, когда Райделл тащил Шеветту Вашингтон по лестнице, странное это сравнение наполнилось для него новым глубоким смыслом – и безо всякого там сексуального подтекста.

Еле ребра уцелели.

Неприличная фамилия

Шеветта не успела заметить, кто это ее схватил, да и какая, собственно, разница, что один бандит, что другой. Она брыкалась как бешеная, но без особого успеха – разве ж тут ударишь хорошенько, когда этот гад тащит тебя на вытянутых руках.

А потом он споткнулся и чуть не упал, и они оказались снаружи, на верхнем уровне, и в руке высокого, здоровенного мужика был здоровенный пластиковый пистолет или там автомат, очень похожий на детскую игрушку, их тоже делают такого вот грязно-зеленого цвета, который называется «защитный», и на мужике этом был такой же плащ, как на том, другом, который остался внизу, а шляпы не было, ни пластиковой, никакой – только мокрые волосы, гладко зачесанные назад, а еще кожа у него на роже была натянута неестественно туго, прямо как на барабане, чуть-чуть – и порвется.

– Отпусти ее, мудила.

Странный был акцент у этого мужика, вот так же точно говорил какой-то монстр в одном старом фильме ужасов. Тот, другой, который вытащил Шеветту наружу, поставил ее на землю, она не успела напрячь ноги и едва не грохнулась.

– Только пошевелись, – сказал монстр с пистолетом, – и я тебя, мудилу...

– Уор... – Тот, зацапавший ее, согнулся пополам и начал хрипло, натужно кашлять. – Бэйби, – добавил он, выпрямляясь, а затем ощупал свои ребра, болезненно сморщился и пробормотал: – Ну, мать твою, и лупишь ты ногами.

Вот этот – точно американец, только не с тихоокеанского побережья. Рукав дешевой нейлоновой куртки почти оторван, из дырки лезет какой-то белый пух.

– Только пошевелись...

Пластиковый ствол глядел этому, драному, прямо в лицо.

– *Уор-бэйби, уор-бэйби*, – сказал драный, во всяком случае, звучало это именно так. – *Уор-бэйби* поручил мне найти ее и привести. Его машина припаркована у въезда, сразу за этими надолбами, он сидит там и ждет меня. С ней.

– Аркадий...

Ну вот, еще один явился. Старый знакомый. Теперь из-под его дурацкой шляпы торчал короткий тупой рог – объектив прибора ночного видения. В правой руке какая-то круглая штука – аэрозольный, что ли, баллончик? Он махнул баллончиком в направлении лестницы и сказал что-то на непонятном языке. По-русски?

– Нельзя поливать перцем в закрытом помещении, – заметил тот, американец. – Люди ж до смерти с носоглоткой будут мучиться.

– Ты водила, да? – спросил Барабанная Роза.

И тут же махнул своему напарничку левой, свободной, рукой, чтобы тот спрятал баллончик, или что уж там у него бы-

ло.

– Мы пили кофе, а вы – чай. Шитов, так, что ли?

Не хочет, чтобы я знала его фамилию, подумала Шеветта, поймав на себе опасливый взгляд Барабанной Рожи. Да не бойсь ты, бандюга, ничего я не расслышала, мне и вообще показалось, что этот парень сказал: «Шит-офф», а ведь такой фамилии просто не может быть.

– Зачем ты ее утащил? – спросил Барабанная Рожа, Шит-офф.

– А если б она смылась в темноте? Я что, знал, что у этого, твоего напарничка, есть ночные очки? Кроме того, Уорбэйби меня за ней и послал. А вот *вас* тут вроде и не должно было быть, во всяком случае, я так понял.

– Отпусти! – заорала Шеветта.

Тот, в шляпе, грубо заломил ей руку. И когда это только успел он зайти сзади?

– Не бойся, – сказал американец. – Эти ребята из *полиции*. СФДП, отдел расследования убийств.

Успокоил, называется.

– Ну ты и мудила, – присвистнул Шит-офф.

– Копы? – переспросила Шеветта.

– Ну да.

Шит-офф громко, со злостью сплюнул.

– Пошли, Аркадий. Пока эти говнюки из подвала...

Шляпник снял прибор ночного видения и теперь нервно переминался с ноги на ногу, почти приплясывал – точь-в-

точно как перед запертой кабинкой туалета.

– Подождите, – сказала Шеветта. – Сэмми *убили*. Вы же копы, вы должны что-то сделать. Он *убил* Сэмми Сэла.

– Какой еще Сэмми? – заинтересовался тот, с оторванным рукавом.

– Мы с ним работаем! В «Объединенной»! Сэмми Дюпре. Сэмми. Он его застрелил!

– Кто застрелил?

– Рай-делл. Заткни *хле-ба-ло*.

– Она говорит нам, что обладает-информацией-связанной-с-возможным-убийством, и ты говоришь мне: «Заткни хлебало»?

– Да. Я говорю тебе: заткни, на хрен, свое долбаное хлебало. Уорбэйби. Он все объяснит.

Они пошли в сторону Сан-Франциско, и Шеветта пошла тоже – а как тут не пойдешь, если руку тебе заломили.

Была не была

Шитов чуть не силком заставил Райделла пристегнуться к Шеветте Вашингтон наручниками и наручники дал свои, «береттовские», точно такие же, как у ноксвиллской полиции. Сказал, это чтобы у них с Орловским руки были свободные, на случай если местные заметят, что девушку арестовали, и захотят ее отбить.

Арестовали? А где же тогда «миранда»?²² Да девице и не сказали даже, что вот, значит, ты теперь под арестом. Райделл твердо решил, что так прямо на суде и выложит, что не слышал никакой «миранды», хотя все время находился рядом, и давился они конем. Не было еще заботы – лжесвидетельствовать ради каких-то там раздолбаев. В академии каждый, считай, день капали курсантам на мозги, что на полицейских ложится колоссальная ответственность и как они должны себя вести, так вот эти, прости господи, крутые ковбои – хрестоматийный пример, как *не нужно* себя вести.

---

²² «Миранда» – знаменитая формула: «Вы имеете право молчать. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в качестве доказательства. Вы имеете право на совет адвоката». В 1966 г. некий Эрнесто Миранда, обвиняемый в похищении и изнасиловании, был, несмотря на признание, оправдан Верховным судом США, так как полицейские при аресте в спешке не зачитали ему эту формулу. Потом он, правда, все равно сел – но за другое.

А с другой стороны, именно ведь такими и представляют себе люди копов, именно такого поведения и ожидают от них, сознательно или бессознательно, и все это связано с мифологией – так объяснял один шибко умный лектор. Мифология, она страшная сила, взять, например, синдром преподобного Малкахи. Это когда кто-нибудь держит заложников в запертом помещении и копы решают, что же им такое делать. И все они видели этот фильм про патера Малкахи и начинают действовать соответственно. Ясно, говорят, понятно, нужно привести сюда священника. Нужно привести родителей этого парня. А я пойду туда без оружия и постараюсь его уговорить. Слово за слово, а потом какой-нибудь герой и вправду кладет ствол на землю и идет этого психа уговаривать, со всеми вытекающими последствиями. И все по одной-единственной причине – он забыл, что жизнь не похожа на кино, совсем не похожа. Но это – редкий случай, чаще бывает наоборот, живой коп начинает подражать *крутым* телевизионным копам, проходит какое-то время, и ему не нужно даже подражать, он и вправду становится таким вот ковбоем. Несмотря на все, чему его учили, несмотря на все предупреждения. А иностранцы, вроде тех же Шитова и Орловского, на них эта телевизионная хрень действует еще сильнее. Да хоть на одежду взглянуть – сразу видно, с кого они узоры пишат.

Добраться бы до души. До *горячего* душа, чтобы почти как кипяток. И терпеть, пока хватит сил – или пока вода в кра-

не не кончится. Вытереться, надеть новые, *совершенно сухие* шмотки и сесть по-человечески, в своей комнате, в свое кресло. Уорбэйби наверняка заказал уже новому сотруднику номер в какой-нибудь гостинице – или сам заказал, или Фредди своему поручил. Позвонить, чтобы прислали пару клубных сэндвичей и пяток этих длинных бутылок мексиканского пива, в Лос-Анджелесе оно везде есть, так и здесь, наверное, тоже. В ведерке со льдом. Посмотреть телевизор. Включить, скажем, а там как раз «Влипших копов» показывают. Позвонить Саблетту, почесать языком, рассказать ему, какой тут бардак в этой ихней Северной Калифорнии. Саблетт не переносит яркого света и старается работать ночью, так что одно из двух – либо он сейчас в патруле, либо смотрит свои старые фильмы...

– Смотри, куда идешь!

Рывок за наручники чуть не опрокинул его на мостовую.

– А? – пришел в себя Райделл. Они с Шеветтой огибали вертикальный стояк с разных сторон. – Прости.

Шеветта хмуро промолчала. И все-таки – ну никак не смотрелась она на девицу, способную полоснуть мужика по горлу и вытащить его язык наружу сквозь не предусмотренное анатомией отверстие. Правда, вот нож... А что, собственно, нож? Ведь нельзя же каждого, у кого в кармане нож, так вот сразу считать за убийцу. Кроме ножа, Шитов вытряс из нее карманный телефон и эти долбанные очки, из-за которых весь переполох. Точно такие же, как у великого сыщика,

и футляр такой же. Теперь очки у него, во внутреннем кармане брони; увидев их, русские прямо кипятком в потолок от радости.

И даже боялась она *не так* – душные волны страха, исходящие от пойманного преступника, не перепутаешь ни с чем, для этого и опыта никакого не надо. А тут скорее ужас затравленной *жертвы* – и это притом, что она с ходу призналась Шитову, что да, украла я эти очки. Прошлым вечером в гостинице этой самой, в «Морриси», во время пьянки. И никто ведь из русских ковбоев и слова не сказал про убийство и вообще про мужика этого зарезанного, Бликс он там или как. Подумать если, так они и ни в чем ее не обвиняли, ни в убийстве, ни в воровстве даже, – вообще ни в чем. А она говорила, что кто-то там убил какого-то Сэмми. Может, Сэмми – это и есть тот немец, зарезанный? А русские словно не слышали, и сами ничего не ответили, и Райделлу рот заткнули, и она теперь тоже молчит, ну разве что огрызнется иногда, прикрикнет, когда он начинает засыпать на ходу.

Дождь закончился, ветер стих, но большого оживления на мосту не наблюдалось – да и то сказать, странно бы было, если бы сейчас, в невесть какой час ночи, все повыскакивали наружу и начали устранять причиненный непогодой ущерб. Однако кое-где зажегся свет, какие-то люди сгребали с мостовой воду и мусор. И пьяные – уж без них-то, конечно, никак. Круто уторчавшийся на «плясуне» мужик – во всяком случае, он непрерывно разговаривал сам с собой, молотил

языком со скоростью тыща слов в минуту – пристроился в хвост процессии и так и плелся следом, пока Шитов не развернулся и не прошипел, что, мол, уторчался, мудила, так и уматывай, на хрен, в Окленд, а то искрошу тебя к такой-то матери в капусту, и все это со стволом в руках. Мужик вылупил глаза и послушно, без спору повернул назад, да и кто бы на его месте спорил, а Шитов оглушительно заржал.

Участок моста, где час назад (или два? сколько же времени прошло?) стояла в нерешительности Шеветта Вашингтон, был освещен несколькими фонарями. Райделл споткнулся о какую-то доску, взглянул вниз и только теперь заметил на ногах девушки черные десантные ботинки, один к одному, как его собственные. И тоже небось с кевларовыми стельками.

– Классная обувь, – уважительно прокомментировал он и тут же смутился.

Шеветта взглянула на него как на психа. На ее щеках блеснули слезы.

– Заткнись, мудила! – рывкнул шагавший рядом Шитов; ствол пистолета болезненно ткнул Райделла в ямку между челюстной костью и правым ухом. – И чтобы больше *ни слова!*

Райделл скосился на русского придурка, подождал, пока рука с пистолетом уберется, и только тогда кивнул:

– О'кей.

Весь дальнейший путь прошел в полном молчании. Рай-

делл украдкой поглядывал на Шитова и решал в уме сложную задачу: когда начистить морду этому сучьему потроху – сразу, как расстегнут наручники, или чуть погодя?

В тот момент, когда Шитов вытаскивал свою долбаную пушку из Райделлова уха, Райделл заметил через его плечо какого-то парня, заметил безо всякого интереса – ну парень себе и парень. Высокий, крепкий, длинноволосый, вылез из узкой, не шире фута, двери, и даже не дверь это, а щель какая-то, вылез и стоит моргает, то ли от яркого света, то ли от удивления.

Райделл не относился как-нибудь там по-особому ни к иммигрантам, ни к черным, ни к голубым – пусть себе хоть зеленый в крапинку, был бы человек хороший. Это, к слову сказать, сильно выручило его при поступлении в полицейскую академию – прогнали его через все ихние тесты, увидели, что не расист парень, ни вот на столько не расист, и взяли – несмотря на очень грустные отметки в школьном аттестате. Райделл и вправду не был расистом, только не из каких-нибудь там идейных соображений, а так, по житейскому смыслу. Ну на кой, спрашивается, быть расистом, если от этого никакой радости, одни заморочки? Ясно же, что люди никогда не вернутся назад, не будут жить, как жили когда-то, а даже и случись такая невероятная вещь – что бы в том хорошего? Тогда бы небось не по одной станции долбили пятидесятничный хеви-метал, а по всем, двадцать пять часов в сутки. И кто бы, спрашивается, жарил монгольский шаш-

лык? Да и вообще, что толку думать о такой бредятине, когда в Белом доме сидит черная баба?

Однако сейчас, когда они с Шеветтой Вашингтон пробирались между бетонных надолб, взмахивая руками в идиотском общем ритме, ни дать ни взять детский сад на прогулке, черт бы побрал эти наручники, Райделл не мог не признать, что некоторые *конкретные* иммигранты и негры его достали. *Сильно* достали. И Уорбэйби с его вселенской скорбью и постной, как у телевизионного проповедника, харей. И Фредди этот самый, технический, в рот его и в ухо, консультант. Отец, царствие ему небесное, на дух не переносил таких вот типов, скользких и хитрожопых; «ублюдки сраные» – так он их называл, любимое папашино выражение. А уж Шитов и Орловский – посмотришь на них и сразу поймешь, что имел в виду дядя, который в Африке воевал, когда рассказывал про дубин, у которых голова хрящом проросла.

И вот он, пожалуйста, Фредди тот драгоценный, – привалился задницей к радиатору «Патриота» и дергает башкой в такт какой-то там из наушников мелодии, а по краям его кроссовок бегут красные буковки, слова песни или там что. Этот-то под дождь не вылезал, в машине отсиделся, вон ведь, все у него сухонькое, и рубашка эта пистолетная, и необъятные портки.

И начальник его, Уорбэйби, в стеганом этом пальто и в шляпе, нахлобученной почти на глаза. Почти на эти сраные ВС-очки. Широкий, как шкаф, только нормальный шкаф

сам по себе стоит, а этот на тросточку опирается.

Нос к носу с «Патриотом» стояла неприметная такая серенькая машинка размером с океанский лайнер; армированные покрышки и графитовая решетка на радиаторе прямо-таки кричали каждому любопытному: «КОПОВОЗКА». И любопытные были – несмотря на поздний (или уже ранний?) час, они стояли среди бетонных надолб, сидели на ящиках и продуктовых тележках. Дети, пара мексиканок – поварихи, наверное, судя по волосам, затянутым сетками. Крепкие, угрюмого вида мужики в грязных робах опирались на лопаты и швабры. Никто не подходил особенно близко, просто смотрели – и все, на лицах подчеркнутое безразличие, обычное поведение людей, наблюдающих за работой копков.

На переднем пассажирском сиденье полицейского броненосца клевал носом еще один блюститель закона.

Русские сомкнули строй, зажали Райделла и Шеветту в плотные клещи; Райделл чувствовал, что собравшаяся толпа их нервирует. А вот не хрен было выставлять свою машину на всеобщее обозрение.

Теперь, когда Шитов шагал совсем рядом, стало слышно, как поскрипывает под его рубашкой броня. Он благоразумно припрятал пистолет и, как и подобает настоящему ковбою, не выпускал изо рта китайскую «Мальборо».

И куда же теперь? В полицейскую машину? Да нет, вроде бы к «Патриоту». Лучезарная улыбочка Фредди прямо на-

прашивалась на хороший удар каблуком, зато Уорбэйби глядел на приближающуюся процессию с чуть ли не большей, чем обычно, скорбью.

– Снимите с меня эту хрень.

Райделл сунул Уорбэйби под нос охваченное тонким стальным ободком запястье; рука Шеветты Вашингтон дернулась вверх. Стоило зрителям заметить наручники, как их безразличие словно ветром сдуло; послышался негромкий угрожающий рокот.

Уорбэйби повернулся к Шитову.

– Добыл?

– Да. – Шитов похлопал себя по груди. – Здесь они, как миленькие.

– Вот и прекрасно, – кивнул Уорбэйби.

Он взглянул на Шеветту, на Райделла и наконец повернулся к Орловскому.

– Сними с него наручники.

Орловский взял Райделла за запястье и сунул в прорезь наручника магнитный ключ.

– Садись в машину, – скомандовал Уорбэйби.

– Они не читали ей «миранду», – запротестовал Райделл.

– Садись в машину. Ты же у нас водитель, или забыл?

– Скажите, мистер Уорбэйби, она что, арестована?

Фредди мерзко хихикнул.

Шеветта протянула Орловскому свое все еще закованное запястье, но тот уже засовывал магнитный ключ в карман.

– Райделл, – печально вздохнул Уорбэйби, – садись в машину. Мы тут больше не нужны.

Правая дверца серой машины распахнулась; полицейский (полицейский?), дремавший прежде на пассажирском сиденье, вышел наружу и потянулся. Черные ковбойские сапоги, длинный угольно-черный плащ. Светлые волосы, не короткие и не длинные. От уголков рта – глубокие, словно стамеской вырубленные морщины. Бесцветные, водянистые глаза. Тонкие губы широко разошлись в улыбке, сверкнули искорки золота.

– Это он. – Голос Шеветты Вашингтон срывался. – Он убил Сэмми.

И тут высокий длинноволосый парень – тот самый, которого Райделл видел на мосту, только теперь он был на велосипеде – с разгона врезался в спину Шитова. Старый ржавый велосипед с крепким стальным багажником перед рулем тянул на добрую сотню фунтов, столько же, а то и больше весил металлолом, набитый в глубокую корзину переднего багажника, еще две сотни – сам лихой велосипедист. Шитов негромко хрюкнул и рухнул на капот «Патриота»; Фредди подпрыгнул, как ошпаренная кошка.

Длинноволосый парень, похожий сейчас на взбесившегося медведя, перелетел через руль, упал на Шитова сверху и начал молотить его мордой о капот. Рука Орловского метнулась к пистолету, но в тот же момент Шеветта выхватила из ботинка отвертку и саданула его в спину. Бронежилет, ко-

нечно, не прошибла, но от удара коп качнулся.

Безгильзовые боеприпасы и плавающий затвор обеспечивают невероятную скорострельность. Надсадный, душераздирающий вой, издаваемый современным оружием при автоматической стрельбе, ничуть не похож на ритмичный перестук древних пулеметов и автоматов.

Первая очередь ушла в темное ночное небо; Шеветта Вашингтон повисла на правой руке Орловского. Орловский попытался повернуть ствол в ее сторону, но не сумел – вторая очередь полоснула в сторону моста. Из толпы раздались испуганные крики, люди хватали и прятали детей.

У великого сыщика отвалилась челюсть, он явно не верил своим глазам.

Орловский снова попытался вырвать руку из Шеветтиной хватки. Райделл стоял прямо за его спиной, и это было снова как тогда, с Кеннетом Терви. Или – когда «Громила» выносил ворота шонбрунновской усадьбы.

Он ударил Орловского ребром ботинка по голени, тот рухнул и третья очередь ушла вертикально вверх.

Фредди попытался схватить Шеветту – и едва успел прикрыться драгоценным своим компьютером. Отвертка пробила тоненький чемоданчик насквозь; Фредди уронил его на землю, истошно завопил и отпрыгнул.

Райделл поймал на лету расстегнутый наручник – тот самый, который висел недавно на его собственном запястье, – и дернул.

Открыв правую дверцу «Патриота», он пролез на водительское место и втащил следом за собой Шеветту. Длинноволосый все еще продолжал выяснять, что прочнее – русская голова или американский металл.

Ключ. Зажигание.

Райделл заметил на капоте радиотелефон и ВС-очки, вывалившиеся из кармана Шитова. Опустить стекло, схватить телефон и тускло-серый футляр, поднять стекло. Короткая очередь прошла длинноволосого, смела его на землю. Врубая задний ход, Райделл снова заметил того, золотозубого из коповозки. Золотозубый стоял, широко расставив ноги, и водил из стороны в сторону стволом. Правая рука сжимает оружие, левая сжимает запястье правой – все, как учили в академии. Корма «Патриота» врезалась в какое-то препятствие, Шитов слетел с капота за компанию с ржавыми цепями и обрезками труб. Шеветта все еще рвалась наружу (и что же это она там забыла?), так что Райделлу приходилось придерживать ее за наручник и крутить баранку одной левой. Затем он выпустил наручник, чтобы перевести передачу с заднего хода на передний, и тут же вцепился в него снова.

Следующим номером программы Райделл бросил «Патриота» на золотозубого; тот настолько увлекся стрелковыми упражнениями, что едва успел выскочить из-под колес. Шеветта оценила наконец ситуацию и захлопнула дверцу.

«Патриот» проскочил в каком-то дюйме от края моста и едва не врезался в хвост огромного оранжевого мусоровоза.

Последняя картина, которую Райделл увидел в боковом зеркальце, выглядела почти нереально, как обрывок горячечного бреда, а потому намертво врезалась в его память. Громада моста, похожая на затонувший, опутанный водорослями корабль, на заднем плане – предрассветное, чуть сереющее небо, на переднем – громоздкая фигура великого сыщика. Уорбэйби шагнул раз, другой и ткнул тростью в направлении удаляющегося «Патриота». Сейчас он сильно напоминал фокусника или волшебника, манипулирующего своим волшебным жезлом.

Затем нечто, вылетевшее из трости, вышибло заднее стекло «Патриота»; Райделл заложил такой крутой правый вираж, что чуть не перевернул машину.

– Господи... – Шеветта говорила медленно, недоуменно, словно только что проснулась и не совсем еще воспринимает окружающее. – Что это ты делаешь?

Райделл не знал, что он делает, он просто *делал*.

Песня стальной рептилии

Свет вырубился, Скиннерову комнатнушку залила густая чернильная темнота. Ямадзаки встал со стула, нашел Шеветтин спальный мешок, нащупал фонарик.

Яркое белое пятно скользнуло по стенам, задержалось на кровати. Скиннер спал, укрывшись двумя одеялами и рваным спальником, из угла открытого рта сочилась тонкая струйка слюны.

Ямадзаки осмотрел надкроватную полку. Маленькие стеклянные баночки со специями, банки побольше с винтами, гайками и шурупами, черный бакелитовый телефон с диском – живое напоминание о том, откуда взялось выражение «набрать номер». Разноцветные колесики клейкой ленты, мотки толстой медной проволоки, рыболовные снасти – или что-то на них похожее, Ямадзаки не очень в этом разбирался – и, наконец, свечные огарки, штук десять, стянутые черной резинкой, пересохшей и растрескавшейся. Зажигалка нашлась быстрее – она лежала на самом естественном месте, рядом с примусом. Ямадзаки оплавил самый длинный из огарков в пламени зажигалки, прилепил его к блюдцу и зажег. Узкий оранжевый язычок испуганно заметался и потух.

С фонариком в левой руке Ямадзаки подошел к окну, закрыл его поплотнее, подоткнул две грязные тряпки – не

очень эквивалентную замену утраченных сегментов витража.

На этот раз свечка не потухла, хотя пламя и колебалось – по комнате все еще гуляли сквозняки. Ямадзаки вернулся к окну. Все огни на мосту погасли, и он исчез, растворился в темноте. Дождь лупил по стеклам в упор, почти горизонтально; крошечные капельки прорывались сквозь трещины и щели, холодили лицо.

А ведь эту комнату, подумал Ямадзаки, можно превратить в первоклассную камеру-обскуру. Вынуть из витража миниатюрное центральное стеклышко, чем-нибудь закрыть остальные сегменты, и на противоположную стену спроецируется перевернутое изображение.

Ямадзаки слышал, что центральная опора, удерживающая на себе середину моста, считалась когда-то одной из лучших в мире камер-обскур. Свет, проникавший в ее темную утробу через крошечное отверстие, рисовал на дальней стене исполинскую картину изнанки моста, ближайшего устоя и водных просторов. А теперь в этих мрачных казематах поселились самые нелюдимые обитатели моста; Скиннер настоятельно советовал воздержаться от какого бы то ни было с ними общения.

– Это тебе не Остров Сокровищ, никаких таких Мэнсонов²³ там нет, но ты, Скутер, все равно к ним не лезь. Ребята

---

²³ *Чарльз Мэнсон* (1934–2017) – глава своего рода сатанинской коммуны, зверски убившей в 1969 г. актрису Шерон Тейт (жену режиссера Романа Полански)

как ребята, только не любят они гостей, не любят – и все тут.

Ямадзаки подошел к стальному канату, разделявшему комнату пополам. Скиннерова халупа *сидела* на канате, небольшая его часть, выступавшая над уровнем пола, напминала малую поправку, едва проглядывающую при компьютерном представлении поверхности, описываемой сложной математической формулой. Ямадзаки нагнулся и потрогал стальной горб, отполированный сотнями чьих-то рук. Каждый из тридцати семи тросов, составлявших канат, был сплетен из четырехсот семидесяти двух жил, каждый из тросов выдерживал – всегда, в том числе и сейчас, в этот самый момент, – нагрузку в несколько миллионов фунтов. Позвоночник... нет, даже не позвоночник, а спинная струна, *хорда* исполинской реликтовой рептилии, чудом дожившей до нашего времени. И по ней, по этой хорде, струится информация, смутная и темная, как даль геологических эпох. Доисторическая тварь не совсем еще утратила подвижность – мост вибрировал под напором ветра, натягивался и сжимался при смене жары и холода, стальные когти его огромных лап цепко держались за материковую платформу, укрытую донным илом, за скалу, почти не пошевелившуюся даже при Малом великом землетрясении.

Годзилла. Ямадзаки зябко поежился, вспомнив давние телевизионные репортажи. Он тогда был в Париже, с родителями. Теперь на развалинах Токио вырастили новый город.

и всех собравшихся у нее гостей.

Да, кстати. Он подобрал с пола Скиннеров телевизор, поставил его на стол и начал рассматривать. Экран вроде бы в порядке, просто вывалился из корпуса и повис на короткой пестрой ленте кабеля. Ямадзаки приложил тускло-серый, с округлыми углами прямоугольник к пустой рамке, нажал большими пальцами, что-то щелкнуло, и экран сел на место. Только будет ли эта штука работать? Он нагнулся, высматривая нужную кнопку. Вот эта. ВКЛ.

По экрану побежали красно-зеленые полосы, через секунду они исчезли, в левом нижнем углу вспыхнула эмблема NHK.

– ...Наследник Харвуда Левина, создателя и единолично-го владельца одной из крупнейших рекламных империй, покинул сегодня Сан-Франциско, где провел, согласно нашим конфиденциальным источникам, несколько дней.

Непропорционально длинное и все же симпатичное лицо. Тяжелый лошадиный подбородок прячется в поднятый воротник плаща. Широкая белозубая улыбка.

– Его сопровождает... – (прямо на камеру идет стройная темноволосая женщина, закутанная в нечто черное и – тут уж никаких сомнений – умопомрачительно дорогое, на коротких черных сапогах поблескивают серебряные шпоры), – Мария Пас, дочь падуанского кинорежиссера Карло Паса. Лицо Марии Пас известно каждому, кто хоть немного следит за светской хроникой. Все вопросы, касающиеся цели этого неожиданного визита, остались без ответа.

Известное каждому – и очень несчастное, чуть ли не заплаканное – лицо исчезло, теперь по экрану ползли бронетранспортеры, снятые в инфракрасном свете. Японские миротворческие силы продвигаются к местному аэропорту какого-то богом и людьми забытого новозеландского городка.

– ...Потери, вина за которые возлагается на запрещенный Фронт освобождения Саут-Айленда. Тем временем в Веллингтоне...

Ямадзакі попробовал переключить канал. Несколько секунд красно-зеленого мелькания, и на экране проступил портрет Шейпли, заключенный в аккуратную рамочку. Документальная постановка Би-би-си. Лицо спокойное, серьезное, даже чуть гипнотичное. После двух безуспешных попыток поймать что-нибудь другое Ямадзакі прибавил громкость, голоса британских актеров отодвинули в сторону все прочие звуки – и завывание ветра, и гудение тросов, и скрип фанерных стен. Он сосредоточился на хорошо известной истории, с хорошо известным – хотя и не очень хорошим – концом.

Джеймс Делмор Шейпли привлек к себе внимание антипидовой промышленности в самые первые месяцы нового тысячелетия. Тридцатилетняя проститутка мужеского пола, он был инфицирован уже двенадцать лет. В тот момент, когда доктор Ким Кутник, работавшая в Атланте, штат Джорджия, сделала свое открытие, Джеймс Шейпли отсиживал в тюрьме двухсотпятидесятидневный срок за непристойное

поведение в общественном месте (его статус ВИЧ-инфицированного должен был повлечь за собой значительно более серьезные обвинения, однако судьи этого «не заметили»). Ким Кутник, работавшая на компанию «Шарман», филиал «Сибата Фармасьютикалс», просматривала медицинские карты заключенных. Ей были нужны личности вполне определенного – и экзотического плана: ВИЧ-инфицированные не менее десяти лет, не проявившие за это время никаких болезненных симптомов и имеющие в крови нормальное (либо, как в случае Шейпли, повышенное) количество т-лимфоцитов.

Шармановские лаборатории атаковали СПИД по многим направлениям; одно из них было связано с надеждой обнаружить и выделить мутантные штаммы вируса. Многие биологи считали, что высокая, практически стопроцентная летальность единственной известной на тот момент генетической разновидности ВИЧ противоречит законам естественного отбора. Вирус рубит сук, на котором сидит: распространяясь без помех, он не сегодня, так завтра уничтожит человечество, единственную свою питательную среду. Уничтожит *самого себя*. (Другие ученые столь же убежденно утверждали, что необычно долгий инкубационный период СПИДа не даст человечеству погибнуть.) Собственно говоря, идея выделить непатогенные штаммы вируса и применить их для подавления штаммов летальных была выдвинута лет на десять раньше, однако так и осталась идеей: «этические» сооб-

ражения не позволяли проводить прямые эксперименты на людях. Шармановские исследователи опирались на идеологию этих старых работ: если вирус хочет жить, он не должен убивать своего «хозяина». Исследовательская группа, куда входила и доктор Кутник, намеревалась вакцинировать пациентов на стадии СПИДа сывороткой из крови ВИЧ-положительных индивидуумов – в надежде на вытеснение летального штамма безвредным.

Поиски таких индивидуумов были поручены семерым вирусологам, в том числе и Ким Кутник. Она решила начать прямо с ближайшей тюрьмы. Первоначальный отбор выявил шестьдесят шесть заключенных, которые: а) были инфицированы вирусом иммунодефицита человека десять и более лет назад и б) не имели никаких жалоб на здоровье. Одним из этих шестидесяти шести был Дж. Д. Шейпли.

Действие переместилось в Рио-де-Жанейро, в патио²⁴ загородного особняка. Доктор Кутник (чью роль исполняла молоденькая английская актриса) вспоминала свою первую встречу с Шейпли.

– Трудно сказать, что поразило меня больше – количество т-лимфоцитов в крови Шейпли, значительно превышавшее норму, или его ответы на вопросник, из которых следовало, что Шейпли не только следовал нормам «безопасного секса». Шейпли произвел на меня впечатление очень искреннего, отзывчивого и, как это ни странно, очень *невин-*

---

²⁴ *Патио* – крытый двор.

ного человека. Мой вопрос об оральном сексе заставил его смутиться и покраснеть. Затем он рассмеялся и сказал... он сказал... – «Кутник» потупилась, ее щеки вспыхнули пунцовой краской. – Сказал, что «сосет – с хлопом и досуха». Конечно же, – продолжила актриса, – в те дни все наши представления о путях распространения инфекции базировались на догадках и предположениях. Странно подумать: не было проведено ни одного прямого эксперимента по выявлению механизма передачи.

Ямадзаки выключил телевизор. Федеральный закон о добровольных участниках экспериментов по борьбе со СПИДом и ходатайство доктора Кутник позволят Шейпли выйти из тюрьмы. «Безбожные и безнравственные» эксперименты шармановской группы, связанные с переливанием людям, умирающим от СПИДа, «нечистой крови», встретят яростное сопротивление со стороны христианских фундаменталистов. Эксперименты застопорятся – в тот самый момент, когда Ким Кутник получит первые обнадеживающие результаты. Состояние пациентов, имевших половые сношения с Шейпли, заметно улучшится, они явно пойдут на поправку. Вzbешенная Кутник уволится с работы, увезет ничего не понимающего Шейпли в стоящую на пороге гражданской войны Бразилию, найдет щедрых спонсоров и продолжит свои исследования – там к таким вещам относятся просто и поделовому.

Все бы хорошо, не будь у этой истории такого печального

конца.

Лучше уж сидеть при свечке и слушать песню стальной рептилии.

Хоть вброд, хоть вплавь

Он все говорил, что он из Теннесси и что он *в гробу* видал все это говно. А она оставила уже всякие надежды дожить до завтра, так он гнал машину, а и доживешь, так что толку – все равно поймают копы или этот, который застрелил Сэмми. Она все еще не могла понять, как и что случилось, и ведь этот мужик, который вырубил краснорожего, – это же точно был Найджел.

И его все тянуло куда-то направо от Брайанта, и тогда она сказала ему свернуть по Фолсом налево, ведь если эти суки и вправду висят на хвосте, так нужно выезжать на Хайт, лучшего места, чтобы затеряться среди людей, и не придумаешь, сама-то она точно намеревалась двинуть туда при первой же возможности. А «форд» был точь-в-точь такой же, как у мистера Маттьюза, директора Бивертонской колонии. И она пыталась заколоть этого типа отверткой, это подумать только, никогда бы от себя такого не ожидала. А потом сломала этому черному парню, который с такой мощной прической, его компьютер. И этот чертов браслет на левом запястье, а другая его половинка, открытая, болтается на короткой, в три звена, цепочке.

Он оторвал правую руку от руля и схватился за пустой наручник. Что-то такое с ним сделал – вслепую, не отрывая

глаз от улицы. Отпустил. И зачем это, интересно, он его защелкнул?

– Зачем ты его защелкнул?

– Для твоей же пользы. А то зацепишься за дверную ручку или еще за что...

– А теперьними.

– Дай ключ – сниму.

– Что же мне, так теперь и ходить?

Она побренчала наручниками перед самым его носом.

– Засунь в рукав. Это же «береттовские» наручники. Серьезная штука.

Ему вроде как нравилось, что наконец-то нашлась тема для разговора, даже машину повел вроде как поспокойнее. Карие глаза. Не старый, лет двадцать с небольшим. Дешевая, насквозь мокрая одежда. Волосы не темные и не светлые, середина на половинку, подстрижены слишком уж коротко, но не так коротко, чтобы было ясно, что это нарочно, из пижонства. А мышца на нижней челюсти все ходит и ходит, словно он жует резинку, только он ничего не жует.

– Куда мы едем?

– А я-то откуда знаю? – Он прибавил газа. – Это же ты сказала «налево».

– Кто ты такой?

– Райделл. – Его глаза на мгновение оторвались от дороги, скользнули по Шеветте. – Берри Райделл.

– Барри?

– Берри²⁵. Вроде малины. Или волчьей ягоды. Кой хрен, это же *большая* улица, фонари и все такое...

– Направо.

– И куда же я должен...

– Направо!

– О'кей. – Он крутанул руль. – И куда ж это мы?

– На Хайт-стрит. Ночью там много народа, а копы и носа не суют.

– И бросим там машину?

– Отвернись на две секунды, и от нее останутся одни воспоминания.

– Банкоматы в этих краях водятся?

– А то.

– Ну да, вот он и есть.

На поребрике «Патриот» сильно трянуло, из рамы заднего окна посыпались осколки пуленепробиваемого стекла. Кто же это его выбил? – удивилась Шеветта. И когда? Я же все время здесь была...

Он выудил из насквозь мокрого бумажника кредитную карточку, затем вторую, третью.

– Без денег нам никак, придется попробовать. А если ты хочешь выскочить из машины и сделать ноги, так за ради бога. – Он пожал плечами. – Никто тебя не держит.

А потом он вытащил из кармана куртки очки, те самые. И телефон. Как только в «Диссидентах» потух свет, она внаг-

---

²⁵ Berry (англ.) – ягода.

лую выхватила этот телефон прямо из пальцев Коудса. Ведь Лоуэлл, он всегда говорил, что в неприятности лучше не попадать, а если уж попал, нужно иметь под рукой телефон, без чего другого можно и обойтись, только не без телефона. А этот, бритоголовый, перетопчется как-нибудь. Ну а *этой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.